

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель и издатель:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
профессионального
образования
«Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2015
(№ 93)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

- 6 **И. В. Левакин, Э. В. Сухов.** Социально-экономическая эффективность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации
- 17 **А. А. Огарков.** Управленческая безопасность региональной социально-экономической системы
- 27 **Л. В. Савинов, Е. А. Дорожинская, А. В. Сигарев.** «Дело о Тангейзере»: социальный конфликт и секулярный парадокс

Экономика региона

- 35 **Е. Г. Коваленко, Н. А. Полушкин.** Направления и методы государственного регулирования развития сельских территорий региона в условиях членства России в ВТО
- 44 **Е. В. Настюшкина.** Информатизация налоговых органов региона как условие их модернизации
- 54 **С. В. Булярский, А. О. Синицын, А. В. Цыганцов.** Влияние асимметрии информации на устойчивость экономических кластеров
- 62 **Е. В. Озерова.** Ментальная карта как инструмент построения системы внутреннего контроля организации
- 71 **П. А. Еряшев.** Стратегические приоритеты в управлении зернопродуктовым подкомплексом АПК
- 81 **И. А. Саков.** Основные тенденции и проблемы развития малого бизнеса в регионе

Главный редактор:
С. М. ВДОВИН

Журнал
входит в
Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых
должны быть
опубликованы
основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Социология региона

- 93 **Н. С. Савкин.** Социологический метод
В. Я. Ельмеева
- 103 **А. А. Голикова, А. Н. Больницкая,
А. Б. Неустроева.** Иностранная трудовая
миграция в Республику Саха (Якутия)
- 112 **Д. М. Борисов, К. В. Фофанова.** Террито-
риальная мобильность населения региона
- 121 **М. А. Казаков, А. А. Зубкевич.** Гендерные
аспекты лидерства в практиках молодеж-
ной политики современной России
- 132 **А. Э. Ушамирский.** Особенности диспози-
ции молодежи в социальных конфликтах
- 139 **Я. М. Ахметова, Л. К. Мухаметзянова,
Р. Р. Хизбуллина.** Профессиональное
самоопределение и самооценка молодежи
региона
- 148 **Т. М. Дадаева.** Конфликты в молодых
городских семьях
- 158 **Н. О. Колчина.** Развитие индустрии туризма
и гостеприимства в странах финно-угорской
группы
- 169 **Конференции. Встречи. Дискуссии**

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder and Publisher:
Federal State-Funded
Educational
Institution of Higher
Professional Education
“N.P. Ogarev Mordovia State
University”

The journal has been
published since October 1992

The journal is
published quarterly

4/2015
(№ 93)

CONTENTS

Political Space of a Region

- 6 **I. V. Levakin, E. V. Sukhov.** Socio-
Economic Effectiveness of the Cons-
titutional (Charter) Courts of Subjects
of the Russian Federation
- 17 **A. A. Ogarkov.** Administrative Security
of the Regional Socio-Economic System
- 27 **L. V. Savinov, E. A. Dorozhinskaya,
A. V. Sigarev.** “The Case of Tannhauser”:
Social Conflict and Secular Paradox

Economy of a Region

- 35 **E. G. Kovalenko, N. A. Polushkin.**
Directions and Methods of State
Regulation of Development of Rural
Territories of a Region in the Conditions
of Russia’s Membership in the WTO
- 44 **E. V. Nastyushkina.** Informatization
of Tax Authorities in a Region as a
Condition of Their Modernization
- 54 **S. V. Bulyarsky, A. O. Sinitsyn,
A. V. Tsygantsov.** Impact of Information
Asymmetry on Sustainability of Economic
Clusters
- 62 **E. V. Ozerova.** Mind Map as a Tool for
Building the Internal Control System of
an Organization
- 71 **P. A. Eryashev.** Strategic Priorities in
Management of the Grain Production
Subcomplex of the Agricultural Sector
- 81 **I. A. Sakov.** Main Tendencies and
Problems of Development of Small
Business in a Region

Sociology of a Region

- 93 **N. S. Savkin.** The Vasily Elmeev
Sociological Method

Editor-in-Chief:
S. M. VDOVIN

The journal
is included
into the
List of the
peer-reviewed
scientific
publications
where the basic
scientific results
of candidate's
and doctoral
theses must be
published

- 103 **A. A. Golikova, A. N. Bolnitskaya, A. B. Neustroeva.** Foreign Labour Migration to the Republic of Sakha (Yakutia)
- 112 **D. M. Borisov, K. V. Fofanova.** Territorial Mobility of the Population of a Region
- 121 **M. A. Kazakov, A. A. Zubkevich.** Gender Aspects of Leadership in the Practice of the Youth Policy in Modern Russia
- 132 **A. E. Ushamirsky.** Features of Disposition of the Youth in Social Conflicts
- 139 **Ya. M. Akhmetova, L. K. Mukhametzyanova, R. R. Khizbullina.** Professional Self-Determination and Self-Esteem of the Youth in a Region
- 148 **T. M. Dadaeva.** Conflicts in Young City Families
- 158 **N. O. Kolchina.** Development of the Tourism and Hospitality Industry in the Finno-Ugric Countries
- 169 **Conferences. Meetings. Discussions**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- С. М. Вдовин** — главный редактор, канд. экон. наук (г. Саранск, Россия)
И. В. Бахлов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
В. И. Гришин — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
А. В. Дахин — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
П. В. Дружинин — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
А. Н. Ершов — д-р социол. наук, проф. (г. Казань, Россия)
Т. Н. Иванова — д-р социол. наук, доц. (г. Тольятти, Россия)
Л. В. Калачина — отв. секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
В. А. Ковалев — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
В. В. Козин — зам. главного редактора, канд. социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
А. Е. Лапин — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
В. В. Маркин — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
В. И. Патрушев — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
Г. А. Резник — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
Ж. Симанавичене — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литва)
В. П. Шалаев — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

- S. M. Vdovin** — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences (Saransk, Russian Federation)
I. V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
V. I. Grishin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
A. V. Dakhin — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
P. V. Druzhinin — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russian Federation)
A. N. Ershov — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Kazan, Russian Federation)
T. N. Ivanova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Togliatti, Russian Federation)
L. V. Kalachina — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russian Federation)
V. A. Kovalev — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russian Federation)
V. V. Kozin — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
A. E. Lapin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)
V. V. Markin — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
V. I. Patrushev — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
G. A. Reznik — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russian Federation)
Zh. Simanavichene — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)
V. P. Shalaev — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

И. В. ЛЕВАКИН

Э. В. СУХОВ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: федерализм, субъект Федерации, суд, конституционное (уставное) правосудие, право, эффективность

Key words: federalism, subject of the Federation, court, constitutional (statutory) justice, law, effectiveness

Российский федерализм имеет множество способов реализации, в том числе через систему конституционного (уставного) правосудия субъектов. Институт конституционных (уставных) судов уже достаточно апробирован

ЛЕВАКИН Игорь Вячеславович, профессор кафедры государственного обеспечения управленческой деятельности Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук.

СУХОВ Эдуард Владимирович, доцент кафедры международного и европейского права Мордовского государственного университета, кандидат юридических наук.

LEVAKIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the De-partment of Legal Support of Administrative Activity, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation).

SUKHOV Eduard Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of International and European Law, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Левакин И. В., Сухов Э. В., 2015

в российской правовой системе, поэтому можно проиллюстрировать некоторые социально-экономические показатели его деятельности. Обсуждаются вопросы эффективности и целесообразности конституционных (уставных) судов в существующем виде, формулируются легальные подходы к реформированию системы конституционного (уставного) правосудия.

Russian federalism has many ways of implementation, including through the system of the constitutional (charter) justice of the subjects. The institution of the constitutional (charter) courts has already been tested in the Russian legal system; therefore it is possible to illustrate some of the socio-economic indicators of its activity. The paper discusses effectiveness and feasibility of maintaining the system of the constitutional (charter) courts in its current form; it formulates legal approaches to reforming the system of the constitutional (charter) justice.

Эффективность государственных органов, в том числе органов конституционного правосудия, можно определить как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых они созданы. Разумеется, критерии такой оценки многообразны и могут различаться в зависимости от специфики государственного органа, деятельность которого оценивается. Например, о деятельности ГИБДД можно судить по количеству составленных протоколов о нарушениях ПДД или по увеличению либо снижению количества ДТП. В отношении медицинских учреждений значение имеет количество принятых больных или рост либо снижение смертности среди них. В первом случае это классическая «палочная система», во втором — попытка оценки деятельности по конечному результату (для ГИБДД это безопасность дорожного движения, для Минздрава — здоровье населения). Кроме того, на практике социальные цели могут существенно деформироваться, значительно отличаться, скажем, от конституционно заявленных.

Деятельность судебных органов в основном заключается в разрешении в особом процессуальном порядке правовых споров для вынесения законных, обоснованных и справедливых решений. Кроме того, правосудие призвано обеспечить эффективное применение права для восстановления нарушенных прав. Следовательно, эффективность судебной власти зависит от достигнутого конкретного результата, т. е. от того, насколько судебные органы в процессе судопроизводства обеспечивают судебные решения, отвечающие всем свойственным им по закону характеристикам.

Однако эффективность судебных решений не может ограничиться только юридическими (хотя и определяющими) характеристиками, общество вправе рассчитывать на социально-экономическую эффективность судебной власти, которая в первую очередь определяется скоростью, экономностью, социальной ответственностью принятия судебных решений. Очевидно, что любой (федеральный, субъектовый) бюджет ограничен, он должен расходоваться на социально значимые цели, ясные и необходимые сообществу граждан (налогоплательщиков). Общественный договор легитимирует эти цели, конституции (уставы), как федеральные, так и субъектов Федерации.

Конституция 1993 г. предусмотрела пределы ведения Федерации и совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 71—72). Вне данных ограничений субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти (ст. 73), которую осуществляют образуемые ими органы (ч. 2 ст. 11), в том числе в некоторых субъектах конституционные (уставные) суды¹. Отсутствие федерального закона о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации, скорее, необходимо рассматривать в качестве блага, открывающего возможности для развития подлинного федерализма, отвечающего интересам как федерального центра, так и субъектов Федерации.

В соответствии со ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», конституционный (уставный) суд субъекта может создаваться для рассмотрения вопросов соответствия его законов, нормативных правовых актов органов государственной власти, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации его конституции (уставу), а также для толкования ее (его) положений. Решение, принятое в пределах полномочий конституционного (уставного) суда, не может быть пересмотрено иным судом. Финансирование конституционного (уставного) суда субъекта Федерации производится за счет средств бюджета этого субъекта.

Достаточный период работы некоторых конституционных (уставных) судов (около 20 лет) позволяет констатировать, что эти нормы реализуются без должной эффективности. Например, одна из главных причин социально-правовой неэффективности состоит в том, что конституционные (уставные)

суды далеко не всегда отвечают принципу независимости, так как судьи назначаются преимущественно местным законодательным собранием по представлению главы субъекта, а затем нередко им приходится разрешать споры, связанные с деятельностью представительного (законодательного) органа и высшего должностного лица субъекта. С тезисом о местнической зависимости конституционных (уставных) судов можно не соглашаться, но ситуация от этого не изменится. Таким образом, возникает справедливый вопрос: целесообразно ли иметь часто лишенную самостоятельности систему судов, пусть даже для такой категории дел, как дела, рассматриваемые конституционной юстицией субъектов, тем более что от увеличения количества государственных органов законность не укрепляется, напротив, приходит в состояние деградации. Практика дает недвусмысленный ответ на этот вопрос.

Образование конституционного (уставного) суда является правом субъекта Российской Федерации, а не обязанностью. В настоящее время конституционные (уставные) суды действуют лишь в 16 регионах из 85, хотя возможность их создания предусмотрена в конституциях и уставах более 50 субъектов. Следует также отметить объективную тенденцию сокращения количества конституционных (уставных) судов: с 1 января 2014 г. до 31 декабря 2016 г. приостановлена деятельность Конституционного суда Республики Бурятия, 16 февраля 1994 г. упразднен Конституционный суд Республики Мордовия, 30 января 2014 г. перестал работать Уставный суд Челябинской области.

Число судей конституционных (уставных) судов на федеральном уровне не регламентируется. Этот вопрос разрешается субъектами Федерации самостоятельно. На практике в суды входят от 3 до 7 судей, требования к которым устанавливает Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации», а сами судьи согласно Федеральному закону «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» признаются частью судейского сообщества. Судьей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации может быть гражданин России, достигший возраста 25 лет и имеющий стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет.

В юридической науке продолжают дискуссии о перспективах развития конституционного (уставного) правосудия. По мнению многих российских правоведов, нет никаких оснований для утверждения, что конституционное (уставное) правосудие в субъектах Российской Федерации на нынешнем этапе развития нашего общества изжило себя². Они не смогли отыскать не только каких-либо результатов социологических исследований на сей счет, но и более или менее обоснованных предложений о ликвидации данных судов. Это весьма странно, ведь Интернет буквально наполнен содержательными дискуссиями, особенно в регионах, и фактами, характеризующими деятельность региональной судебной юстиции³. Не замечать этого уже невозможно, что и подтверждают статьи «защитников» конституционной юстиции субъектов Федерации.

Можно привести самые общие цифры, позволяющие сравнить деятельность различных судов. Возможно, они позволят как-то заполнить «пробел» в требуемых доказательствах и социологических данных. Например, в 2014 г. в систему судов общей юрисдикции поступило на рассмотрение более 20 миллионов дел⁴. Конечно, конституционные (уставные) суды осуществляют специализированное правосудие. Поддержание конституционной законности выступает в качестве их идеальной приоритетной цели, рассматриваемые дела могут быть архиважными и, следовательно, немногочисленными. Но Конституционный суд Российской Федерации за первые шесть месяцев 2015 г. рассмотрел 1 594 заявления (вынес 17 постановлений и 1 577 определений)⁵. Действующие конституционные (уставные) суды субъектов рассматривают в лучшем случае не более десяти заявлений в год. Утверждение о том, что в регионах нет нарушений конституционной законности и поэтому нет обращений в конституционные (уставные) суды, не может быть принято за истину, большая часть населения попросту лишена экономических и организационных возможностей обращения в органы конституционной (уставной) юстиции.

Сторонники сохранения и развития системы конституционных (уставных) судов приводят ряд аргументов:

— образование конституционного (уставного) суда в системе органов власти субъекта завершает формирование системы разделения властей и в значительной степени

оформляет «государственно-правовой» статус государственного территориального образования в составе Федерации;

— наличие конституционного (уставного) суда обусловлено необходимостью реализации положений ст. 46, 133 Конституции России, закрепляющих право граждан и органов местного самоуправления на судебную защиту;

— конституционные (уставные) суды обладают правом проверки конституционности (уставности) нормативных актов субъектов. Они разгружают суды общей юрисдикции и являются «вспомогательными» по отношению к Конституционному суду Российской Федерации;

— конституционные (уставные) суды достраивают судебную систему Федерации, стимулируют развитие регионального законодательства. Уставный суд представляет ценность как специальное «судебное обеспечение» регионального права;

— приведенный в законе «О судебной системе» перечень полномочий конституционных (уставных) судов не является исчерпывающим, и субъекты Федерации могут наделять их другими полномочиями, соответствующими природе таких судов;

— создание конституционного (уставного) суда стабилизирует «правовое пространство» субъекта Федерации путем исключения правовых норм, не соответствующих учредительному акту субъекта и федеральному праву в целом и др.⁶

Перечисленные аргументы разумны, с одними из них можно поспорить, с другими — согласиться. Однако в них проигнорирована проблема цены, которую должно платить общество (бюджет) за содержание данных органов, часто имитирующих деятельность по защите конституционных (уставных) норм. Позволим себе усомниться в том, что «себестоимость» конституционного (уставного) суда и раньше, и сейчас редко превышает 15 млн руб. в год, а это очень «малая доля» процента бюджета субъекта⁷. Кроме того, на что тратятся эти деньги?

Конституционный суд Республики Адыгея основан 29 октября 1997 г., состоит из 3 судей, ни один из которых до назначения в конституционный суд судебной деятельностью не занимался, ученой степени не имеет. Согласно сведениям, приведенным на сайте суда, в 2013 г. не рассмотрено ни одного дела, в 2014 г. рассмотрены в судебном заседании два обращения с вынесением итогового решения (по обоим

отказано в связи с неподведомственностью). За все время существования суда вынесено 75 итоговых решений (постановлений и определений)⁸. В среднем суд рассматривал 4,41 дела в год. В бюджете республики на 2015 г. расходы на Конституционный суд составили 9 495 800 руб., а на 2016 г. — 9 762 400 руб.⁹ Рассмотрение одного дела в Конституционном суде Республики Адыгея обходится республиканскому бюджету более чем в 2 млн руб.

Конституционный суд Республики Саха (Якутия) создан 17 октября 1992 г. и состоит из пяти судей, лишь один из которых до назначения в конституционный суд занимался судебной деятельностью, а двое судей имеют ученую степень. С 1992 по 2014 г. судом приняты 143 итоговых решения (постановления и определения), в том числе в 2012 г. — 2, в 2013 г. — 4, в 2014 г. — 11 (2 постановления и 9 определений)¹⁰ — в среднем 6 решений в год. В бюджете республики на 2015 г. расходы на Конституционный суд запланированы в размере 53 817 000 руб., в 2016 г. — 52 527 000 руб.¹¹ Рассмотрение одного дела в Конституционном суде Республики Саха (Якутия) обходится республиканскому бюджету почти в 9 млн руб.

Конституционный суд Республика Северная Осетия — Алания начал работу 19 июля 2001 г., состоит из пяти судей, ни один из которых до назначения в конституционный суд судебной деятельностью не занимался, четверо судей имеют ученую степень. С 2003 по 2014 г. судом принято 68 итоговых решений (постановлений и определений), в том числе в 2012 г. — 10, 2013 г. — 9, 2014 г. — 8¹². В среднем шесть решений в год. В бюджете республики на 2015 г. расходы на Конституционный суд запланированы в размере 16 186 300 руб., а в 2016 г. — 13 863 900 руб.¹³ Рассмотрение одного дела в Конституционном суде Республики Северная Осетия — Алания обходится республиканскому бюджету почти в 2,5 млн руб.

Конституционный суд Республики Татарстан создан 29 июня 2000 г. и состоит из шести судей, ни один из которых до назначения в конституционный суд судебной деятельностью не занимался, один судья имеет ученую степень. С 2000 по 2011 г. судом принято 100 итоговых решений (постановлений и определений), в 2012 г. — 19, 2013 г. — 14, 2014 г. — 16. Всего 149 итоговых решений¹⁴. В среднем 11 итоговых решений в год. В бюджете республики

на 2015 г. расходы на Конституционный суд запланированы в размере 31 321 900 руб., в 2016 г. — 27 569 100 руб.¹⁵ Рассмотрение одного дела в Конституционном суде Республики Татарстан обходится республиканскому бюджету более чем в 3 млн руб.

Уставный суд г. Санкт-Петербурга создан 14 сентября 2000 г. и состоит из пяти судей, лишь один из которых до назначения в конституционный суд занимался судебной деятельностью, а трое судей имеют ученую степень. С 2000 по 2014 г. им принято 269 итоговых решений (постановлений и определений), в том числе в 2012 г. — 6, 2013 г. — 8, 2014 г. — 14¹⁶. В среднем 18 решений в год. В бюджете города на 2015 г. расходы на Уставный суд запланированы в размере 90 520 100 руб., в 2016 г. — 94 123 300 руб.¹⁷ Расходы на рассмотрение одного дела в Уставном суде города Санкт-Петербурга составляют более 5 млн руб.

Конституционный суд Российской Федерации состоит из 19 судей и действует в таком составе с 1995 г. С 1995 по 2014 г. вынесено 19 829 итоговых решений: 412 постановлений и 19 417 определений¹⁸ — в среднем 992 решения в год. В бюджете Российской Федерации на 2015 г. расходы на Конституционный суд запланированы в размере 120 204 700 руб., в 2016 г. — 133 616 000 руб.¹⁹ Таким образом, одно решение Конституционного суда Российской Федерации (далеко не все они несут правовую нагрузку) обходится федеральному бюджету в сумму чуть более 120 тыс. руб.

Безусловно, органы государственной власти не созданы для извлечения прибыли, у них совершенно другие функции и задачи. Нельзя оценивать их деятельность исключительно с точки зрения финансовой эффективности, но и игнорировать столь явное несоответствие вложенных денежных средств и полученных результатов общество не вправе. Поддержание системы конституционного (уставного) правосудия в субъектах в прежнем виде уже невозможно в силу объективных экономических причин: требуется ее реформирование. Конечно, необходимо учитывать политический статус конституционных (уставных) судов: местные элиты готовы щедро финансировать удобные структуры из кармана налогоплательщиков. Однако бюджетные реалии уже заставили и еще заставят многие субъекты реформировать систему региональной конституционной юстиции.

Мы не призываем к ликвидации системы регионального конституционного (уставного) правосудия, однако, учитывая неутешительные социально-экономические показатели конституционных (уставных) судов Российской Федерации, считаем, что приостановка их деятельности или даже ликвидация не являются фатальными. На это прямо указал Конституционный суд Российской Федерации в решении «Об утверждении обзора практики Конституционного суда Российской Федерации за первый квартал 2015 года» от 23 апреля 2015 г. — «упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации не означает прекращения конституционного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов данного субъекта Российской Федерации, так как таковой согласно Конституции Российской Федерации возложен на Конституционный суд Российской Федерации вне зависимости от того, создан и действует либо упразднен в этом субъекте Российской Федерации конституционный (уставный) суд как институт региональной конституционной юстиции»²⁰.

В случае принятия такого рода решений, возможны: передача основных полномочий конституционных (уставных) судов в специальные коллегии при верховных судах субъектов; передача основных полномочий конституционных (уставных) судов Конституционному суду Российской Федерации, что фактически происходит и сейчас, по крайней мере, в субъектах Федерации, не имеющих конституционных (уставных) судов; перевод конституционных (уставных) судов в «спящий» режим, предусматривающий наличие в штате 1—2 технических работников, судьи будут «призываться» к исполнению своих обязанностей лишь по мере надобности на определенный срок.

Перечень способов реформирования системы конституционного (уставного) правосудия возможно продолжить, однако ясно одно, что его целью должен быть переход к эффективной системе разрешения конституционных споров соответствующими независимыми социально ответственными органами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Левакин И.В. Суверенитет как одна из проблем федерализма в теории и на практике // Регионология. 1994. № 2—3. С. 17—29.

² См.: Клеандров М.И. В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Рос. юстиция. 2015. № 6. С. 2—7.

³ См.: Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив. URL: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/RegYustic.htm> (дата обращения: 07.09.2015).

⁴ См.: Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3009> (дата обращения: 07.09.2015).

⁵ См.: Статистика по решениям Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.09.2015).

⁶ См.: Безруков А.В. О необходимости формирования и месте конституционных (уставных) судов субъектов РФ в механизме разделения властей // Журн. конституционного правосудия. 2013. № 1. С. 9—13.

⁷ См.: Клеандров М.И. В защиту конституционных (уставных) судов субъектов РФ. С. 6.

⁸ См.: Информационно-аналитический раздел. URL: <http://ksra.ru/index.php/o-sude/informatsionno-analiticheskij-razdel> (дата обращения: 07.09.2015).

⁹ См.: Закон Республики Адыгея «О республиканском бюджете Республики Адыгея на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 18 дек. 2014 г. № 349. URL: <http://www.gshra.ru/main/zak-deyat/pravovyye-akty> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁰ См.: Решения Конституционного суда Республики Саха (Якутия). URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/23403> (дата обращения: 07.09.2015).

¹¹ См.: Закон Республики Саха (Якутия) «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 15 дек. 2014 г. 1389-З № 331-V. URL: <http://iltumen.ru/node/13898> (дата обращения: 07.09.2015).

¹² См.: Решения Конституционного суда Республики Северная Осетия — Алания. URL: <http://www.ksrso.ru/docs/decisions> (дата обращения: 07.09.2015).

¹³ См.: Закон Республики Северная Осетия — Алания «О республиканском бюджете Республики Северная Осетия — Алания на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 26 дек. 2014 г. № 51-ПЗ. URL: <http://parliament-osetia.ru/index.php/main/laws/art/127> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁴ См.: Отчеты о деятельности Конституционного суда Республики Татарстан. URL: <http://ks.tatarstan.ru/rus/otcheti-deyatelnosti.htm> (дата обращения: 04.09.2015).

¹⁵ См.: Закон Республики Татарстан «О бюджете Республики Татарстан на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 27 нояб. 2014 г. № 107-ЗПТ. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/zakon> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁶ См.: Сведения о делах, находившихся в производстве Уставного суда Санкт-Петербурга. URL: <http://www.spbustavsud.ru/tocourt/reestr> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁷ См.: Закон Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 26 нояб. 2014 г. № 665—116. URL: http://www.fincom.spb.ru/comfin/budjet/laws/doc.htm?id=742@cf_nra_bud (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁸ См.: Статистика по решениям Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages/default.aspx> (дата обращения: 07.09.2015).

¹⁹ См.: Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 1 дек. 2014 г. № 384-ФЗ. URL: <http://duma.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2015).

²⁰ Решение Конституционного суда Российской Федерации «Об утверждении обзора практики Конституционного суда Российской Федерации за первый квартал 2015 года» от 23 апреля 2015 г. // Справ.-прав. система «Гарант».

Поступила 11.09.2015.

I. V. Levakin, E. V. Sukhov. Socio-Economic Effectiveness of the Constitutional (Charter) Courts of Subjects of the Russian Federation

The institution of the constitutional (charter) courts has already been tested in the Russian legal system. In this regard, researchers discuss the issues of socio-economic effectiveness and feasibility of maintaining the system of the constitutional (charter) courts of subjects of the Russian Federation in its current form.

Effectiveness of the constitutional justice bodies is seen as a ratio between the actual result of their actions and the social purposes for which they were established. The public is entitled to rely on both legal and socio-economic efficiency of the judiciary, which is primarily determined by the speed, cost effectiveness, and social responsibility in judicial decision making. The public bodies studied are not always effective; the causes of their ineffectiveness are revealed as well as statistics reflecting economic characteristics of activities of the constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation (data on the costs of maintaining them are presented).

The paper provides the arguments of both supporters and opponents of development of the system of the constitutional (charter) courts in the subjects of the Russian Federation. It is emphasized that the activities of the constitutional justice cannot be considered solely from the point of view of financial efficiency, but the apparent discrepancy between the invested money and the results obtained cannot be ignored by the public. The authors do not call for elimination of the system of regional constitutional (charter) justice, however, given the disappointing socio-economic performance of the constitutional (charter) courts of the subjects of Russia, they believe that suspension of operations or even liquidation of such courts will not be fatal. The authors suggest options for reforming the regional system of the constitutional (charter) justice.

А. А. ОГАРКОВ

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: региональная безопасность, комплексная безопасность, управленческая безопасность, региональная социально-экономическая система, региональное управление

Key words: regional security, comprehensive security, management security, regional socio-economic system, regional administration

В статье сделана попытка анализа системы регионального управления в контексте проблемы комплексной региональной безопасности. Доказывается ее интегрирующий характер.

The paper aims to analyze the system of regional administration in the context of comprehensive regional security; its integrative nature is proved.

Комплексная безопасность современной региональной социально-экономической системы предопределяется результативностью системного взаимодействия многих компонент: управленческой, экономической, политической, территориальной, демографической, социальной, культурной, национальной, языковой и т. д. Представляется целесообразным особо выделить управленческую компоненту системы комплексной региональной безопасности, которая реализует стратегически важную миссию формирования и рачительного использования регионального потенциала с основополагающей целью регионального развития — обеспечение высокого и качественного уровня жизни населения, развитие человека.

ОГАРКОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой корпоративного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал), кандидат экономических наук, доцент.

OGARKOV Alexander Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Docent, Head of the Department of Corporate Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd Branch) (Volgograd, Russian Federation).

© Огарков А. А., 2015

Управленческая безопасность региональной социально-экономической системы напрямую зависит от формирования качественной, комплексной, стратегически выверенной и целеустремленной модели регионального администрирования. Современные вызовы требуют не только от Российской Федерации, но и от каждого российского региона региональной реструктуризации, самодостаточности, эффективности. В современной России нужен регион, который четко видит две цели и устремлен к ним: во-первых, используя свой уникальный региональный потенциал (территориальный, человеческий, экономический, исторический, социокультурный и др.), субъект Федерации самостоятельно и успешно решает внутренние проблемы обеспечения высокого и качественного уровня жизни населения, развития человека с обязательным выходом на уровень перспективного регионального развития, позитивно оцениваемого и воспринимаемого населением; во-вторых, субъект Федерации, мотивируясь интересами своей страны, привносит посильный вклад в укрепление России, в решение тех задач, которые стоят перед страной. Позиция дотационности губительна для современной России.

Для решения проблем комплексного социально-экономического развития российских регионов в условиях поиска вектора субъектно-регионального развития органам регионального управления необходимо иметь четкое представление о первоочередных функциях региональной социально-экономической системы в настоящем и будущем, о приоритетах в расходовании ресурсов и потенциалов. Каждый субъект Федерации вправе сделать собственный стратегический выбор, без чего невозможны: реализация серьезных мер в сферах обеспечения высокого и качественного уровня жизни населения, развитие человека, управление производственными циклами, государственным и муниципальным имуществом, хозяйственными комплексами, международных контактов, проведение активной социальной политики и т. д. Откладывание решения о стратегическом выборе региона, как правило, имеет следствием неэффективное расходование ограниченных бюджетных средств, что в свою очередь ведет к снижению качества жизни населения.

Представляется, что признание целью развитие человека (как идеи) — знаковое явление в региональном развитии. В первую очередь она предполагает необходимость пере-

оценки парадигмы общественного прогресса, что не может произойти в течение короткого времени. Предстоит преодолеть, как минимум, две крайне негативные традиции:

— традицию бюрократического отношения к человеку, характерную для работы органов власти всех уровней, что, в частности, воплощается в стремлении подменить функциональное содержание власти как средства социального управления, решения проблем общества и отдельных людей его чиновничьей интерпретацией, при которой главное значение приобретают не цели управления, а являющаяся монополией чиновника технология, имеющая следствием формирование в сознании последних деформированного представления о собственной значимости и месте в обществе;

— традицию пассивности самих граждан, большинство из которых привыкло смотреть на государство как на покровителя и благодетеля и отрицает возможность собственного активного участия в управлении регионом и всей страной («от нас ничего не зависит», «что мы можем», «все равно будет не по-нашему» и т. д.).

В новых условиях хозяйствования регион должен сам определить траекторию своего развития, исходя в первую очередь из специфики собственного социально-экономического потенциала. Невозможно оценивать эффективность системы регионального управления без четко обозначенной цели, которая должна выражать специфику регионального развития и ее отличия от федерального и муниципального уровней. Примером является план продвижения региона — системы действий, которая создает и поддерживает конкурентные преимущества региона в течение длительного времени.

Развитие и реструктуризация сложных региональных социально-экономических систем выступает ответственным моментом реализации общегосударственной стратегии администрирования, предполагает системную упорядоченность отдельных звеньев и свойств организованной региональной системы и внедрение в эту систему новых рыночных элементов при ликвидации менее эффективных административных звеньев. Эффект и качество обозначенных стратегических ориентиров предполагают, что концептуальные перемены в управлении регионом должны инициироваться, с одной стороны, региональными элитами (внутренний потенциал)

с ориентацией на поиск внутрирегиональных резервов, с другой — государством (внешний потенциал)¹. Однако в связи с последним пунктом можно предположить, что в ряде ситуаций и процессов в России само государство может быть основным источником опасности для отдельных регионов и людей, живущих в них.

В обязанности структур государственного управления входит «обязанность осуществлять региональное развитие как задание темпов социальных трансформаций на разных территориях»². Этот тезис актуален и принципиален для федерального, регионального и муниципального уровней управления. Административное воздействие органов власти и управления призвано проявляться тогда, когда задаются индикаторы — измерители темпов социально-экономических трансформаций для каждого типа административно-территориального образования в региональной системе с нацеленностью на сбалансированность их развития.

Управление перспективным стратегическим выбором региона — процесс сложный, осуществление которого требует соблюдения принципов:

— целенаправленности, обусловленного понятием «стратегический выбор» и трактуемого как некий обобщенный ресурс, средство решения главных задач регионального развития;

— комплексности, предполагающего рассмотрение приоритетных функций, реализуемых региональным менеджментом с учетом всей совокупности прогнозных социально-экономических характеристик и факторов развития региона;

— системности, означающего, что определение перспектив развития региона должно осуществляться с учетом взаимосвязей, характеризующих взаимозависимость его развития с другими регионами и страной в целом;

— адаптивности, предполагающего, что формирование стратегического выбора региона необходимо осуществить с учетом возможных изменений внешней среды, т. е. может быть корректировка выбора, которая должна производиться с минимальными политическими, социальными и экономическими издержками;

— эффективности, предусматривающего необходимость доказательства, что именно предлагаемый набор функций, определенных в качестве приоритетных, обеспечит достиже-

ние требуемого качества жизни населения с наименьшими финансовыми затратами и социальными издержками;

— минимизации риска, означающего, что в процессе формирования стратегического выбора региона по возможности должны быть оценены различные риски, обусловленные выполнением регионом тех или иных приоритетных функций в будущем, при сравнительном анализе вариантов стратегического выбора;

— баланса интересов, многозначного и предполагающего как нахождение согласия между различными властными структурами, профессиональными и общественными группами населения, так и обеспечение непротиворечивости федеральных, региональных, территориальных и местных интересов при осуществлении стратегического выбора;

— легитимности, предусматривающего обязательность рассмотрения и принятия предложенного варианта стратегического выбора региона на уровне представительного органа власти³.

Очевидно, что сложноструктурная и многообразная региональная система не может управляться с помощью какого-то однотипного набора механизмов. Однотипность следствием имеет то, что региональное управление сводится к составлению комплексного плана (концепции) социально-экономического развития территории, представляющего собой набор разрозненных решений, принимаемых различными структурами управления, часто несбалансированными между собой. О том, какова эффективность подобных планов, можно судить хотя бы в связи с тем, что из имеющихся регионов России большинство не могут претендовать на эффективность и самодостаточность, расширенное воспроизводство на собственном региональном потенциале.

Сферность влияния системы регионального управления (интеграционный подход) предполагает:

— *управленческий анализ*, ориентированный на сбор и обработку необходимой информации для того, чтобы всесторонне оценить и проанализировать проблемы региона;

— *управленческое прогнозирование*, ориентированное на выработку на основе собранной и проанализированной информации научно обоснованных альтернатив (прогнозов) будущих управленческих действий широкого спектра;

— *управленческое решение*, ориентированное на выбор наилучшей из имеющихся альтернатив. Управленческое решение определяет цель регионального развития, на достижение которой будет направлена вся дальнейшая деятельность (концепция социально-экономического развития территории);

— *управленческое планирование*, ориентированное на необходимую детализацию будущей деятельности региона по выполнению принятого управленческого решения;

— *управленческую организацию*, ориентированную на скоординированность усилий основных элементов и компонентов системы по реализации разработанного плана;

— *управленческую координацию*, ориентированную на соблюдение принципа обратной связи и предполагающую сбор, обработку и анализ информации о реакции населения региона на действия субъекта управления;

— *управленческий контроль*, ориентированный на подведение итогов деятельности;

— *управленческую информацию*, ориентированную на работу с информационными потоками, с их качественным преобразованием;

— *управленческую мотивацию*, ориентированную на востребованность неформальных творческих ресурсов чиновников и населения региона по достижению региональных целей, стимулирование предпринимательства, активизацию точек роста, научно-технических комплексов, перестройку структуры экономики, формирование кластеров взаимосвязанных производств, привлечение инвестиций в регион, развитие регионального маркетинга, развертывание постиндустриальных факторов роста и т. д. для того, чтобы выйти на качественно новый уровень удовлетворения духовных, материальных, социальных и других потребностей людей (возможно, менеджмент развития).

Современные реалии требуют перенесения на уровень регионального менеджмента принципов организации и методов управления, испытанных и оправдавших себя в деловом мире, что трансформирует администрацию региона в организацию (инновационного типа) по оказанию различных социально-экономических услуг.

В качестве основных требований к «деловому» региональному менеджменту современной России надо отметить:

— концентрацию на перспективных результатах, и использование достигнутых результатов только как основы для разработки мер по достижению стратегических целей региона, среди которых приоритетной должно быть благополучие населения;

— осознание региональными администраторами того объективного факта, что все граждане являются заказчиками, потребителями и оценщиками их управленческих услуг, что актуализирует умение понимать их нужды и ставить их интересы на первое место, а не на последнее;

— умение и желание работать, используя потенциал «предпринимательского» целеполагания, мотивирования, контроля, оценки.

Предприимчивость — основная сила развития и экономического роста в регионах. Трансформационный период диктует свои условия развития, когда рыночные механизмы еще не оформились полностью, а директивно-плановые уже разрушены. Очевидно, что создание новой системы регионального управления требует, чтобы органы власти сформировали подходы к регулированию регионального развития адекватные современным условиям внешней и внутренней среды.

В связи с новым подходом к региональному менеджменту подлежат изменению профессиональные требования к фигуре руководителя администрации региона. Не случайно получило распространение понятие «менеджер региона», непривычное для традиционного в нашей стране представления о главе администрации. Современные руководители региональной исполнительной и представительной власти должны быть: стратегами; лидерами местного сообщества, что позволяет обеспечивать понимание, принятие и поддержку, необходимые для разработки и успешной реализации стратегии; ответственными представителями своего региона при решении вопросов, которые выходят за пределы региональных полномочий; менеджерами основных функций государственной власти в регионе, т. е. принимать государственные управленческие решения.

Необходимость кардинального изменения отношения к сфере управления побуждает искать прогрессивные подходы к оценке профессиональной компетентности менеджеров. Для России это новая проблема, которую необходимо решать, адаптируя международный опыт оценки управленческих

кадров. Представляется, что для России могли бы быть приспособлены и применимы национальные квалификационные стандарты, разработанные в Великобритании (NVQ). Эти квалификационные стандарты возможно учесть при формировании системы профстандартов, при их дальнейшей доработке. Под управленческой компетентностью понимаются глубина и характер осведомленности специалиста в управленческой деятельности, а также способность к эффективной реализации своей профессиональной квалификации и опыта⁴.

Management Charter Initiative's (MCI) — Британский профессиональный стандарт компетентности менеджеров представляет собой модель комплекса знаний и навыков, управленческого репертуара, необходимого и достаточного, для безусловного и успешного исполнения менеджерами конкретных ролей и задач, предписываемых им для исполнения в соответствии с требованиями, предъявляемыми к заданному уровню управленческой компетентности⁵.

В современных условиях комплексное и перспективное развитие административно-территориальных образований требует от региональных администраторов высокой личностной и профессиональной мобильности, способности адекватного реагирования на изменения во внешней и внутренней среде. Поэтому особую актуальность приобретает высший (ТОР) управленческий уровень (MCI-5.2) — стратегический, в соответствии с которым от регионального менеджера ожидается ответственность за реализацию государственных программ и использование региональных ресурсов, ответственность за стратегию комплексного регионального развития, обладание широкими полномочиями в области регионального управления, предупредительное выявление (в том числе антикризисное) необходимости проведения изменений и улучшения качества управленческих решений; ведение ответственных переговоров от имени региона.

Очевидно, что административно-территориальные образования пока мало задействованы в разработке адаптированных систем регионального управления, адекватных новой реальности, более высокому уровню решения задач как по своей значимости, оперативности исполнения, так и по информационной обеспеченности. В этих условиях администрации регионов должны находить такие управленческие решения и инструменты, которые способны обеспечить

принципиально новый качественный уровень их деятельности во всех сферах жизнедеятельности региона. Особая ответственность ложится на топ-менеджмент субъекта. Необходимым элементом управления должна быть система поддержки принятия решений.

В соответствии с изменениями сущности и силы связей между элементами региональной системы и внешней средой необходимо активное внедрение в практику регионального управления *интеграционного менеджмента*, переводящего систему регионального управления в интегрированную.

Интегрированная система регионального управления позволяет поощрять внутрирегиональное и межрегиональное предпринимательство любой формы и любого объема деятельности, она заинтересована в формировании механизмов интеграционного взаимодействия с органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами, общественными институтами. Причем это взаимодействие в современных условиях должно строиться на взаимовыгодных условиях равноправных партнеров. Цель такого партнерства — благополучие населения и безопасность региональной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Герасимов Б.И., Тишина Л.С., Зенчева Н.С. Организационно-экономический механизм формирования региональных программ социально-экономического развития. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/680/21680/4893?p_page=6 (дата обращения: 20.07.2015).

² Княгинин В. Государственная политика регионального развития в России. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/knyginin/?library=1147> (дата обращения: 25.07.2015).

³ См.: Батиевская В.Б., Тургель И.Д. Стратегическое территориальное планирование как программно-целевой метод управления социально-экономическим развитием региона. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2004/02/3> (дата обращения: 14.07.2015).

⁴ См.: Зибарев Д. О развитии национальных квалификационных стандартов в Российской Федерации. URL: <http://www.trudzr.ru/2011/02/zibarev-db-ken-zamestitel-nachal-nika-upravleniya-po-razvitiyu-trudovogo-potenciala-nii-tss.html> (дата обращения: 19.07.2015).

⁵ См.: Моделируем компетенции организации. Management Charter Initiative's (MCI) — Британский профессиональный стандарт компетентности менеджеров. URL: <https://sites.google.com/site/kompetenciirukovoditela/6-mci> (дата обращения: 22.07.2015).

**A. A. Ogarkov. Administrative Security
of the Regional Socio-Economic System**

The administrative component of the complex regional security system performs a strategically important mission of formation and rational use of the regional potential with the fundamental goal of regional development being in ensuring high quality living standards and human development. Development of regional systems of administration, conceptual changes in the administration of a region have both internal, and external initiate potentials with a focus on search for intraregional reserves. The administrative influence of the authorities and management is to be exerted when the indicators measuring socio-economic transformation for each type of administrative territorial entity in the regional system are specified with the aim to balance their development.

The present circumstances require transferring the principles of organization and management practices tested and proven in the business world (for example, MCI (Management Charter Initiative) — British national occupational standards for management) to the level of regional management, which makes administration of a region an institution (of an innovative type) providing various social and economic services. The need for active introduction of integration management into the practice of regional administration is growing, which makes it possible to promote intraregional and interregional entrepreneurship of any type and output interested in developing the mechanisms of integration cooperation with local governments, businesses, and public institutions.

**Л. В. САВИНОВ,
Е. А. ДОРОЖИНСКАЯ,
А. В. СИГАРЕВ**

**«ДЕЛО О ТАНГЕЙЗЕРЕ»:
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ
И СЕКУЛЯРНЫЙ ПАРАДОКС**

Ключевые слова: религия, государство, право, сакральное, светское, конфликт, религиозный символ, Русская православная церковь, Тангейзер

Key words: religion, state, law, sacred, secular, conflict, religious symbol, the Russian Orthodox Church, Tannhauser

В статье рассматриваются во взаимосвязи этические и социально-политические аспекты конфликта между православными активистами, с одной стороны, и авторами постановки оперы Р. Вагнера «Тангейзер» в Новосибирском государственном академическом театре оперы и балета — с другой. Обращается внимание на возможности и ограничения «вхождения» Русской православной церкви в светское пространство культуры и искусства. На основе решения суда и публичной дискуссии, сопровождавшей резонансную ситуацию, авторы выделяют причины и последствия конфликта.

САВИНОВ Леонид Вячеславович, декан факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, доцент.

ДОРОЖИНСКАЯ Елена Анатольевна, декан юридического факультета Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СИГАРЕВ Андрей Васильевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

SAVINOV Leonid Vyacheslavovich, Dean of Public and Municipal Administration Department, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

DOROZHINSKAYA Elena Anatolievna, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Dean of Law Department, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

SIGAREV Andrei Vasilievich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

The paper discusses ethical and socio-political aspects of the conflict between Orthodox activists and the authors of the opera Tannhauser of R. Wagner at the Novosibirsk state academic opera and ballet theatre. Attention is drawn to the possibilities and limitations of the Russian Orthodox Church "entering" the secular space of culture and art. On the basis of the court decisions and public discussion accompanying the resonant situation, the authors identify the causes and consequences of the conflict.

10 марта 2015 г. мировой судья Центрального района г. Новосибирска Е. Сорокина прекратила административное дело по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» в отношении директора Новосибирского государственного академического театра оперы и балета Б. Мездрича и режиссера Т. Кулябина, связанное с резонансной постановкой оперы Р. Вагнера «Тангейзер», за отсутствием события правонарушения.

Дело было возбуждено по инициативе православных активистов, обнаруживших в постановке осквернение предметов религиозного культа и обратившихся по этому поводу в правоохранительные органы. В частности, его возмутило то, что Иисус Христос был представлен в качестве героя эротического фильма «Грот Венеры», который по ходу сюжетной линии оперы в современной ее интерпретации снимает Тангейзер.

Об остром характере конфликта вокруг новосибирской постановки «Тангейзер» свидетельствовал градус публичной дискуссии, развернувшейся в региональных и федеральных российских СМИ, главным образом в Интернете. Ситуация с «Делом о Тангейзере», на наш взгляд, есть случай из разряда «кесарю — кесарево, а Богу — Божье». В конфликте вокруг постановки «Тангейзер» видна, как мы полагаем, ситуация, когда «Божье» вторгается в сферу «кесарева» (в широком смысле внерелигиозного и внецерковного пространства) и пытается под сенью духовно-нравственного диктовать правила и образцы дозволенного.

Отметим, что жесткая линия Новосибирской митрополии Русской православной церкви (РПЦ) не совпадает с официальной позицией Московского патриархата, озвученной главой синодального Информационного отдела В. Легойдой: «РПЦ как никто другой заинтересована в том, чтобы по статьям, защищающим чувства верующих, не было уголов-

ных дел, и призвана находить общий язык с творческими людьми, с журналистами "в мире и взаимопонимании"¹. При этом еще в 2011 г. Архиерейским собором РПЦ был принят документ «Отношение Русской православной церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви», гласящий, что «в случаях оскорбления Бога или святых в публичном пространстве важно, чтобы уполномоченные синодальные или епархиальные церковные органы давали квалифицированную оценку данному акту и определяли способы противодействия богохульству в конкретном случае». Как заключил официальный представитель РПЦ, из этого очевидно, не следует, что любой верующий или священнослужитель, увидев в публичном пространстве нечто, кажущееся ему богохульством, оскорбляющим его чувства, должен по собственной инициативе бежать в прокуратуру².

«Дело о Тангейзере» показало, насколько высок потенциал политизации «массированной включенности» Церкви в социальные процессы, в том числе культурные. Вообще политизация религии в постсоветских государствах имеет амбивалентный характер, проявляющийся в консолидации/деконсолидации общества и сопровождающийся трансформацией традиционного института религии как закономерной реакцией на реализацию национальной модели модернизации³.

В этом аспекте важную проблему поднимает Д. Б. Петров, говоря о том, что сегодня для преодоления неэффективных моделей классификации государственно-конфессиональных отношений и их изучения, а также для формирования новых философских и юридических принципов построения нового типа взаимосвязей между государством и религиозным сознанием граждан необходимо научное изучение разрыва, с одной стороны, между религиозным сознанием и остальными компонентами структуры религиозного комплекса, с другой — между религиозным сознанием и юридическо-правовой практикой отношений государства и религий⁴. В качестве объекта для изучения можно взять ситуации, возникшие в 2014 г. в связи с отменой по причине требований православных активистов концертов М. Мэнсона⁵, группы Behemoth⁶ и т. д.

Вполне определенно выразил свое отношение к роли РПЦ в современном российском государстве Е. Намли: «Фактически Церковь могла бы служить даже лучшей поддержкой

устойчивой российской государственности, если бы отказалась от националистической риторики и начала работать над социальными проблемами российского общества, не испытывая иррационального страха оказаться в колониальной зависимости от иноземной культуры»⁷. Здесь не уйти от проблемы идеологии, исходящей от государства или Церкви. И то и другое опасно в своих политических последствиях. Однако в социальной повседневности постсоветской России все чаще наблюдается идеологизация государства и церкви, прежде всего православной, как нечто «государствообразующее» в политике государства и некоторых политических элитах. Но, по словам архимандрита К. Говоруна, «идеология сужает отношения человека с Богом до моральных и гражданских ценностей, и когда Церкви редуцируют себя до того, что может быть лишь частью церковной жизни, они изменяют самим себе»⁸.

Безусловно, вопросы толкования и оценки ситуаций, складывающихся в современном обществе и связанных с религиозным восприятием мира, всегда будут спорными из-за непреодолимого субъективизма отношения (как индивидуального, так и коллективного характера), а также из-за неопределенности границ «частного» религиозного права. Исходя из складывающейся практики, логично предполагать, что религиозные представители не могут обходиться без протестных возражений в отношении определенных общественных мероприятий. Именно так складываются отношения на современном этапе развития российского общества. Но в конфликтах процесс не должен иметь смыслового преобладания над результатом, а результатом подобных конфликтов неизбежно должен стать компромисс. Поэтому настало время сформировать механизм достижения компромиссного решения между общественными и религиозными институтами без «автоматического» обращения к государству и его органам.

Представляется возможным пойти по пути применения в данных ситуациях механизма медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица. Медиация сегодня применяется в принципиально иных (предпринимательских) отношениях, что и отражено в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁹. К слову, в

сфере предпринимательства институт медиации не получил широкого распространения именно из-за того, что сторонам проще обращаться в суд, причиной чему является определенность и однозначность нарушений прав контрагентов. Зато в сфере религиозно-светских конфликтов медиация даст возможность сторонам определиться с существом взаимных требований и претензий, обсудить аргументы «за» и «против» и, возможно, урегулировать конфликт без обращения в государственные (муниципальные) органы. Остается нерешенным вопрос «Кого стоит избрать в качестве посредника?». Возможно, инициативным общественникам стоит подумать над формированием коллегиального органа, включающего специалистов и сторонников разных уровней интересов и компетенций. Именно такой подход позволит светскому государству хотя бы частично устраниться из сферы религиозных споров.

Однако названный подход стоит реализовывать с учетом принципа свободы вероисповедания, а также наличия множества конфессий на территории российского государства, что делает неприемлемым главенство РПЦ среди других церквей России. То, что это преобладание существует на сегодняшний день, носит не столько духовный, сколько политико-социальный характер. Наблюдаются процессы «сакрализации политики» и «политизации РПЦ». Например, Федеральной целевой программой «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» предусмотрено государственное финансирование некоммерческих организаций (НКО) в сфере духовно-просветительской деятельности. В 2014—2015 гг. духовно-просветительским НКО перечислено более 2 млрд руб., при этом в 2014 г. практически все организации, получившие финансирование (1,158 млрд руб.), были учреждены православными епархиями различных регионов России¹⁰.

На фоне этих фактов голословными выглядят утверждения представителей РПЦ о том, что православные христиане дискриминированы из-за усиления на территории России представительства иных конфессий, что подтверждается фактами строительства мечетей, буддистских дацанов и т. д. В результате наблюдается деление религий на «традиционные» и «нетрадиционные».

Вспоминается на шумевшая в свое время теория «Окна Овертона», разработанная социологом Дж. Овертоном, вице-президентом Макинского центра публичной политики (США) в конце 90-х гг. XX в.¹¹, которая изначально позиционировалась как исключительно политическая. В дальнейшем она преобразовалась в технологию изменения отношения общества к явлениям, ранее считавшимся абсолютно неприемлемыми, путем постепенного их продвижения в глубину общественного сознания (с активным участием средств массовой информации). Любопытно, что эту технологию активно афишируют именно религиозные деятели, говоря о внедрении в массовое сознание россиян «греховных» ценностей¹². Но в контексте исследуемой темы интересно наблюдать процесс явного применения технологии «Окна Овертона» для нивелирования значения «светского» характера российского государства через допущение радикального вмешательства представителей церкви в общественные, политические и правовые процессы. В результате такое свойство личности, как толерантность, изначально трактуемое как терпимость, постепенно и незаметно в умах россиян трансформируется в попустительство и равнодушие, порождающие нейтральное восприятие крайне неблагоприятных и недопустимых по сути фактов.

В результате системной оценки поведения представителей общества и государства складывается впечатление, что в современной России происходит постепенное смещение социальных и политических институтов на фоне повышения значимости религиозной морали. Ни для кого не секрет, что этот процесс противоречит нормам Конституции Российской Федерации, делая их все более декларативными. Принцип секуляризации привел к тому, что российское государство как политический институт до сих пор не имеет четко определенной позиции, что именно стоит считать «частным» религиозным правом, а что «публичным» и что важнее для современной России.

Ошибочная идея о мировоззренческом и даже идеологическом доминировании русского православия как социального института и РПЦ по-прежнему поддерживает иллюзию возможности построения самой государственности на основаниях какой-то универсальной и даже единственной религиозной модели.

Конфликт вокруг новосибирской постановки «Тангейзер» заставил общественность в очередной раз обратить внимание на сложную проблему взаимодействия церкви и государства, а также на влияние религиозных организаций и верующих на культурную политику и искусство в условиях современного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: РПЦ призвала разрешить конфликт вокруг «Тангейзера» без судебных приговоров. URL: <http://www.interfax.ru/russia/428203> (дата обращения: 07.04.2015).

² Там же.

³ См.: Арнинова Е.М. Политизация религии в контексте модернизационных преобразований: опыт постсоветских государств // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки. 2014. № 5. С. 193.

⁴ См.: Петров Д.Б. Государство и религия: историко-философский анализ // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2014. № 6. С. 95.

⁵ Арефьев А. В Новосибирске концерт Мэрилина Мэнсона окончательно отменен. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/27/reg-sibfo/manson-anons.html> (дата обращения: 06.04.2015).

⁶ См.: Во Владивостоке и Хабаровске православные активисты сорвали концерт польской группы Behemoth. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2014/05/14/1268101.html> (дата обращения: 06.04.2015).

⁷ См.: Намли Е. Православное богословие и искушение властью // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 40.

⁸ См.: Говорун К. Церковь и идеология: разделения и редукции // Там же. С. 244.

⁹ См.: Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Справ.-прав. система «Гарант».

¹⁰ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении распределения субсидий, предоставляемых в 2014 году из федерального бюджета некоммерческим организациям в рамках федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» от 28 мая 2014 г. № 901-р // Собр. законодательства РФ. 2014. № 23. Ст. 3012; Распоряжение Правительства Российской Федерации «О распределении субсидий, предоставляемых в 2015 году из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на реализацию мероприятий федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» от 28 марта 2015 г. № 536-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2015).

¹¹ См.: Lehman J. A Brief Explanation of the Overton Window. Mackinac Center for Public Policy. URL: <http://www.mackinac.org/12887> (дата обращения: 12.04.2015).

¹² См.: Постолов И. Окно возможностей Овертона и легализация греха. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/67684.htm> (дата обращения: 12.04.2015).

Поступила 24.09.2015.

L. V. Savinov, E. A. Dorozhinskaya, A. V. Sigarev.

“The Case of Tannhauser”: Social Conflict and Secular Paradox

The paper discusses ethical and socio-political aspects of the conflict between Orthodox activists and the authors of the opera “Tannhauser” at the Novosibirsk state academic opera and ballet theatre. Attention is drawn to the possibilities and limitations of the Church “entering” the secular space of culture and art. Of course, issues of interpretation and evaluation of situations developing in modern society, and associated with the religious perception of the world will always be controversial because of the insurmountable subjectivity of the relationship (both individual and collective), and because of the uncertainty of the boundaries of “private” religious rights. On the basis of the prevailing practices, it is logical to assume that religious representatives can not do without protest over certain social events. That is the way the relations at the present stage of Russian society development are. But in the conflicts, the process should not have meaning dominance over the result, and the result of such conflicts must inevitably be a compromise. The time has therefore come to form a mechanism to achieve a compromise between public and religious institutions without “automatic” appeal to the state and its organs.

On the basis of court decisions and public discussion accompanying the resonant situation, the authors identify the causes and consequences of the conflict. “The case of Tannhauser” showed a high level of proneness to conflict of the modern Russian society in the area of contact of the sacred and institutional understanding of the role of the Church as a social institution in the postmodern conditions.

Е. Г. КОВАЛЕНКО Н. А. ПОЛУШКИН

НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЧЛЕНСТВА РОССИИ В ВТО¹

Ключевые слова: аграрная сфера, меры государственного регулирования развития сельских территорий, программно-целевой подход, адаптация к условиям ВТО, неблагоприятные для ведения сельского хозяйства регионы

Key words: agrarian sector, measures of state regulation of development of rural territories, programmatic result-oriented approach, adaptation to the WTO conditions, regions unfavorable for farming

КОВАЛЕНКО Елена Георгиевна, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

ПОЛУШКИН Никита Александрович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

KOVALENKO Elena Georgievna, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

POLUSHKIN Nikita Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of State and Municipal Administration, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Коваленко Е. Г., Полушкин Н. А., 2015

В статье рассмотрены основные направления и меры государственного регулирования и поддержки развития сельских территорий Республики Мордовия. Проанализированы мероприятия и объемы финансирования, механизм реализации Государственной программы устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия на 2014—2017 гг. и на период до 2020 г. в рамках адаптации к условиям членства России в ВТО.

The paper considers the main directions and measures of state regulation and support of development of rural territories in the Republic of Mordovia. It analyzes the activities, funding, and the mechanism for implementation of the State program for sustainable development of rural territories in the Republic of Mordovia for 2014—2017 and for the period till 2020 in the framework of adaptation to the conditions of Russia's membership in the WTO.

Существуют такие отрасли народного хозяйства, которые не могут эффективно развиваться и быть конкурентоспособными без государственного регулирования. При значительной зависимости сельхозтоваропроизводителей от микро- и макросреды рыночный механизм, даже с самой высокой степенью предпринимательской инициативы и кооперации сельхозпроизводителей, без регулирующей роли государства не сможет обеспечить взаимодействие внутренних и внешних закономерностей в формирующейся системе рыночных отношений. В такой ситуации речь идет не только о неэффективном и нерентабельном сельскохозяйственном производстве и угрозе устойчивости всей агросферы, но и упадке в развитии сельских территорий и, как следствие, снижении уровня жизни сельских жителей.

Важная особенность аграрной сферы состоит в том, что симбиоз экономики, демографии и культуры возможен только при согласованных действиях со стороны государства, направленных на повышение конкурентоспособности агропромышленной отрасли и обеспечение жизнедеятельности сельских территорий. Государственное регулирование развития сельских территорий — это система экономического, организационного, социального, правового и политического обеспечения государством благоприятной среды в сельской местности для реализации ею своего функционального назначения на общенациональном уровне, а также комплексного развития, нацеленного на повышение качества и уровня жизни сельского населения.

Государственное регулирование осуществляется при помощи комплекса мер, применимых и широко используе-

мых при государственном регулировании аграрной сферы. К наиболее известным и активно применяемым практически во всех странах с высокоразвитым сельским хозяйством инструментам экономического регулирующего воздействия государства можно отнести: ссуды, компенсации, дотации, финансирование некоторых мероприятий (субсидии на обеспечение жильем граждан, проживающих и работающих в сельской местности, на консультационную помощь, комплексную компактную застройку); софинансирование объектов капитального строительства государственности субъектов (собственности муниципальных образований); цены — целевые, гарантированные (защитные), залоговые; интервенции сельскохозяйственной продукции; налоги — льготные, дифференцированные; кредит — льготный, товарный; частичная уплата страховых взносов и др.²

В свою очередь методы государственного регулирования можно классифицировать по критерию элементов человеческой деятельности, на которые они опираются. Это экономические, правовые, административные, идеологические (мотивационные) и социально-психологические (кадровые) методы. В процессе регулирования развития сельских территорий все они используются в комплексе.

Формирование эффективной системы направлений, методов и инструментов государственного регулирования сельского развития сегодня является одной из ключевых задач. Меры государственного регулирования развития сельских территорий в широком смысле опираются на систему, включающую ценовую, тарифно-таможенную, кредитную, страховую, бюджетную, налоговую политику. В случае оптимального сочетания эти инструменты порождают синергетический эффект в сельскохозяйственной отрасли.

Государственное регулирование может осуществляться в виде издания законов или постановлений, разработки и реализации комплексных планов развития, государственных программ решения аграрных проблем, осуществления отдельных мероприятий. Эти формы используются в отдельности или в совокупности в зависимости от характера решаемой задачи. Таким образом, началом изменения отношения государства к аграрной сфере экономики региона можно считать принятие и реализацию приоритетных национальных проектов «Развитие агропромышленного комплекса»,

«Образование», «Здоровье», Программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008—2012 гг., утвержденной Постановлением Правительства Республики Мордовия от 7 марта 2008 г. № 79, Республиканской целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года», утвержденной постановлением правительства региона от 31 декабря 2002 г. № 620, которые создали определенные предпосылки для укрепления производственного и инфраструктурного потенциала сельских территорий, способствовали повышению занятости и доходов сельского населения, решению вопросов улучшения их жилищных условий и социальной среды обитания.

Для обеспечения согласованности действий в области сельского развития в Мордовии приняты и действуют: Государственная программа Республики Мордовия развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 гг. (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 7 марта 2008 г. № 79), Государственная программа устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия на 2014—2017 гг. и на период до 2020 г. (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 6 сентября 2013 г. № 373) (Государственная программа), которая является продолжением Республиканской целевой программы «Социальное развитие села».

Механизм реализации Государственной программы устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия на 2014—2017 гг. и на период до 2020 г. дан на рисунке.

Общий объем финансирования Государственной программы составляет 7 099 097,2 тыс. руб., в том числе средства республиканского бюджета Республики Мордовия (4 983 026,8 тыс. руб.), местных бюджетов (440 194,8 тыс. руб.), внебюджетных источников (1 675 875,6 тыс. руб.)³.

Предложения по финансированию Государственной программы за счет средств бюджетов всех уровней носят предельный (прогнозный) характер и ежегодно подлежат уточнению в установленном порядке при формировании проектов бюджетов на очередной год и на плановый период. Но уже сейчас видно, что общий объем финансирования Государственной программы значительно больше

(7 099 097,2 тыс. руб.), чем общий объем финансирования Республиканской целевой программы «Социальное развитие села» (5 740,2 млн руб.). Стоит отметить, что Программа «Социальное развитие села» действовала в течение 11 лет и пролонгировалась каждый год, а Государственная программа первоначально рассчитана на 6 лет.

I этап (2014—2017 гг.): преодоление существенных межрайонных и межпоселенческих различий в уровне и качестве жизни сельского населения на основе дифференцированной государственной поддержки из регионального бюджета муниципальных программ УРСТ, сформированных органами местного самоуправления муниципальных районов и сельских поселений на основе оценки потенциала и перспектив развития сельских территорий.

В результате реализации мер государственной политики по адаптации АПК в условиях членства России в ВТО планируется достижение более высокого уровня развития отрасли, определяющего более высокие требования к качеству социальной среды жизнедеятельности в сельской местности.

II этап (2018—2020 гг.): наращивание темпов комплексного развития сельских поселений в соответствии с прогнозируемым ростом потребности в создании комфортных условий проживания в сельской местности.

Рисунок. Основные ожидаемые конечные результаты Государственной программы и сроки ее реализации

Государственной программой предусмотрена реализация таких мероприятий, как улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, в том числе молодых семей и молодых специалистов; комплексное обустройство населенных пунктов, расположенных в сельской местности, объектами социальной и инженерной инфраструктуры (развитие сети общеобразовательных учреждений и сети фельдшерско-акушерских пунктов и (или) офисов врачей общей практики, развитие сети плоскостных спортивных сооружений и сети учреждений культурно-досугового типа, улучшение газификации и водоснабжения, реализация проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилищную застройку); грантовая поддержка местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности⁴.

Заметим, что появилось новое направление — грантовая поддержка местных инициатив граждан, проживающих в сельской местности. Это обусловлено одной из главных целей Государственной программы — активизацией участия граждан, проживающих в сельской местности, в решении вопросов местного значения.

Введение этого направления не единственное новшество в области развития сельского хозяйства и сельских территорий. В связи с членством России в ВТО Федеральный закон «О внесении изменения в ст. 7 Федерального закона “О развитии сельского хозяйства”» от 23 июля 2013 г. № 236-ФЗ утвердил некоторые изменения. В настоящее время одним из направлений государственной поддержки производства сельскохозяйственной продукции, устойчивого развития сельских территорий выступает поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции на неблагоприятных для такого производства территориях. Неблагоприятными для производства сельхозпродукции территориями признаются территория субъекта РФ или территории субъектов РФ, на которых вследствие природно-климатических условий, состояния почвы, а также социально-экономических факторов уровень доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей ниже, чем в среднем по сельскому хозяйству, но производство сельскохозяйственной продукции должно осуществляться для обеспечения занятости сельского населения, повышения уровня его доходов, сохранения местных традиций.

Порядок и критерии отнесения территорий к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции территориям определяются Правительством России и устанавливаются на основе почвенных, природно-климатических и социально-экономических показателей⁵. Проанализировав предварительную оценку субъектов РФ с точки зрения отнесения их к неблагоприятным для производства сельскохозяйственной продукции территориям, относительно Республики Мордовия следует сказать, что по природно-климатическим и почвенным показателям она не входит в перечень неблагоприятных регионов, так как по первому критерию имеет лишь 39,1 % сельскохозяйственных угодий с неблагоприятными почвами, по остальным критериям — 0 %. Но на основе социально-экономических показателей

(при значении интегрального показателя социально-экономического развития сельских территорий субъекта РФ ниже среднего значения по стране) Республика Мордовия и еще 41 регион России входят в перечень неблагоприятных. Интегральный показатель республики — 96 (российский — 123). Всего в список неблагоприятных для производства сельскохозяйственной продукции регионов вошло 68 субъектов РФ. Перечень регионов планируется использовать для классификации мер поддержки сельского хозяйства в соответствии с нормами ВТО — неблагоприятные регионы смогут получать без ограничений государственную поддержку в рамках ВТО.

Государственная программа регламентирует правила предоставления субсидий муниципальным образованиям и типовое положение, согласно которому определяется порядок осуществления социальных выплат гражданам, проживающим в сельской местности. Эти разделы характеризуют общий механизм реализации мероприятий Государственной программы⁶.

Стоит отметить, что в Государственной программе значительное внимание уделяется мероприятиями по улучшению жилищных условий сельского населения и развитию основных элементов социально-инженерной инфраструктуры. В связи с этим обратим внимание, что во исполнение Постановления Правительства РФ «О Федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года”» от 15 июля 2013 г. № 598 правительство республики утвердило среднюю рыночную стоимость 1 м² общей площади жилья в сельской местности по республике на 2014 г., подлежащую применению при расчете размеров социальных выплат, выделяемых гражданам, молодым семьям и молодым специалистам: на строительство индивидуального жилого дома или приобретение на первичном рынке жилых помещений, в том числе путем участия в долевом строительстве, в размере 25 800 руб.; приобретение на вторичном рынке жилых помещений в размере 20 550 руб.

Значимый вклад в государственное регулирование развития сельских территорий могут и должны внести общенациональные проекты и государственные программы, связанные с решением частных проблем обустройства села.

Распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р разработана и утверждена 41 государственная программа, из которых почти половина имеет отношение к развитию сельских территорий. Это программы развития образования, здравоохранения, культуры, обеспечения качественным жильем и услугами ЖКХ населения России, социальной поддержки граждан, содействия занятости населения, охраны окружающей среды, развития транспортной системы и др. Однако в них мероприятия, реализуемые в сельской местности, не выделены в отдельную строку, что затрудняет оценку вклада этих программ в развитие сельских территорий⁷.

Важное условие эффективной реализации программно-целевого подхода к сельскому развитию — применение нормативного метода. Тем не менее при разработке новых программ, как и предыдущих, он не был использован из-за отсутствия современной научно обоснованной системы социальных стандартов для обустройства сельских поселений, а также по причине финансовых ограничений, при которых стала бы очевидной большая разница между планируемым и нормативным уровнем развития села.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Опубликовано при поддержке гранта РГНФ 14-12-13025 «Инструменты преодоления угроз развитию сельского хозяйства региона в условиях членства России в ВТО».

² См.: Полушкина Т.М. Развитие теории и методологии государственного регулирования аграрной сферы экономики: дис. ... д-ра экон. наук. Саранск, 2010. С. 67.

³ См.: Государственная программа устойчивого развития сельских территорий Республики Мордовия на 2014—2017 годы и на период до 2020 года (утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 6 сент. 2013 г. № 373) // Справ.-прав. система «Гарант».

⁴ Там же.

⁵ См.: Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия. URL: <http://agro.e-mordovia.ru> (дата обращения: 12.10.2014).

⁶ См.: Государственная программа устойчивого развития сельских территорий ...

⁷ См.: Бондаренко Л. Сельские территории: состояние и регулирование // АПК: экономика, управление. 2014. № 1. С. 73—74.

Поступила 06.02.2015.

E. G. Kovalenko, N. A. Polushkin. Directions and Methods of State Regulation of Development of Rural Territories of a Region in the Conditions of Russia's Membership in the WTO

The paper considers and systematizes the main directions and methods of state influence on sustainable development of rural territories of a region.

It analyzes the activities, funding, and the mechanism for implementation of the State program for sustainable development of rural territories in the Republic of Mordovia for 2014—2017 and for the period till 2020 in the framework of adaptation to the conditions of Russia's membership in the WTO. The paper considers the rules of granting subsidies to municipalities and the standard provision which determines the order of implementation of social payments to people living in rural areas.

The paper considers in detail ways of supporting agricultural producers engaged in agricultural production in areas unfavorable for such production. It presents an analysis of the preliminary assessment of the subjects of the Russian Federation in terms of their classification as territories unfavorable for agricultural production. As concerns the Republic of Mordovia the following conclusions are drawn: a) as for the natural and climatic, and soil indicators, the Republic of Mordovia is not included in the list of the unfavorable regions, as, by the first criterion, it has only 39,1 % of arable land with poor soils, and by the other criteria — 0 %; b) on the basis of the socio-economic indicators (when the value of the integral index of socio-economic development of rural territories of a subject of the Russian Federation is below the average value in the country) the Republic of Mordovia and 41 regions of the Russian Federation are included in the list of unfavorable regions. The integral indicator of the Republic is 96, while the Russian is 123.

Е. В. НАСТЮШКИНА **ИНФОРМАТИЗАЦИЯ
НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ
РЕГИОНА КАК УСЛОВИЕ
ИХ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Ключевые слова: информация, налоговые органы, информатизация, технологии, модернизация, качество, система

Key words: information, tax authorities, informatization, technology, modernization, quality, system

В статье рассматриваются исторические процессы развития информатизации налоговых органов, предполагающие постепенное внедрение различных информационных коммуникационных технологий. Ее основная цель — повышение собираемости налогов и эффективность работы кадрового состава налоговых органов.

The paper considers the historical processes of informatization development of tax authorities involving gradual introduction of various information and communication technologies. Its primary objective is to increase tax collection and efficiency of personnel of tax authorities.

Современная система налоговых органов не может существовать без использования информационных технологий. Главным направлением ее развития является разработка и внедрение передовых инновационных и информационных технологий для перехода на новый уровень развития налогового администрирования и повышения эффективности налогового контроля¹.

В экономической литературе термин «информатизация» считается общепринятым, без формального определения. Информатизация была широко распространена лишь в 80—90-е гг. XX в. в России и Китае. Это было связано, во-первых, с недостаточной разработанностью информационных технологий, информационного общества, во-вторых, со специфическими особенностями развития информационно-коммуникационных технологий в этих странах. Россия и Китай

НАСТЮШКИНА Елена Васильевна, аспирант кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета.

NASTUSHKINA Elena Vasilievna, Postgraduate at the Department of Finance and Credit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Настюшкина Е. В., 2015

характеризовались высоким уровнем развития прикладных и аппаратно-программных комплексов, но слабой телекоммуникационной инфраструктурой, которая становилась тормозом гармоничного развития информационного общества².

В отечественной литературе понятие «информатизация» получило распространение в работах А. И. Ракитова, А. П. Ершова, Д. С. Черешкина, Д. М. Гвишиани, В. С. Михалевича, В. С. Семенихина и др. Например, А. И. Ракитов под информатизацией понимает «процесс прогрессивно нарастающего использования информационных технологий для производства, переработки, хранения, и распространения информации»³. А. П. Ершов полагает, что «информатизация — это комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности»⁴. Осмысление понятия «информатизация» имеет почти тридцатилетнюю историю. В таблице даны его современные трактовки.

Таблица

Понятие «информатизация»

Источник	Содержание понятия «информатизация»
Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 25 января 1995 г. № 24-ФЗ ⁵	Организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, обществ, объединяющий на основе формирования и использования информационных ресурсов
Межгосударственный стандарт — ГОСТ 7.0—99 ⁶	Комплекс мер, обеспечивающих оперативный доступ к информационным ресурсам
Экономический словарь ⁷	Глобальный процесс активного формирования и широкомасштабного использования информационных ресурсов
Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (2000) ⁸	Внедрение вычислительной техники в различные сферы деятельности общества и человека
Учебник «Информационные системы и технологии в экономике и управлении» (2013) ⁹	Процесс развития индустрии информации. Данное понятие включает следующие термины информатизации: процесс создания и дальнейшего совершенствования информационного общества; повышение эффективности использования информации в государстве и обществе на основе перспективных информационных технологий; процесс формирования ноосферы

Продолжение таблицы на стр. 46

Источник	Содержание понятия «информатизация»
Интернет-энциклопедия «Википедия» ¹⁰	Процессы, направленные на построение и дальнейшее развитие телекоммуникационной инфраструктуры, объединяющее информационные ресурсы; процесс использования новых технологий, вызванный с увеличением роста объема информации; социально-культурный процесс, который связан с изменениями в образе жизни населения и общества, ликвидация компьютерной неграмотности и формирование культуры использования новых информационных технологий; процессы, в основе которых лежат использование методов и средств управления, а также инструментарий информационных и коммуникационных технологий
Учебник «Социальная информатика и социология: проблемы и перспективы взаимосвязи» (2003) ¹¹	Процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития на базе средств информатики, включающий медиатизацию, компьютеризацию и интеллектуализацию
Словарь-справочник «Экономика и право» (2004) ¹²	Организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов
Российская энциклопедия по охране труда (2007) ¹³	Активное использование информационных технологий во всех сферах жизни общества и человека. Внедрение в процесс образования методов сбора, обработки, передачи и хранения информации на базе вычислительной техники

Из приведенных определений информатизации наиболее полным, на наш взгляд, является определение, предложенное И. В. Соколовой, в котором в информатизацию входят три взаимосвязанных процесса: совершенствование средств сбора, хранения и распространения информации — медиатизация; совершенствование средств поиска и обработки информации — компьютеризация; развитие знаний и способностей людей к восприятию информации, включая возможность использования искусственного интеллекта, — интеллектуализация¹⁴. Однако реальная порядковая шкала слагаемых информатизации такова: компьютеризация опережает по темпам развития медиатизацию и интеллектуализацию.

Первоначально процесс информатизации включал формирование и дальнейшее внедрение информационных ресурсов в деятельность налоговых органов. Начальные процессы информатизации заключались в банальных разрозненных действиях по формированию информационной базы. Но с течением времени совершенствовалось законодательство, был осуществлен переход к системной информатизации, а затем и к инновационной форме ее совершенствования.

В связи с развитием рыночной экономики постоянно увеличивается объем финансово-экономической информации, которую налоговые органы должны накапливать, обрабатывать и анализировать. Это связано с ростом числа налогоплательщиков, увеличением разнообразия форм первичной отчетности налогоплательщиков и углублением экономико-статистического анализа соблюдения ими налогового законодательства.

Информационные технологии в деятельность налоговых органов внедряются достаточно активно. Процессы информатизации неразрывно связаны с решением задач по автоматизации деловых процессов, процессов сбора, хранения и распределения информации различного характера и назначения, созданием ресурсов, образующих базис информационного обеспечения культурной, экономической, социальной, административной, правовой сфер деятельности общества. В процессе информатизации развивается автоматизация рабочих процессов.

Основными направлениями автоматизации являются: создание и совершенствование информационной системы налоговой службы; разработка и внедрение новых эффективных информационных технологий; совершенствование коммуникационной сети, которая обеспечит информационный обмен внутри системы и с информационными системами иных служб; подготовка кадров к работе в новой информационной среде.

В своей работе налоговые органы Республики Мордовия активно используют достижения передовых информационных технологий для расширения объема бесплатных услуг, организации налогового контроля в налоговых органах и качества обслуживания налогоплательщиков. Для этого необходимо наличие достаточного количества современной техники.

Отметим, что Управление Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия (УФНС России по РМ) достаточно оснащено техникой. Численность кадров в нем составляет 111 чел., можно говорить о полной обеспеченности основными средствами, так как почти на каждого сотрудника приходится по 2 компьютера, всего основных средств — 255 ед.

В настоящее время действует система представления налоговой и бухгалтерской отчетности в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи, что открывает качественно новый этап взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов, обеспечивая надежный двусторонний информационный обмен между ними.

С каждым годом количество налогоплательщиков, сдающих отчетность в электронном виде, увеличивается, что упрощает камеральные и выездные проверки, а также уменьшает количество ошибок, связанных с человеческим фактором.

В 2012 г. доля налогоплательщиков имеющих возможность доступа по каналам связи и через Интернет к персонализированной информации о состоянии расчетов с бюджетом, составляла 66,2 %, в 2014 г. она увеличилась на 11,7 % и составила 78,6 %.

По состоянию на 1 января 2014 г. в технологии сдачи отчетности в электронном виде по каналам связи задействовано более 81,0 % от всех плательщиков, которые сдают отчетность. Участниками электронного взаимодействия являются налогоплательщики, специализированные операторы связи и налоговые органы. Деятельность спецоператоров осуществляется на конкурентной основе. На этом рынке есть лидеры, есть менее успешные компании, но в целом рынок не монополизирован. Отчетность в электронном виде предоставляют порядка 80 фирм-участников. На территории Республики Мордовия осуществляют свою деятельность по передаче налоговой и бухгалтерской отчетности по телекоммуникационным каналам связи ОАО «Ростелеком», ООО «Дартел», ЗАО «Удостоверяющий центр» (г. Нижний Новгород), ООО «Компания “Тензор”», ОАО «Центр информатизации Республики Мордовия» и др.¹⁵

Создана автоматизированная информационная система, предназначенная для автоматизации функций всех уровней налоговой службы по обеспечению сбора налогов и других

обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды, проведения комплексного оперативного анализа материалов по налогообложению, обеспечения органов управления и соответствующих уровней налоговых служб достоверной информацией. Формируются основы информационно-технологической инфраструктуры, организационно-методического и кадрового обеспечения эффективного использования информационных технологий.

Информационная поддержка деятельности УФНС России по РМ осуществляется информационной системой АИС «Налог», которая обеспечивает автоматизированный сбор, учет, обработку, обобщение, анализ налоговой информации и поддержку принятия решений в налоговых процессах.

АИС «Налог» строится как многоуровневая система обработки налоговой информации, включающая в качестве составных частей: корпоративные информационные системы типовых узлов местного уровня; систему обеспечения информационной безопасности (распределение прав доступа пользователей на сервере, антивирусное обеспечение); систему мониторинга и управления (осуществляется в административной части системы); систему телекоммуникаций (СТК) — сдачу налоговой и бухгалтерской отчетности налогоплательщиками через Интернет, телемосты между ФНС и инспекциями¹⁶.

Для повышения качества информационного обслуживания и повышения результативности налогового контроля используются интернет-сервисы «Личный кабинет налогоплательщика для физических лиц», «Заплати налоги», «Узнай свою задолженность», «Проверь себя и контрагента» и др. Инновационные сервисы позволяют за счет сокращения количества ошибок в учете налогоплательщиков облегчить и качественно улучшить работу налоговых органов, сам учет налогоплательщиков и уплату ими налоговых платежей в бюджет, что в дальнейшем повышает выполнение контрольных показателей на уровне инспекции.

Несмотря на все положительные тенденции в процессе информатизации налоговых органов, есть проблемы, не позволяющие в полной мере достичь высокого уровня внедрения информационных технологий. К наиболее значимым следует отнести непостоянство нормативно-правовой базы в области информатизации; непрерывное увеличение налогово-

го документооборота (средние темпы увеличения налоговой отчетности от 20 до 40 % в год); усложнение и постоянное изменение процедур налогового законодательства (по оценке аналитиков, в год меняется от 40 % алгоритмов расчета налогов); большие трудозатраты на обработку налоговых документов (только трудозатраты на ввод первичных налоговых документов от юридических лиц составляют сотни тысяч человеко-дней, по оценкам от 25 до 30 % времени работников налоговых органов тратится на ручной ввод данных налоговой отчетности); несовершенство автоматизированной информационной системы налоговых органов; трудности технического характера, связанные с приемом отчетности по ТКС; низкая эффективность контрольной работы (в течение года налоговые органы выполняют 500 тыс. выездных проверок, каждая из которых требует привлечения 8—10 специалистов на 60 дней, однако результативность поездок составляет 50 %); выделение процедур налогового администрирования на уровне инспекций (основные налоговые процедуры (учет налогоплательщиков, сбор и проверка документов, контроль лицевых счетов, выездные проверки, наложение штрафов) планируются и выполняются, такая ситуация приводит к низкому качеству и отсутствию стандартов в работе, высоким трудозатратам)¹⁷.

Для решения перечисленных проблем в структуре ФНС России созданы специализированные подразделения, занимающиеся разработкой ведомственной автоматизированной информационной системы и поддержанием ее в надлежащем состоянии, которые помогут решить ряд возникших проблем. Для внедрения новых информационно-телекоммуникационных технологий, координации деятельности налоговых органов в части обеспечения функционирования информационных систем в Центральном аппарате ФНС России было создано Управление информатизации. Вспомогательными подразделениями, занимающимися разработкой прикладного программного обеспечения, являются научно-исследовательские вычислительные центры (Московский ГНИВЦ) и два региональных вычислительных центра (РНИВЦ), расположенных в Нижнем Новгороде и Чебоксарах. В УФНС России по РМ функционирует отдел информатизации и ввода данных, осуществляющий внедрение в систему ФНС России элементов АИС «Налог», автоматизированных рабочих мест

работников Управления и инспекций ФНС России по РМ, разрабатываемых в ФНС России, организацию работ по их эксплуатации, а также техническому обслуживанию и ремонту вычислительной техники и средств телекоммуникаций; разрабатывает и реализует единую политику информационной безопасности ФНС России и УФНС России по РМ, организует работы по обеспечению ввода начисленных к уплате налогоплательщиками сумм налогов (сборов)¹⁸.

Для решения задач внедрения информационных технологий непосредственно в региональных и местных налоговых инспекциях организуются специальные подразделения по информатизации. Эти структуры занимаются разработкой автоматизированных программ информационной системы и дальнейшим внедрением специального программного обеспечения: нового системного программного обеспечения и средств электронно-вычислительной и другой офисной техники; эксплуатацией системных и прикладных программных продуктов и средств ЭВТ; информационным взаимодействием между уровнями АИС «Налог» и внешними автоматизированными системами; оказанием консультационной помощи. При этом на первый план выходят не традиционные количественные параметры информатизации (количество компьютеров, серверов), а направления создания перспективных технологий поддержки ключевых рабочих процессов налогового администрирования на основе информационного сервиса, обеспечивающего принципиально новый стиль организации труда налогового инспектора. Используемые в деятельности налоговых органов программные продукты позволяют в разы снизить их материальные и трудовые затраты, что положительно сказывается на эффективности их работы и качестве обслуживания налогоплательщиков.

Таким образом, на текущем этапе развития информационных и инновационных технологий деятельность налоговых органов переходит на новую ступень развития. Автоматизация рабочих процессов позволяет значительно упростить работу налоговых органов, в части оптимизации трудоемкости рабочих процессов, внутреннего контроля, открытости работы, комплексного использования информации. Внедрение различных программно-информационных комплексов и технологий способствует повышению эффективности контрольной работы налоговых органов и всей налоговой системы.

Реализация указанных мероприятий в настоящий момент невозможна без использования информационных технологий, поэтому главным направлением процесса модернизации налоговых органов является их информатизация, как основной фактор налогового администрирования¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Калашникова И.Н. Налоговое администрирование в России: организация и развитие: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2009. С. 175.

² См.: Землянский А.А. Информационные технологии в экономике. М.: КолоС, 2013. С. 68.

³ Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. М.: Полит. лит., 1990. С. 87.

⁴ Ершов А.П. Концепция информатизации образования // Информатика и образование. 1988. № 6. С. 9.

⁵ См.: Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 25 февр. 1995 г. № 24-ФЗ // Справ.-прав. система «Гарант».

⁶ См.: Межгосударственный стандарт — ГОСТ 7.0—99. URL: <http://www.ifap.ru/library/gost/7099.pdf> (дата обращения: 10.06.2015).

⁷ См.: Экономический словарь. URL: <http://abc.informbureau.com/html/eioidiaoesaess.html> (дата обращения: 22.07.2015).

⁸ См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 397.

⁹ См.: Информационные системы и технологии в экономике и управлении: учебник / под ред. В.В. Трофимова. URL: http://static.ozone.ru/multimedia/book_file/1009531194.pdf (дата обращения: 19.08.2015).

¹⁰ См.: Материал из интернет-энциклопедии «Википедия». URL: <http://dictionary.sensagent.com/Информатизация/ru-ru> (дата обращения: 19.08.2015).

¹¹ См.: Социальная информатика и социология: проблемы и перспективы взаимосвязи / под ред. И.В. Соколова. М.: Владос, 2003. С. 55.

¹² См.: Экономика и право: слов.-справ. / авт.-сост.: Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и шк., 2004. С. 80.

¹³ См.: Российская энциклопедия по охране труда / под ред. В.К. Варова, И.А. Воробьева. URL: http://labor_protection.academic.ru/657 (дата обращения: 21.08.2015).

¹⁴ См.: Социальная информатика и социология ... С. 60.

¹⁵ См.: Жукова Л.Е. О подходе к оценке социально-экономической эффективности использования информационных технологий в налоговых органах // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 2. С. 1—5.

¹⁶ См.: Глобалистика / под ред. Б.В. Прыкина. М.: Юнити-Дана, 2007. С. 63.

¹⁷ См.: Смирнова Е.Е. О совершенствовании контрольной работы налоговых органов // Налоговый вестн. 2008. № 2. С. 3—5.

¹⁸ См.: Официальный сайт Управления Федеральной налоговой службы России по Республике Мордовия. URL: <http://www.r13.nalog.ru> (дата обращения: 19.08.2015).

¹⁹ См.: Информационные технологии в налогообложении / под ред. А.О. Горбенко, А.В. Мамасуева. М.: КУРС: НИЦ ИНФРА-М, 2014. С. 60.

Поступила 17.09.2015.

E. V. Nastyushkina. Informatization of Tax Authorities in a Region as a Condition of Their Modernization

The paper reveals the historical aspects of the term “informatization” considered by various authors. It considers the initial processes for introduction of information resources, advanced innovative and information technologies into the activities of the tax service bodies. Automation of most routine procedures should ensure redistribution of priorities towards implementation of analytical and control functions which will allow to strengthen control over the observance of tax legislation, to ensure stable receipt of taxes and fees in budgets of all levels, and, ultimately, a significant reduction in the number of taxpayers evading fulfillment of their tax obligations. The paper addresses the issues of introduction of information technology, it reveals the main problems arising in the process of informatization, it offers main trends in workflow automation and in introduction of special software into the work of tax authorities.

In conclusion, it should be stated that at the current stage of development of information and innovative technologies, the activities of tax authorities enters the next stage of development. Therefore, the main direction of the modernization process of the tax authorities is their informatization as a key factor of tax administration.

С. В. БУЛЯРСКИЙ А. О. СИНИЦЫН А. В. ЦЫГАНЦОВ

ВЛИЯНИЕ АСИММЕТРИИ ИНФОРМАЦИИ НА УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

Ключевые слова: экономический кластер, кооперационные и некооперационные игры, информационная асимметрия

Key words: economic cluster, cooperative and non-cooperative games, information asymmetry

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, заведующий кафедрой инженерной физики Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

СИНИЦЫН Антон Олегович, старший научный сотрудник управления научных исследований Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук.

ЦЫГАНЦОВ Андрей Валерьевич, старший научный сотрудник кафедры инженерной физики Ульяновского государственного университета, кандидат физико-математических наук.

BULYARSKY Sergei Viktorovich, Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Engineering Physics, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

SINITSYN Anton Olegovich, Candidate of Economic Sciences, Senior Research Officer at the Department of Research, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

TSYGANTSOV Andrei Valerievich, Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Senior Research Officer at the Department of Engineering Physics, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

© Булярский С. В., Сеницын А. О., Цыганцов А. В., 2015

Рассмотрено явление информационной асимметрии в разрезе ключевых направлений взаимодействия участников кластера. Представлена модель взаимодействия бизнес-единиц и групп в условиях несовершенной информации. Исследован аспект влияния информационной асимметрии, наблюдаемый при взаимодействии государственных структур и бизнес-единиц, входящих в промышленный кластер.

The paper examines the phenomenon of information asymmetry in the context of the key directions of interaction of participants of a cluster; it presents a model of interaction between business units and groups under conditions of imperfect information. The paper studies the impact of information asymmetry observed in the interaction of state structures and business units included into the industrial cluster.

Изучение и развитие кластерного подхода описывается во многих работах современных исследователей и классиков экономической теории, таких как А. Маршалл («индустриальный район»), Й. Шумпетер (экономика агломераций), М. Портер (экономический кластер). Описание критериев экономического кластера часто сводится к группе географически соседствующих, взаимодействующих друг с другом компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (научно-образовательные заведения, инфраструктурные компании, государственные структуры), действующих в определенных сферах и взаимодополняющих друг друга¹.

Существующие определения экономического кластера не отражают специфику взаимодействия его участников между собой. Оно в широком смысле может быть сведено к эффективному сосуществованию компаний в определенной сфере деятельности, основанному на конкуренции и сотрудничестве между ними. Для анализа процесса построения связей и взаимодействия между участниками кластера важно рассмотреть поток ресурсов между ними². К такого рода потокам ресурсов при изучении взаимосвязей внутри экономических кластеров относят потоки материальных, финансовых, инвестиционных и трудовых ресурсов. Важно отметить, что информация как ресурс и информационные потоки играет в современной экономической жизни одну из главных ролей.

Фундаментальные экономические исследования предполагают, что поведение субъектов кластера, как и поведение любых хозяйствующих субъектов, зависит от обладания ими

наиболее полной информацией, требуемой для принятия решения. Но в условиях свободного функционирования субъекты экономического кластера (коммерческие предприятия, государственные структуры, научные и инфраструктурные организации и др.) часто не в состоянии определить, получить и обработать необходимую информацию.

Таким образом, в реальных рыночных отношениях информация является неполной и распределяется неравномерно между участниками кластера. Стороны взаимоотношений внутри последнего сталкиваются с необходимостью выбора между кооперацией и конкуренцией. Возникает явление информационной асимметрии, когда существенная часть информации, необходимой для принятия решений о заключении инвестиционных контрактов, договоров купли-продажи или оказания услуг и др., является прерогативой небольшого числа участников кластера, которые, будучи субъектами рынка, вовсе не заинтересованы в ее раскрытии, часто сознательно искажают ее. Поэтому асимметрия информации как особый тип ее неполноты оказывает существенное влияние на поведение агентов экономического кластера и рыночные процессы в целом. Следует отметить, что, кроме неравномерного распределения информации, существует асимметрия условий ее получения, обусловленная тем, что потенциал поиска информации различными субъектами неодинаков. Этот факт объясняет стремление агентов кластера к формированию различного рода коалиций, позволяющих уменьшить асимметрию.

Отсутствие объективной или субъективной возможности создания кооперации формирует условия, когда информация между экономическими субъектами распределена неравномерно. С другой стороны, даже в случае появления коалиционного соглашения отсутствует информация о его соблюдении другими участниками. Субъекты, обладающие большей информацией, оказываются в выигрыше, что получило название риска безответственности, под которым понимается недобросовестное поведение, заключающееся в стремлении получить преимущества за счет наличия асимметрии информации³. Это обстоятельство в условиях информационной экономики является одним из ключевых препятствий при обеспечении устойчивости кластерной структуры. Негативные последствия, обусловленные асим-

метрией информации, в зависимости от ее степени могут приводить к неоптимальному распределению ресурсов, ценовой дискриминации и понижению качества производимых участниками кластера товаров и услуг. Исследования многих авторов указывают на важность учета информационной асимметрии агентов экономического кластера, необходимость институциональных ограничений.

В качестве варианта решения указанной проблемы для любого участника кластера, потенциально подверженного информационной асимметрии, разработан аппарат теории игр. Предполагается что каждый игрок (участник кластера) нацелен на максимизацию своего выигрыша и может выбирать стратегию, учитывая влияние этого выбора на поведение других игроков, а также факт аналогичного их поведения.

В случае если участники кластера имеют общие цели они склонны к кооперативным отношениям. При этом есть ситуации, когда участники кластера являются конкурентами или между ними есть конфликт и они не готовы кооперироваться. Аппроксимируя эту ситуацию на аппарат теории игр, получаем: один агент выигрывает то, что проигрывают другие агенты, что называется игрой с нулевой суммой⁴. Значительная часть вопросов экономической жизни включает как кооперационные, так и конфликтные процессы, т. е. представляет собой игры с ненулевой суммой. Напомним, что по характеру взаимоотношений между агентами игры бывают кооперативными и бескоалиционными. В первом случае субъекты могут заключать соглашения для увеличения своего выигрыша, иначе игра называется бескоалиционной.

Остановимся на классификации игры или взаимодействиях внутри кластерной системы в зависимости от информированности игроков. Выделяют игры с совершенной и несовершенной информацией⁵. В играх с совершенной информацией на каждом шаге игрокам известно, какие шаги были сделаны ранее. В другом случае игроки не знают, в какой позиции они находятся. К играм с несовершенной информацией сводятся игры с неполной информацией, известные как байесовские. Здесь наблюдается неполная информированность игроков, возникшая до начала игры, как следствие, их асимметричная информированность.

Во многих случаях неполная информированность игрока означает отсутствие у него понимания стратегии других участ-

ников процесса. Примером такой ситуации может быть дуополия Курно, описывающая поведение двух фирм кластера. В модели дуополии фирмы могут заключить между собой соглашение не вредить друг другу. Таким образом, если существует правовой институт, который мог бы силой обеспечивать выполнение соглашения, игра может быть смоделирована как кооперативная. Обширным инструментарием теории игр описаны кооперативные стохастические игры, изучающие конфликтно-управляемые системы с недетерминированными переходами из одного состояния в другое, при которой возможна кооперация игроков.

Предположим, что участники кластера — игроки из множества N договариваются перед началом игры о совместном выборе стратегии, для получения максимального суммарного выигрыша, т. е. заключают кооперативное соглашение. Под выигрышами субъектов в стохастической игре принимают математическое ожидание их выигрышей. Равновесие кластера можно определить как распределение вероятностей на множестве ситуаций, когда ни одному из участников кластера вовсе не выгодно отклоняться от генерируемой стратегии. Рассмотрим конечную игру:

$$\gamma = (\{1, \dots, n\}, \{S_i\}_{i=1}^n, \{\varphi_i\}_{i=1}^n). \quad (1)$$

Распределение вероятностей $p: S \rightarrow R_+$ на множестве ситуаций $S = S_1 \times \dots \times S_n$ можем считать коррелированным равновесием, если выполняются следующие условия:

$$\sum_{s_{-i} \in S_{-i}} \varphi_i(\bar{s}_i, s_{-i}) p(\bar{s}_i, s_{-i}) \geq \sum_{s_{-i} \in S_{-i}} \varphi_i(\hat{s}_i, s_{-i}) p(\bar{s}_i, s_{-i}), \quad (2)$$

где φ_i — выигрыш игроков.

$$\hat{s}_i \in S_i | \bar{s}_i, \quad \bar{s}_i \in S_i, \quad (3)$$

$$\sum_{s \in S} p(s) = 1, \quad p(s) \geq 0, \quad s \in S.$$

Совокупность представленных неравенств выражает тот факт, что ни одному из игроков не выгодно отходить от рекомендуемой стратегии. Решение линейного неравенства возможно получить методом линейного программирования, добавив к системе целевую функцию. Поставив задачу увеличить суммарный ожидаемый выигрыш всех игроков, добавим функцию:

$$\sum_{s \in S} \left(\sum_{i=1}^n \varphi_i(s) \right) p(s) \rightarrow \max. \quad (4)$$

В случае необходимости максимизировать минимальный из выигрышей игроков к системе неравенств (2)—(4) следует добавить целевую функцию из n неравенств:

$$u \rightarrow \max, \\ \sum_{s \in S} \varphi_i(s) p_i(s) \geq u, \quad i = 1, \dots, n. \quad (5)$$

Таким образом, асимметрия информации между участниками кластера, вызванная сознательным искажением информации о собственной стратегии или выраженной в незнании стратегии других участников, приводит к недостижению максимально возможного эффекта от взаимодействия для участников кластера и для отрасли в целом.

Рассмотрим другой аспект влияния информационной асимметрии, наблюдаемый при взаимодействии государственных структур и бизнес-единиц, входящих в промышленный кластер. В этом случае положим, что государственные структуры имеют функциональный атрибут координации и поддержки кластера. По мнению многих авторов, одним из активных направлений социально-экономической политики государств должна выступать поддержка промышленных кластеров и субсидирование ее участников⁶. Аргументы в пользу этой позиции основаны на эвристическом понимании положительных эффектов от субсидирования деятельности внутрикластерных структур, а именно: реализация новых бизнес-проектов, появление новых рабочих мест, рост инвестиционной активности, создание и коммерциализация научных разработок. Мы можем предположить, что в рамках кластера может сложиться ситуация, когда эффект от поддержки кластера мал по сравнению с затрачиваемыми ресурсами на его содействие. При этом часто у государственных структур существует выбор между «более эффективными» и «менее эффективными» кластерами. Для правильного распределения ресурсов поддержка правительство должно обладать максимально полной информацией о ситуации в отрасли специализации кластера. Фактически, по мнению Л. Орведал⁷, государственные структуры не обладают достаточной информацией о том, являются ли представители той или иной отрасли промышленным кластером и имеет ли

данная индустрия потенциал высокой отдачи от расширения масштабов деятельности индустрии за счет поддержки.

Если предположить, что индустриальные игроки из определенного сектора экономики обладают большей информацией о потенциале конкретного сектора и о существующих связях между агентами внутри данной отрасли, чем государственные институты, то возникает вопрос, какую стратегию промышленной политики правильно выбрать в таких условиях чтобы максимизировать положительный социально-экономический эффект от затрат ресурсов на поддержку. Разработана модель оптимальных инвестиций от масштаба отдачи определенной индустрии⁸. Вместе с этим недостаточно изучен вопрос взаимодействия субъектов кластера в объективных условиях асимметричности информации. Особенно важен этот вопрос при моделировании взаимодействия государственных органов и бизнес-единиц для более продуктивного выстраивания промышленной политики. Для выявления максимального эффекта от усилий государственных институтов в различных отраслевых кластерах возникает необходимость построения модели взаимодействия с учетом явления асимметрии информации в рамках кластера между бизнесом и государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005. С. 236—237.

² См.: Булярский С.В., Сеницын А.О., Цыганцов А.В. Кластерные структуры: моногр. Ульяновск: Колор принт, 2014. 116 с.

³ См.: Козачок И.В., Краснова С.Г. Экономическая сущность асимметрии информации и ее влияние на функционирование рынка // Сибир. финансовая шк. 2007. № 2. С. 29—35.

⁴ См.: Субботина Е.В. Анализ взаимодействия участников внутри кластера на основе инструментария теории игр: кооперация или конкуренция? // Конкуренентоспособность компаний и территорий: кластерные технологии: сб. науч. ст. / под ред. Т.В. Миролюбовой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. С. 240—247.

⁵ См.: Писарук Н.Н. Введение в теорию игр. Минск: БГУ, 2015. 256 с.

⁶ См.: Orvedal L. Industrial Clusters, Asymmetric Information and Industrial Policy. URL: <http://www.etsg.org/ETSG2004/Papers/Orvedal.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).

⁷ Там же.

⁸ См.: Norman V.D., Venables A.J. Industrial Clusters: Equilibrium, Welfare and Policy // *Economica*. 2004. Vol. 71. Iss. 284. P. 543—558.

Поступила 27.10.2015.

S. V. Bulyarsky, A. O. Sinitsyn, A. V. Tsygantsov. Impact of Information Asymmetry on Sustainability of Economic Clusters

Interaction of cluster actors in a broad sense can be reduced to effective co-existence of companies in a specific field of activity based on competition and cooperation between them. Information asymmetry is objectively inherent in relationships between cluster participants, as a result of deliberate distortion of information about their own strategies or expressed in ignorance of the strategies of other participants. Information asymmetry between members of a cluster has significant influence on the behavior of economic actors in a cluster and the mechanism of its functioning and also leads to failure to achieve the maximum possible result from interaction for cluster participants and for the industry in general.

The problem of stability of cluster structures can be solved by using the theory of games. In many cases, incomplete knowledge of a player indicates his lack of understanding of other players' strategies. The Cournot duopoly might be an example of such a situation. Cluster equilibrium can be defined as probability distribution in multiple situations when deviating from the generated strategy is disadvantageous for all the members of a cluster.

At the same time, significant and insufficiently studied is the effect of information asymmetry between business units and government structures seeking to coordinate and support economic clusters on their sustainability. To consider this issue, it is necessary to construct a model of interaction taking into account the phenomenon of information asymmetry between business and government within a cluster.

Е. В. ОЗЕРОВА

МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: устойчивое развитие, система внутреннего контроля, компоненты, принципы, ментальная карта

Key words: sustainable development, internal control system, components, principles, mind map

В статье рассмотрены цели, задачи, структура и взаимосвязи системы внутреннего контроля организации на этапе ее построения. За основу для формирования системы внутреннего контроля взяты передовые практики в области внутреннего контроля «COSO Internal Control — Integrated Framework». В качестве вспомогательного инструмента исследования использована разработанная автором ментальная карта системы внутреннего контроля организации, которая позволяет наглядно представить алгоритм реализации проекта в целом.

The paper considers aims, tasks, structure, and interactions of the internal control system of an organization at the stage of its development. The bases for formation of the internal control system are the best practices in the field of internal control of “COSO Internal Control — Integrated Framework”. As an auxiliary research tool, a mind map of the internal control system of an organization developed by the author is used, which allows to visualize the algorithm of implementation of the project as a whole.

В современных социально-экономических условиях основным вектором эволюции бизнеса признана концепция устойчивого развития (sustainable development), главной целью которой является рост долгосрочной стоимости компании

ОЗЕРОВА Елена Васильевна, аспирант кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

OZEROVA Elena Vasilievna, Postgraduate at the Department of Management, Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation).

© Озерова Е. В., 2015

при обеспечении ее устойчивого развития и соблюдении балансов интересов заинтересованных сторон. Предполагается согласованность экономических, экологических и социальных целей организации в долгосрочной перспективе.

Для выполнения задачи устойчивого развития компания выстраивает систему управления в этой области, проводит анализ своей деятельности и рисков по экономическим, экологическим и социальным аспектам деятельности, а также стремится не допускать или снижать негативное воздействие результатов своей деятельности на заинтересованные стороны. Эффективным инструментом реализации устойчивого развития в долгосрочном периоде, защиты прав акционеров в области обеспечения сохранности предоставленных ими средств и повышения инвестиционной привлекательности компаний в корпоративном секторе служит система внутреннего контроля, построенная на основе российского законодательства и лучших мировых практик.

Согласно определению, данному Комиссией Трэдвэя, «внутренний контроль — это процесс, осуществляемый советом директоров, руководством и прочим персоналом, предназначенный для обеспечения достаточной уверенности касательно достижения целей и задач, относящихся к операционной деятельности, отчетности и соответствию законодательным и нормативным требованиям»¹.

Процесс внутреннего контроля организации представляет собой неотъемлемую часть системы корпоративного управления, распространяющуюся на все уровни, внутренние процессы и операции. Создание системы внутреннего контроля — это построение советом директоров, руководством и инженерно-техническим персоналом предприятия процесса управления, обеспечивающего достижение целей и решение задач, относящихся к операционной деятельности, отчетности, законодательным и нормативным требованиям (комплаенс).

Цели и задачи в области контроля будут общими для организаций разных форм собственности и направлены в текущей деятельности (operations) на повышение ее результативности и эффективности, включая производственные и финансовые плановые показатели, а также обеспечение защиты активов от возможных потерь; во внутренней и внешней финансовой и нефинансовой отчетности (reporting) — на

повышение ее надежности, своевременности, достоверности, прозрачности, поступления и выполнение других требований, установленных государственными органами или политикой самой организации; в комплаенс (compliance) — на соблюдение законов и нормативно-правовых актов во всех сферах деятельности организации.

Поскольку российским Кодексом корпоративного управления «рекомендуется применять общепринятые концепции и практики работы в области... внутреннего контроля»², воспользуемся этими практиками в качестве примера для построения системы внутреннего контроля (СВК) акционерного общества.

Каждый из этапов (или стадий) построения этой системы важен, сложен в реализации и может быть подробно исследован в рамках отдельной статьи. Однако, учитывая тот факт, что в обновленном издании Интегрированной концепции построения системы внутреннего контроля COSO Комитета спонсорских организаций комиссии Трэдвэя («COSO Internal Control — Integrated Framework» 2013) существенно расширены возможности ее использования и применения путем формализации фундаментальных основ, названных в новой редакции документа принципами, сосредоточим свое внимание на этапе построения пяти компонентов внутреннего контроля на основе семнадцати принципов.

В качестве вспомогательного инструмента, визуализирующего реализацию нашей задачи, воспользуемся *ментальной картой*. Графически изображая объект и предмет исследования, мы видим, что система состоит из напрямую взаимосвязанных между собой пяти компонентов, организационной структуры и трех категорий целей и задач, наличие, применение которых и взаимодействие между которыми позволяет оценить результативность и эффективность системы внутреннего контроля организации (рисунок).

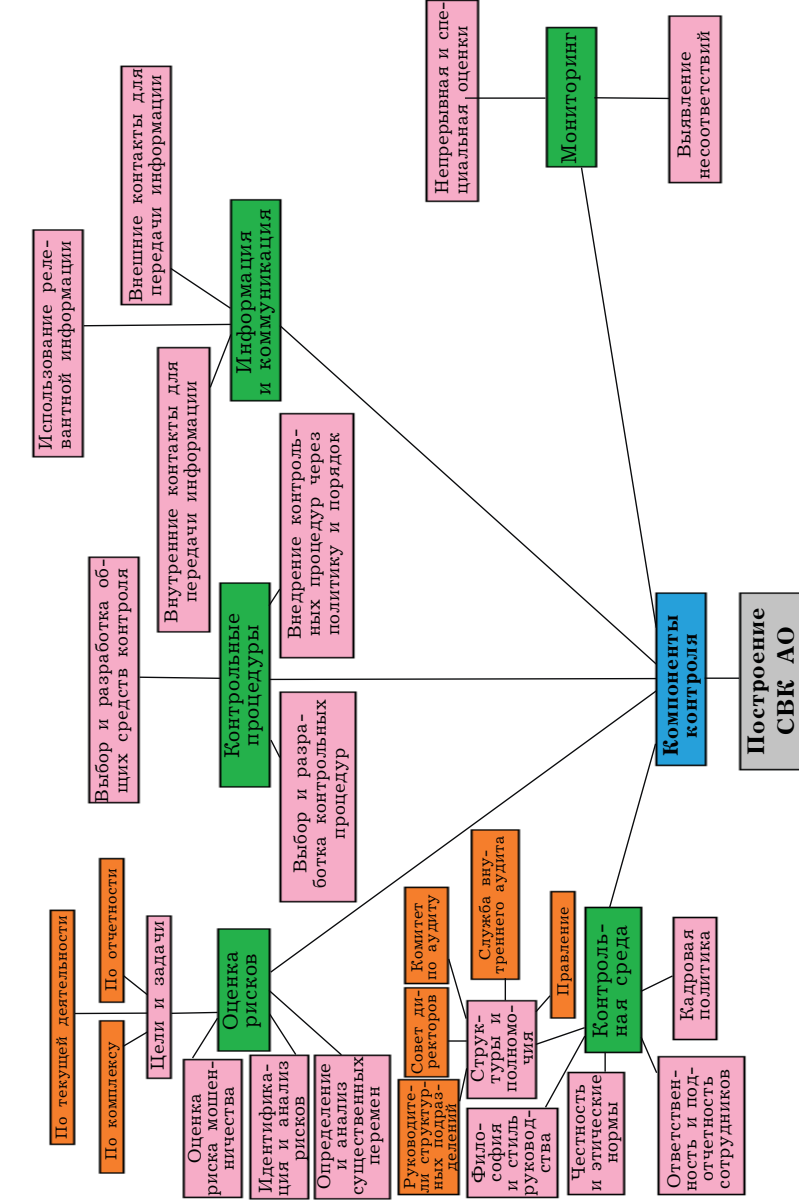

Рисунок. Ментальная карта построения системы внутреннего контроля организации

Интегрированные компоненты, или элементы системы, называются и характеризуются следующим образом:

- контрольная среда (Control Environment) — набор стандартов, процессов и структур, который обеспечивает основу функционирования внутреннего контроля организации;

- оценка риска (Risk Assessment) — динамический и циклический процесс по выявлению и анализу соответствующих рисков, связанных с достижением установленных целей и задач структурной единицы (организации);

- средства контроля (Control Activities) — действия, установленные через политики и процедуры, которые помогают удостовериться в выполнении указаний руководства по снижению рисков при достижении целей и задач;

- информация и коммуникация (Information Communication) — непрерывный циклический процесс обеспечения, разделения и получения необходимой информации в организации;

- мониторинг (Monitoring Activities) — непрерывная оценка, специальная оценка или некое сочетание этих видов оценок, используемое для того, чтобы убедиться в том, что каждый из пяти компонентов внутреннего контроля, включая меры контроля, влияющие на принципы внутри каждого компонента, существуют и применяются.

СВК базируется на 17 принципах, связанных с компонентами и представляющих собой фундаментальные основы системы. Они задают четкие рамки этапам планирования, разработки и внедрения СВК и формулируются следующим образом: «приверженность честности и этическим нормам, выполнение обязанностей по надзору, установление структуры, полномочий и ответственности, направленность на компетентность, обеспечение подотчетности, установление адекватных целей и задач, определение и анализ рисков, оценка риска мошенничества, определение и анализ существенных изменений, выбор и разработка контрольных процедур, выбор и разработка общих средств контроля за технологией, внедрение контрольных процедур через политику и порядок, использование релевантной информации, использование внутренних контактов для передачи информации, использование контакта с внешними сторонами для обмена информацией по вопросам, касающимся функционирования внешнего контроля, мониторинг системы

внутреннего контроля на основе непрерывной и специальной оценок, оценка и сообщение о несоответствиях системы внутреннего контроля сторонам, ответственным за принятие корректирующих мер»³.

Все названные принципы выведены из компонентов СВК и относятся к целям и задачам по текущей деятельности, финансовой и нефинансовой отчетности, соблюдению законодательных и нормативных требований. Построение СВК следует начинать с контрольной среды, которая является базовое начало последующего эффективного функционирования всех компонентов системы, обеспечивающее философию управления, стиль работы, правила и процедуры. В основу построения контрольной среды закладываются первые пять принципов, которые включают честность и этические нормы, философию и стиль руководства, организационную структуру, кадровую политику, ответственность и подотчетность сотрудников⁴.

Первый принцип создания контрольной среды предполагает формирование корпоративной этики как системы нравственных правил поведения профессионала в ситуациях морального выбора. Миссию и видение, а также философию и принципы взаимоотношений внутри компании, с ее партнерами и государством определяет второй принцип, представляющий собой корпоративные ценности, ориентированные на социальную ответственность, развитие и мотивацию работников, корпоративную культуру. Третий принцип диктует требования к организационной структуре внутреннего контроля, которая должна соответствовать законодательству страны регистрации компании, международным стандартам в области внутреннего контроля и внутреннего аудита. Кадровую политику компании регламентирует четвертый принцип, демонстрирующий готовность руководства привлекать, развивать и сохранять компетентных специалистов соответственно поставленным целям и выполняемым задачам. В этой сфере у руководства каждого уровня должен быть определен уровень ответственности за реализацию поставленных задач.

Далее ментальная карта показывает, каким путем следует идти при построении компонента «Оценка рисков». Особое внимание в этом случае следует сосредоточить на постоянной оценке рисков, сделав ее обязательным элементом стратегического планирования, формулируя на этом этапе цели

компании, стратегию, ключевые показатели эффективности и оценивая новые риски, а также отслеживая изменения в деловом окружении.

При построении компонента за основу принимаем принципы шестой, седьмой, восьмой и девятой: установление адекватных целей и задач, определение и анализ рисков, оценка риска мошенничества, определение и анализ существенных изменений⁵.

Наиболее структурированным, формализованным и методологически проработанным является компонент «Контрольные процедуры». Согласно COSO, «контрольные процедуры — это действия, установленные через политики и процедуры, которые помогают убедиться в выполнении указаний руководства по снижению рисков при достижении целей и задач»⁶. Они выполняются на всех уровнях организации, на различных стадиях в рамках функционирования бизнес-процессов в маркетинговой, производственной и финансовой областях деятельности компании. Они могут включать последовательность ручных и автоматизированных действий.

Ментальная карта отображает подходы к созданию компонента «Контрольные процедуры» через реализацию десятого, одиннадцатого и двенадцатого принципов, на которых базируются планирование, построение и функционирование СВК организации: выбор и разработка контрольных процедур, выбор и разработка общих средств контроля над технологией, внедрение контрольных процедур через политику и порядок⁷.

Для выполнения обязанностей по внутреннему контролю в области содействия достижению поставленных целей и задач организации необходимы информация и коммуникация. Согласно COSO, «коммуникация — это непрерывный, циклический процесс обеспечения, разделения и получения необходимой информации»⁸.

Ментальная карта отображает подходы к созданию компонента «Информация и коммуникация» через реализацию тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого принципов создания СВК. Это использование релевантной информации, внутренних контактов для передачи информации, контакта с внешними сторонами для обмена информацией касательно вопросов, влияющих на функционирование внешнего контроля⁹.

Построение последнего, пятого, компонента системы внутреннего контроля «Мониторинг» реализуется путем следования шестнадцатому и семнадцатому принципам: «мониторинг системы внутреннего контроля проводится на основе непрерывной и специальной оценок», «организация своевременно оценивает и сообщает о несоответствиях системы внутреннего контроля сторонам, ответственным за принятие корректирующих мер»¹⁰.

Непрерывная оценка (выполнение процедур мониторинга СВК непрерывно), специальная оценка (выполнение периодической оценки СВК) или некое сочетание этих видов оценок используются для того, чтобы убедиться, что каждый из пяти компонентов внутреннего контроля, включая меры контроля, влияющие на принципы внутри каждого компонента, существуют и применяются. Несоответствия системы оцениваются по критериям, установленным государственными общепризнанными стандартотворческими органами или руководством и советом директоров.

Таким образом, ментальная карта может служить простой и эффективной графической моделью наглядного представления каждого отдельного процесса построения СВК организации на начальном его этапе. Разделяя единый процесс на составные части, мы более отчетливо видим и понимаем цели и задачи, которые необходимо решить, и шаги, которые следует предпринять для их решения. Безусловно, такая ментальная карта не отображает полностью всех нюансов построения системы внутреннего контроля организации, однако ее использование позволяет организации разобраться в структуре системы внутреннего контроля, понять алгоритм ее построения, наглядно представить схему проекта в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: COSO Internal Control — Integrated Framework. Executive Summary (Интегрированная концепция построения системы внутреннего контроля COSO. Краткий обзор) // COSO. 2013. С. 3.

² См.: См.: Интегрированная концепция построения системы внутреннего контроля COSO Комитета спонсорских организаций Комиссии Трэдвэя (The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission) // Вестн. Банка России. 2014. № 40. С. 47.

³ McNally J. Stephen, The 2013 COSO Framework & SOX Compliance // Strategic Finance. June 2013. С. 49.

⁴ См.: COSO Internal Control — Integrated Framework. Framework and Appendices (Интегрированная концепция построения системы внутреннего контроля COSO. Концепция и приложения) // COSO. 2013. С. 31.

⁵ См.: Internal Control over External Financial Reporting: A Compendium of Approaches and Examples (Внутренний контроль внешней финансовой отчетности. Сборник подходов и примеров) // COSO. 2013. С. 49.

⁶ COSO Internal Control — Integrated Framework. Executive Summary. С. 4.

⁷ См.: Internal Control over External Financial Reporting: A Compendium of Approaches and Examples. С. 79.

⁸ COSO Internal Control — Integrated Framework. Executive Summary. С. 5.

⁹ См.: COSO Internal Control — Integrated Framework. Framework and Appendices. С. 105.

¹⁰ COSO Internal Control — Integrated Framework. Illustrative Tools for Assessing Effectiveness of a System of Internal Control (Интегрированная концепция построения системы внутреннего контроля COSO. Пояснительные материалы для оценки эффективности системы внутреннего контроля) // COSO. 2013. С. 23.

Поступила 12.11.2015.

E. V. Ozerova. Mind Map as a Tool for Building the Internal Control System of an Organization

The paper deals with issues of construction of the internal control system (hereinafter referred to as ICS) of an organization, as an effective tool for implementing sustainable development in the long run. The bases for formation of the internal control system are the best practices in the field of internal control of “COSO Internal Control — Integrated Framework”, the integrated concept of construction of an ICS by the Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, 2013).

In the first approximation, the ICS structure is analyzed, which represents five interrelated components, seventeen principles, three categories of goals and tasks (operations, reporting, and compliance) for the structural units of the organization at the initial stage of its construction. Extensively described is the interdependence of the components and principles that underpin the system; the priorities in its construction are identified. The author discusses the role of the continuous and special assessments of the ICS state used to obtain confidence that each of the five components of internal control exists and is applied.

As an auxiliary research tool that facilitates obtaining a general idea about the problem and ways of its solution at the initial stage of building the system, a mind map of the ICS of an organization developed by the author is used, which allows to visualize the algorithm of implementation of the project as a whole.

П. А. ЕРЯШЕВ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В УПРАВЛЕНИИ ЗЕРНОПРОДУКТОВЫМ ПОДКОМПЛЕКСОМ АПК

Ключевые слова: приоритеты, стратегическое управление, зернопродуктовый подкомплекс, хозяйство, деятельность, валовый сбор, урожайность, ресурс

Key words: priorities, strategic management, grain production subcomplex, economy, activity, gross yield, crop capacity, resource

В статье исследованы основные проблемы развития зернопродуктового подкомплекса как отрасли агропромышленного комплекса, проанализирована динамика валового сбора, урожайности, производства зерна по видам культур. Предложены направления совершенствования зернового хозяйства.

This paper considers the main problems of development of the grain products subcomplex as a branch of the agricultural sector; it analyzes the dynamics of the gross yield, crop capacity, grain production by crops; it proposes directions of improvement of grain farming.

Зерновое производство носит системообразующий характер для других отраслей экономики страны, служит своеобразным индикатором экономического благосостояния государства. Зерно — главный продовольственный товар, цены на большинство продовольственных товаров в определенной мере формируются в зависимости от цен на него. Состояние зернового рынка определяет как мировую, так и национальную безопасность. Особенно важной является оценка зернового производства с точки зрения социальной

ЕРЯШЕВ Павел Александрович, аспирант кафедры статистики, эконометрики и информационных технологий в управлении Мордовского государственного университета.

ERYASHEV Pavel Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Statistics, Econometrics and Information Technologies in Administration, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Ерышев П. А., 2015

значимости, надежного обеспечения населения хлебом и хлебными изделиями, а также продовольствием, произведенным с использованием продуктов переработки зерна. Поэтому в обеспечении продовольственной безопасности страны зерно и продукты его переработки имеют особую важность как продовольствие стратегического значения.

Стратегическое управление зернопродуктовым подкомплексом АПК следует рассматривать как целенаправленную деятельность, обеспечивающую эффективность развития в долгосрочном периоде его сфер и отраслей по производству, переработке и реализации зерна и зерновой продукции, рациональные, организационные и экономические связи и экономические отношения в условиях рисков динамично изменяющейся ситуации. Также это непрерывное функционирование процессов производства, обмена, распределения, переработки и потребления зерновых ресурсов и зернопродуктов и стратегический анализ внутренней и внешней среды, конструктивное целеполагание, разработка альтернативных стратегий и инструментария их реализации.

Главными условиями эффективного функционирования стратегического управления зернопродуктовым подкомплексом АПК является укрепление связей между сферами отрасли. Современный агропромышленный комплекс России, как и вся экономика в целом, находится в сложном периоде реформирования и преодоления кризисных процессов с присущими только ему способами решения проблемы¹.

Основными факторами, ограничивающими увеличение производства зерновых ресурсов, являются: отставание роста внутреннего потребления от роста производства зерна; низкая динамика инновационного развития, в том числе медленное внедрение достижений биотехнологии и новых технологий, адаптированных к условиям изменения климата; отсутствие долгосрочных программ стимулирования сбыта и потребления зерна и продуктов его переработки; инфраструктурные ограничения, в том числе дефицит и территориальная структура размещения мощностей по хранению зерна и производству комбикормов, неадекватная новым реалиям, высокие издержки на железнодорожные перевозки; недостаточная государственная поддержка экспорта зерна и муки, административные и технические барьеры².

В настоящее время общие проблемы для всех хозяйствующих субъектов зернопродуктового подкомплекса — непредсказуемость на зерновом рынке; недостаточность информации о ситуациях, складывающихся на нем; различные ограничения в свободной торговле со стороны муниципальной власти; неплатежеспособность потребителя; рост издержек на производство, хранение и переработку зерна; развивающаяся конкуренция, а также высокая процентная ставка банка за пользование кредитом и отсутствие доступного места для проведения торгов, аукционов, тендеров.

Усиливает негативные тенденции в зерновом хозяйстве низкая и неустойчивая его доходность, из-за чего значительная часть зернопроизводящих хозяйств не может внедрять и использовать достижения научно-технического прогресса. Это касается крупных зернопроизводящих хозяйств³.

Несмотря на плохие погодные условия, в некоторых регионах страны производство зерновой продукции в 2014 г. составило 105,30 млн т, что значительно превысило показатели 2009—2013 гг. в среднем на 23,7 %. В Республике Мордовия этот показатель составляет 0,95 млн т, или 0,9 %, от общероссийского показателя (105,30 млн т). Показатель валового сбора по региону в 2014 г. получился значительно больше, чем в 2010 г., 2012—2013 гг. (на 0,66, 0,15 и 0,10 млн т), и значительно меньше, чем показатели 2009 и 2011 гг. (на 0,36 и 0,05 млн т). Соответственно показатели посевной площади и урожайности по Мордовии составили в 2014 г. 0,43 и 21,9 или 0,93 и 90,9 % от общероссийского показателя (46,20 млн га и 24,1 т/га)⁴.

Динамика производства зерна по видам культур представлена в табл. 1. Видно, что возросли валовые сборы зерновых культур, за исключением гречихи, которой было собрано меньше, чем в 2011—2013 гг., на 18,5 % и больше, чем в 2009—2010 гг., на 31,8 %. Рост производства зерновых культур в основном был обеспечен за счет увеличения в 2014 г. посевных площадей зерновых культур, показатель которых был снижен с 2010 по 2013 г. на 7,1 %, а также за счет повышения урожайности зерновых культур. В регионе увеличилось производство ярового ячменя (1,2 % от общероссийского уровня), овса (0,8 %), проса (0,4 %), гречихи (0,1 %), зернобобовых культур (1,4 %). Снижение произошло по пшенице (на 14,7 %), ржи озимой (на 25,0 %)⁵.

Таблица 1

**Динамика производства зерна по видам культур
в Российской Федерации и Республике Мордовия, млн т**

Показатель	2014 г.					Значение показателя					
	Абсолютное значение	% к 2009—2013 гг.					2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
		2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.					
<i>Российская Федерация⁶</i>											
Зерно и зернобобовые культуры	105,3	108,4	172,6	111,8	148,5	114,0	97,1	61,0	94,2	70,9	92,4
В том числе:											
пшеница	59,0	95,6	142,2	105,0	156,5	113,2	61,7	41,5	56,2	37,7	52,1
рожь	3,3	76,7	48,5	110,0	157,1	100,0	4,3	1,6	3,0	2,1	3,3
ячмень	20,0	111,7	241,0	118,3	143,9	129,9	17,9	8,3	16,9	13,9	15,4
овес	5,3	98,1	165,6	100,0	132,5	108,2	5,4	3,2	5,3	4,0	4,9
кукуруза на зерно	11,1	277,5	358,1	158,6	135,4	103,7	4,0	3,1	7,0	8,2	10,7
просо, тыс. т	0,49	181,5	376,9	55,7	148,5	116,7	0,27	0,13	0,88	0,33	0,42
гречиха, тыс. т	0,66	117,9	194,1	82,5	83,5	79,5	0,56	0,34	0,80	0,79	0,83
рис, тыс. т	1,04	114,3	98,1	98,1	99,0	110,6	0,91	1,06	1,06	1,05	0,94
зернобобовые культуры	2,2	146,7	157,1	88,0	100,0	110,0	1,5	1,4	2,5	2,2	2,0
<i>Республика Мордовия⁷</i>											
Зерно и зернобобовые культуры	0,95	72,5	327,6	95,0	121,8	111,8	1,31	0,29	1,00	0,80	0,85
В том числе:											
пшеница	0,29	45,3	170,6	56,9	120,8	85,3	0,64	0,17	0,51	0,24	0,34
рожь озимая	0,03	60,0	300,0	60,0	150,0	75,0	0,05	0,01	0,05	0,02	0,04
ячмень яровой	0,5	100,0	625,0	125,0	125,0	166,7	0,5	0,08	0,4	0,4	0,3
овес	0,04	133,3	500,0	200,0	200,0	200,0	0,03	0,008	0,02	0,02	0,02
просо, тыс. т	0,002	500,0	200,0	285,7	250,0	200,0	0,0004	0,001	0,0007	0,0008	0,001
гречиха, тыс. т	0,0006	300,0	—	150,0	150,0	600,0	0,0002	—	0,0004	0,0004	0,0001
зернобобовые культуры	0,03	100,0	333,3	100,0	150,0	150,0	0,03	0,009	0,03	0,02	0,02

Динамика структуры производства зерна по видам культур представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Динамика структуры производства зерна
по видам культур, % к общему валовому сбору⁸**

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
<i>Российская Федерация</i>						
Пшеница	63,5	68,0	59,7	53,2	56,4	56,0
Рожь	4,4	2,6	3,2	3,0	3,6	3,1
Ячмень	18,4	13,6	17,9	19,6	16,7	19,0
Овес	5,6	5,2	5,6	5,6	5,3	5,0
Кукуруза на зерно	4,1	5,1	7,4	11,6	11,6	11,5
Просо	0,3	0,2	0,9	0,5	0,5	0,5
Гречиха	0,6	0,6	0,8	1,1	0,9	0,9
Рис	0,9	1,7	1,1	1,5	1,0	1,0
Зернобобовые культуры	1,5	2,3	2,7	3,1	2,2	2,2
<i>Республика Мордовия</i>						
Пшеница	48,9	58,6	51,0	30,0	40,0	30,5
Рожь озимая	3,8	3,4	5,0	2,5	4,7	3,2
Ячмень яровой	38,1	27,6	40,0	50,0	35,3	52,6
Овес	2,3	2,8	2,0	2,5	2,4	4,2
Просо	0,2	0,03	0,3	0,07	0,1	0,1
Гречиха	0,02	—	0,04	0,05	0,01	0,06
Зернобобовые культуры	2,3	3,1	3,0	2,5	2,4	3,2

В структуре производства зерна вследствие повышения валового сбора, увеличения урожайности и посевной площади по сравнению с данными 2013 г. возросла доля ячменя на 2,3 %, при этом в 2009—2011 гг. и 2013 г. наблюдалось значительное уменьшение доли ячменя на 2,4 и 2,3 %. Осталась неизменной доля проса, гречихи, риса, зернобобовых культур.

В 2013 г. также незначительно уменьшилась доля пшеницы на 0,4 %, ржи — на 0,5 %, овса — на 0,3 %, кукурузы на зерно — на 0,1 %.

Рост производства зерновых культур по республике отмечен по ячменю яровому, овсу, гречихе, зернобобовым культурам. Снижение — по пшенице, ржи озимой.

Таким образом, 2014 г. в целом был успешным и урожайным, несмотря на стихийные бедствия, засухи, наводнения, проливные дожди, которые наносили значитель-

ный ущерб сельскохозяйственным товаропроизводителям. Наиболее пострадавшими сельскохозяйственным организациям оказывается поддержка согласно Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции и продовольствия на 2013—2020 гг.⁹

По нашему мнению, в целях совершенствования механизма управления зернопродуктовым подкомплексом должны быть предусмотрены следующие приоритетные направления: разработка целевой программы развития зернового хозяйства; формирование законодательной базы для комплексного развития зернового хозяйства; увеличение государственной поддержки сельхозтоваропроизводителей; государственная поддержка экспорта зерна; применение системы гарантированных минимальных цен; совершенствование системы закупочных интервенций; совершенствование механизма обеспечения поставок зерна железнодорожным транспортом; развитие системы кредитования; развитие рациональной системы страхования; стимулирование привлечения инвестиций; улучшение налогового режима.

Разработка целевой программы развития зернового хозяйства и рынка зерна должна предусматривать количественные и качественные параметры производства, обмена, распределения и потребления зерна, их связь с другими подразделениями зернопродуктового подкомплекса и ресурсами, мерами государственного регулирования и межрегиональным обменом.

Низкая и неустойчивая доходность, высокая закредитованность многих зернопроизводящих хозяйств и преимущественно стихийное функционирование рынка зерна при слабом государственном воздействии усиливают вероятность проявления рисков, расширяют перечень вопросов, которые предстоит решить, чтобы выйти на целевые параметры развития зернового хозяйства. При этом в условиях дисбаланса между поставщиками ресурсов, производителями зерна, его переработчиками, сферой торговли происходит перераспределение субсидий из зернового хозяйства в смежные с ним подразделения зернопродуктового подкомплекса. Следовательно, необходимо стремиться к изменению соотношения цен на сельскохозяйственную продукцию и услуги путем замораживая роста цен и тарифов естественных монополий

для сельского хозяйства, которые контролирует государство. Постепенный переход к закупкам у товаропроизводителей зерна по гарантированным минимальным фиксированным ценам непрерывно в течение года позволит существенно снизить колебание цен на зерновом рынке¹⁰.

Эффективно совершенствование системы закупочных интервенций на рынке зерна. Чтобы закупочные интервенции в полной мере выполняли свои функции, необходимо повысить их доступность для основной массы сельскохозяйственных товаропроизводителей и перейти к введению постоянно действующей системы закупок в интервенционный фонд. Следует улучшить финансовое обеспечение проведения интервенций на основе государственного субсидирования, что позволит повысить стабильность их функционирования. Целесообразно также внести в правила проведения государственных закупочных и товарных интервенций в отношении зерна ряд изменений. Во-первых, поскольку уборка зерновых культур происходит в июле — сентябре, именно в этот период должны проводиться закупочные интервенции. В урожайные годы — для предупреждения резкого падения цен на зерно, в неурожайные годы — для проведения товарных интервенций, препятствующих чрезмерному росту цен. Во-вторых, целесообразно разделить интервенционный фонд на региональную и межрегиональную части. Региональная часть предназначена для нормализации ценовой ситуации внутри федеральных округов страны, межрегиональная — для регулирования общероссийского рынка зерна посредством оптимизации движения товарного зерна между регионами. В-третьих, необходимо устанавливать количественные и ценовые параметры для проведения закупочных и товарных зерновых интервенций.

Вместе с тем взаимодействие механизма интервенционных и залоговых операций на зерновом рынке страны даст возможность ему более эффективно функционировать, что позитивно отразится на доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей, ценовой стабильности на зерновом рынке, надежности хлебофуражного снабжения страны, ее продовольственного обеспечения. Весьма целесообразна отработка механизма обеспечения поставок зерна и продуктов его переработки в регионы страны, удаленные от мест производства, путем применения льготного тарифа в

виде понижающих коэффициентов при перевозке железнодорожным транспортом. Необходимо также определить и установить в рамках Евразийского экономического союза базовый железнодорожный тариф на перевозки зерна и зерновых грузов не выше действующего коэффициента и исключительного тарифа для снижения издержек при перевозке зерна и продуктов его переработки.

В системе кредитования ориентация преимущественно на субсидирование процентной ставки по кредитам при высоком уровне закредитованности сельскохозяйственных товаропроизводителей стала тормозом в развитии зернового хозяйства и рынка зерна. Поэтому для более эффективного использования средств федерального бюджета при предоставлении субсидий бюджетам субъектов Федерации на возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам необходимо провести инвентаризацию региональных инвестиционных проектов по направлениям кредитования, сделать кредит более доступным для сельхозтоваропроизводителей¹¹.

Необходимо законодательное обеспечение повышения доходности сельскохозяйственного производства за счет установления эквивалентного межотраслевого обмена, удешевления доступа к заемным средствам, обеспечения сельскохозяйственным товаропроизводителям возможности справедливого рыночного ценообразования на реализуемую ими продукцию путем усовершенствования системы ее сбыта и создания развитой инфраструктуры.

За годы рыночных преобразований по сравнению с до-реформенным периодом в стране произошли коренные изменения во внешней торговле сельскохозяйственной продукцией. Они связаны главным образом с переходом от крупномасштабного импорта преимущественно фуражного зерна к крупномасштабному импорту мясо-молочных продуктов и одновременно возросшему крупномасштабному экспорту зерна при слабом участии в этом процессе государства. В результате таких изменений страна из одной многолетней критической ситуации, связанной с высокой зависимостью от импорта зерна, попала в другую, связанную с мясо-молочными продуктами. В сложившихся условиях отказ от импорта кормового зерна и переход к импорту продукции животноводства привел к обвалу ее

производства. При этом падение отечественного животноводства было настолько велико, что в стране появились значительные излишки зерна невысокого качества, которые в крупных объемах стали экспортироваться в основном в «бедные» государства. Однако доходы от зернового экспорта не покрывают затраты на импорт мясо-молочной продукции. Одностороннее расширение зернового экспорта приводит не только к сужению кормовой базы животноводства, но и к нарушению севооборотов за счет чрезмерного насыщения посевами зерновых культур в отдельных хозяйствах и регионах, что снижает плодородие почв и может привести к ухудшению качества зерна и падению его экспорта.

Совершенствование организационно-экономического механизма развития зернопродуктового подкомплекса невозможно без государственной поддержки, основой которой должна стать комплексная программа, разработанная на федеральном уровне с необходимым финансированием¹².

Таким образом, зернопродуктовый подкомплекс является ключевым элементом в структуре агропромышленного комплекса, от его развития будет зависеть достижение целей и задач функционирования и развития АПК. Для формирования эффективного зернопродуктового подкомплекса необходимо создание системы управления им, которая будет реализовываться через создание структур, приспособленных к современным условиям хозяйственной деятельности. Повышение уровня устойчивого развития зернопродуктового подкомплекса во многом зависит от организационно-экономических отношений в АПК в процессе производства, транспортировки, хранения и реализации зерна и зернопродуктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Курьянов А.В., Печуркин А.С. Теоретические аспекты формирования зернопродуктового подкомплекса // Вестн. Мичур. гос. аграр. ун-та. 2010. № 1. С. 152—155.

² См.: Липницкий Т. Производство зерна — узловая проблема развития АПК России // АПК: экономика, менеджмент. 2014. № 5. С. 71—73.

³ См.: Алтухов А.И. Экономические проблемы развития зернопродуктового подкомплекса России // Там же. № 2. С. 17—25.

⁴ См.: Агропромышленный комплекс России в 2012 году // Там же. 2013. № 4. С. 55—58.

⁵ См.: Кочетков Н.С. Посевные площади, валовые сборы и урожайность сельскохозяйственных культур в 2013 году // Стат. бюл. № 313. 2014. С. 10—19.

⁶ См.: Россия-2015: стат. справ. / Росстат. М., 2015. С. 24; Кочетков Н.С. Посевные площади, валовые сборы и урожайность ...

⁷ См.: Сельское хозяйство Республики Мордовия: стат. сб. № 301 / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Республике Мордовия. Саранск, 2015. С. 7.

⁸ Собственные расчеты автора.

⁹ См.: Агропромышленный комплекс России в 2013 году // АПК: экономика, менеджмент. 2014. № 3. С. 52—54.

¹⁰ См.: Курьянов А.В., Печуркин А.С. Теоретические аспекты формирования зернопродуктового подкомплекса.

¹¹ См.: Ефимова З.В. Совершенствование организационно-экономических основ функционирования зернового рынка // Вестн. Рос. гос. аграр. заоч. ун-та. 2010. № 9. С. 176—179.

¹² См.: Сердобинцев Д.В., Дружина Е.В. Необходимость совершенствования государственной поддержки зернопродуктового подкомплекса региона // Развитие аграрного сектора экономики России: ключевые проблемы и решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Ростов-на-Дону, май 2011 г. Ростов н/Д: ГНУ ВНИИЭИН Россельхозакадемии, 2011. С. 207—210.

Поступила 19.01.2015.

**P. A. Eryashev. Strategic Priorities in Management
of the Grain Production Subcomplex of the Agricultural Sector**

Grain production is backbone for other sectors of the economy; it serves as an indicator of economic welfare of the state. Strategic management of the grain production subcomplex of the agricultural sector should be considered a purposeful activity, ensuring effective development of its fields and branches of industry, as well as processing and sales of grain and grain products in the long term.

The problems common to all businesses of the grain production subcomplex are: lack of information about the situations prevailing in the grain market; insolvency of the customer; increase of costs for production, storage, and processing of grain; growing competition.

The year 2013 was a hard one for agriculture: extensive flooding in the Far East, drought and torrential rains in the Central and Volga Federal districts could not but affect the agricultural production. But despite the unfavorable conditions, 2013 was successful for agriculture.

Thus, at present, the grain production subcomplex is a key element in the structure of the agricultural sector: fulfillment of tasks and achievement of goals in functioning of the agricultural sector will depend on its development. But for more sustainable development of grain production subcomplex, it is necessary to improve its organizational and economic mechanism.

**И. А. САКОВ ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
МАЛОГО БИЗНЕСА В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: предпринимательство, малый бизнес, малое предприятие, микропредприятие, индивидуальный предприниматель, налогообложение, государственный заказ, финансовая поддержка

Key words: entrepreneurship, small business, small enterprise, micro enterprise, sole trader, taxation, public order, financial support

В статье на основе статистического анализа выявляются основные тенденции развития малого бизнеса в Республике Мордовия, а также факторы, сдерживающие этот процесс.

On the basis of statistical analysis, the paper identifies the main trends of development of small business in the Republic of Mordovia, as well as the factors constraining this process.

Влияние малого предпринимательства на развитие экономики страны огромно. Опыт развитых стран показывает, что малые предприятия способны играть важную роль в развитии экономики и обеспечении занятости населения. Небольшие компании способны быстрее адаптироваться к меняющимся условиям деятельности, реагировать на динамику рыночной конъюнктуры. Сектор малой экономики обеспечивает экономической системе гибкость и маневренность, необходимые для функционирования в динамично меняющихся условиях рыночной экономики, позволяет ей скорее восстановиться после кризисов.

Малый бизнес способен быстрее и точнее выявить динамику потребительских предпочтений, перестроить производство в связи с изменениями на рынке, учесть и удовлетворить запросы небольших групп населения. Создавая рабочие места, он способствует оздоровлению рынка труда.

САКОВ Игорь Александрович, аспирант кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

SAKOV Igor Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Cooperation Economics and Entrepreneurship, Saransk Cooperative Institute (Branch) of Russian University of Cooperation (Saransk, Russian Federation).

Специалисты отмечают преимущества малых форм хозяйствования и в части организации трудового процесса. Это дает основание рассматривать развитие малого бизнеса как важное направление реформирования экономики региона и расширения занятости населения¹.

Анализ данных официальной статистики показывает, что предпринимательская активность населения Республики Мордовия возрастает. В 2013 г. численность индивидуальных предпринимателей составляла 19 221, увеличившись по сравнению с показателями 2008 г. на 27,5 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение индивидуальных предпринимателей Республики Мордовия по видам экономической деятельности, на начало года²

Вид деятельности	2008 г.		2013 г.	
	чел.	% к итогу	чел.	% к итогу
По видам экономической деятельности:				
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	514	3,41	1 572	8,18
— рыболовство, рыбоводство	15	0,10	23	0,12
— добыча полезных ископаемых	2	0,01	—	—
— обрабатывающие производства	559	3,71	988	5,14
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6	0,04	—	—
— строительство	318	2,11	671	3,49
— оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10 377	68,82	10 373	53,97
— гостиницы и рестораны	134	0,89	206	1,07
— транспорт и связь	1 802	12,00	2 792	14,53
— финансовая деятельность	19	0,13	61	0,32
— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1 043	6,92	1 888	9,82
— государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	2	0,01	1	0,01
— образование	9	0,06	31	0,16
— здравоохранение и предоставление социальных услуг	50	0,33	46	0,24
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	226	1,50	569	2,96
— предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	2	0,01	—	—
Всего	15 078	100	19 221	100

Большая часть индивидуальных предпринимателей занята оптовой и розничной торговлей, ремонтом автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. Однако удельный вес этого вида деятельности в численности индивидуальных предпринимателей по сравнению с данными 2008 г. существенно сократился — на 14,9 %. Это произошло за счет сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (рост показателя на 4,8 %), операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (прирост структурной доли составил 2,9 %), транспорта и связи (рост показателя на 2,53 %), строительства (прирост структурной доли на 2,4 %) и др. Увеличение числа индивидуальных предпринимателей отмечается в большинстве отраслей, за исключением оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, сферы государственного управления и обеспечения военной безопасности, обязательного социального обеспечения, здравоохранения и предоставления социальных услуг.

Услуги по ведению домашнего хозяйства в 2008 г. оказывали 2 индивидуальных предпринимателя, в 2013 г. не было зарегистрировано предпринимателей, занятых этим видом деятельности. Вероятно, это связано с низким уровнем жизни населения в Мордовии. Недоступными для индивидуальных предпринимателей остаются добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Количество малых предприятий в Мордовии до 2010 г. стабильно возрастало. В 2009 г. было зарегистрировано 5 858 ед. малых предприятий, что на 47 % больше, чем в 2007 г. Но в 2010 г. их количество уменьшилось до 5 621 ед., или на 4 %. В 2011 г. по мере улучшения экономической ситуации в регионе после кризиса количество малых предприятий начало расти. В 2011 г. их насчитывалось 6 258 ед., что на 11,3 % больше, чем годом ранее, 2012 г. — еще на 14,2 % больше (7 146 ед.) (табл. 2).

В целом за 2005—2012 гг. количество малых предприятий в регионе возросло в 2,9 раза (с 2 455 в 2005 г. до 7 146 в 2012 г.). Наиболее динамично развивалось малое предпринимательство в гостинично-ресторанном бизнесе: количество малых предприятий в этой сфере увеличилось более чем в 7,0 раз. В 5,6 раза возросло количество ма-

лых предприятий в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды, в 5,5 раза — в рыболовстве, в 5,0 раза — в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг, в 4,6 раза — в сельском и лесном хозяйстве, в 4,2 раза — на транспорте и в связи.

Таблица 2

Структура малого бизнеса в Республике Мордовия³

Вид деятельности	2005 г.		2012 г.	
	ед.	% к итогу	ед.	% к итогу
По видам экономической деятельности:				
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	124	5,0	568	8,0
— рыболовство, рыбоводство	—	—	11	0,2
— добыча полезных ископаемых	8	0,3	16	0,2
— обрабатывающие производства	347	14,1	698	9,8
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9	0,4	50	0,7
— строительство	386	15,7	1 101	15,4
— оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1 062	43,3	2 679	37,5
— гостиницы и рестораны	25	1,0	176	2,5
— транспорт и связь	85	3,5	357	5,0
— финансовая деятельность	29	1,2	92	1,3
— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	317	12,9	1 229	17,2
— образование	4	0,2	9	0,1
— здравоохранение и предоставление социальных услуг	12	0,5	60	0,8
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	47	1,9	96	1,3
Всего	2 455	100	7 142	100

Высокие темпы увеличения количества малых предприятий отмечаются и в таких видах деятельности, как финансы, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Самые низкие темпы увеличения количества предприятий отмечены в добывающей и обрабатывающей отраслях.

В структуре малого бизнеса в Мордовии преобладают предприятия торговли — 37,5 % в 2012 г. Отметим, что в 2005 г. их структурная доля была больше — 43,3 %. Далее следуют операции с недвижимым имуществом, арен-

да и предоставление услуг — 17,2 %. Вторую позицию в структуре малого бизнеса этот вид деятельности занимает с 2009 г. Ранее второй по числу предприятий отраслью было строительство. Операции с недвижимым имуществом в 2007 г. составляли около 13,0 %.

Строительные предприятия в 2005 г. составляли около 16,0 % общего количества малых предприятий Республики Мордовия, в 2012 г. их доля немного уменьшилась. Удельный вес обрабатывающих производств в структуре малого бизнеса региона в 2005—2012 гг. уменьшился с 14,1 до 9,8 %. Доля сельскохозяйственных предприятий, напротив, возросла с 5,0 % в 2005 г. до 8,0 % в 2012 г. Рост числа предприятий транспорта и связи обеспечил прирост структурной доли с 3,5 % в 2005 г. до 5,0 % в 2012 г. По 1,3 % в структуре малого бизнеса Мордовии имеют малые предприятия, занятые в сфере финансовой деятельности и прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. Другие виды деятельности не пользуются популярностью среди предпринимателей республики, их доля в структуре составляет менее 1,0 %.

Важный показатель, характеризующий масштабы малого предпринимательства, — оборот таких компаний. За 2005—2012 гг. оборот малых предприятий республики увеличился в 6,7 раза. Обращает на себя внимание тот факт, что в разгар экономического кризиса в 2009 г. показатель был довольно высоким — 61,5 млрд руб., превысить это значение удалось только в 2012 г.

В 2012 г. оборот малых предприятий превысил 65,0 млрд руб. Самые высокие темпы роста за анализируемый период отмечались в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (в 651 раз), сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (в 38 раз), здравоохранении и предоставлении социальных услуг (в 17 раз), транспорте и связи (в 15 раз), гостинично-ресторанной деятельности (в 14 раз), операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг (в 11 раз) (табл. 3). Уменьшение оборота отмечено на малых предприятиях рыболовства, рыбоводства (почти в 4 раза), финансовой деятельности (на 9 % по сравнению с показателями 2008 г.). Самый большой оборот за весь рассматриваемый период обеспечивали: оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов,

бытовых изделий и предметов личного пользования — 50,6 % от республиканского уровня в 2012 г.

Таблица 3
Объем и структура оборота малых предприятий Республики Мордовия⁴

Вид деятельности	2005 г.		2012 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
В том числе по видам экономической деятельности:				
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	106,8	1,1	4 048,5	6,2
— рыболовство, рыбоводство	—	—	5,9	0,0
— добыча полезных ископаемых	47,9	0,5	77,3	0,1
— обрабатывающие производства	1 835,1	18,9	9 440,3	14,5
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,3	0,0	846,6	1,3
— строительство	740,2	7,6	6 783,0	10,4
— оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	6 048,6	62,3	32 967,2	50,6
— гостиницы и рестораны	96,4	1,0	1 318,5	2,0
— транспорт и связь	204,1	2,1	3 072,5	4,7
— финансовая деятельность	—	—	21,3	0,0
— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	533,5	5,5	5 837,5	9,0
— образование	1,0	0,0	3,2	0,0
— здравоохранение и предоставление социальных услуг	17,5	0,2	308,0	0,5
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	81,0	0,8	354,4	0,5
Всего	9 713,4	100	65 084,2	100

Следует отметить, что максимальной доля оборота торговли была в начале анализируемого периода — более 62,0 %, за последующие годы она уменьшилась почти на 12,0 %. Это самое значительное снижение показателя за 2005—2012 гг. Затем следуют обрабатывающие производства (14,5 % общего оборота сектора «малой экономики» региона), строительство (10,3 %), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (9,0 %), сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (6,2 %), транспорт и связь (4,7 %). Самое большое увеличение структурной доли оборота в общем обороте малых предприятий республики в 2005—2012 гг. наблюдается в сельском и лесном хозяйстве (на 5,1 %). Высокий прирост отмечен и в ряде других отраслей: операции с недвижимым имуществом, аренда и

предоставление услуг (на 3,5 %), строительство (на 2,8 %), транспорт и связь (на 2,6 %).

На малых предприятиях Мордовии в 2005 г. трудилось 29 726 чел., к 2012 г. показатель увеличился до 45 346 чел., т. е. почти на 53,0 %. Максимальной численность занятых на малых предприятиях была в 2009 г., а с 2010 г. она ежегодно снижается (табл. 4).

Таблица 4

Численность и структура занятости на малых предприятиях Республики Мордовия⁵

Вид деятельности	2005 г.		2012 г.	
	чел.	%	чел.	%
В том числе по видам экономической деятельности:				
— сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1 348	4,5	5 451	12,0
— рыболовство, рыбоводство	—	—	25	0,0
— добыча полезных ископаемых	55	0,2	52	0,1
— обрабатывающие производства	6 190	20,8	6 243	13,8
— производство и распределение электроэнергии, газа и воды	13	0,1	1 000	2,2
— строительство	7 026	23,6	5 588	12,3
— оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	10 444	35,1	10 335	22,8
— гостиницы и рестораны	460	1,5	1 401	3,1
— транспорт и связь	1 265	4,3	3 157	7,0
— финансовая деятельность	407	1,4	165	0,4
— операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1 837	6,2	10 235	22,6
— образование	7	0,0	16	0,0
— здравоохранение и предоставление социальных услуг	154	0,5	621	1,4
— предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	520	1,8	1 031	2,3
Всего	29 726	100	45 320	100

Наибольший рост отмечается на предприятиях, занятых производством, распределением электроэнергии, газа, воды. Средняя численность возросла со 13 до 1 тыс. чел., т. е. в 77,0 раза. Быстро увеличивалось число работающих на малых предприятиях, занимающихся операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (в 5,6 раза). В 4,0 раза увеличилась численность занятых на предпри-

ятиях сельского и лесного хозяйства, в 3,0 раза — занятых в гостинично-ресторанном бизнесе, в 2,5 раза выросла численность занятых на предприятиях транспорта и связи, более чем в 2,0 раза — в образовании, здравоохранении, в сфере социального обслуживания.

На малых предприятиях, относящихся к обрабатывающим производствам, численность занятых почти не изменилась. В строительных организациях средняя численность занятых уменьшилась на 20,5 %. Снижение числа работающих отмечается также в финансовой деятельности (на 59,5 %), рыболовстве, рыбоводстве (на 48,0 %), добыче полезных ископаемых (на 5,5 %), оптовой и розничной торговле, а также ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (на 1,0 %).

Отмеченные изменения привели к преобразованию структуры малого бизнеса по числу занятых. Наибольшую долю в структуре занятости в 2012 г. занимали малые предприятия торговли (22,8 %). Хотя в 2006 г. этот вид деятельности занимал более 40,0 % в структуре занятости малого бизнеса. Вторая по числу занятых отрасль малой экономики Мордовии — операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 22,6 %. Структурная доля этого вида деятельности возросла за рассматриваемый период на 16,4 %. Третья отрасль малой экономики по числу занятых — промышленность. В 2012 г. в ней трудилось около 14,0 % от общего числа занятых на малых предприятиях Мордовии. В 2005 г. этот показатель составлял более 20,0 %. Малые предприятия в сфере строительства в 2012 г. предоставляли рабочие места 12,3 % общего числа занятых в этом секторе экономики региона, хотя еще в 2005 г. это была вторая после торговли отрасль малого бизнеса по числу занятых и обеспечивала почти 1/4 рабочих мест в этом секторе. Затем следуют отрасли: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (12,0 % общего числа занятых на малых предприятиях Мордовии), транспорт и связь (7,0 %), гостиницы и рестораны (3,1 %).

Таким образом, малый бизнес Мордовии динамично развивается. За 2005—2012 гг. количество малых предприятий увеличилось почти в 3,0 раза, оборот — в 6,7 раза. Численность индивидуальных предпринимателей тоже растет. Однако сравнение с другими регионами показывает, что этот сектор экономики Мордовии развит слабо (табл. 5).

Таблица 5
Оборот продукции (услуг), производимых малыми предприятиями, в том числе микропредприятиями и индивидуальными предпринимателями, в действующих ценах, тыс. руб.⁶

Страна/ регион	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Приволжский федеральный округ	4 431 009 503	17,22	4 310 177 795	18,15	4 033 567 938	17,09	5 350 976 847	17,45	6 058 325 005	18,83
Республика Башкортостан	726 251 529	2,82	554 664 554	2,34	463 171 203	1,96	769 239 497	2,51	845 910 729	2,63
Республика Марий Эл	69 506 495	0,27	69 490 146	0,29	76 307 711	0,32	100 183 588	0,33	109 451 403	0,34
Республика Мордовия	66 206 915	0,26	80 149 496	0,34	78 512 954	0,33	83 550 823	0,27	101 778 632	0,32
Республика Татарстан	551 077 946	2,14	544 381 248	2,29	575 799 958	2,44	776 849 503	2,53	919 997 727	2,86
Удмуртская Республика	173 213 455	0,67	149 629 590	0,63	207 777 267	0,88	226 661 942	0,74	238 603 182	0,74
Чувашская Республика	147 043 114	0,57	142 694 163	0,60	134 907 497	0,57	163 688 280	0,53	192 422 010	0,60
Пермский край	519 831 975	2,02	528 875 096	2,23	442 733 994	1,88	661 943 299	2,16	700 911 647	2,18
Кировская область	166 566 131	0,65	177 380 942	0,75	230 607 335	0,98	254 346 865	0,83	284 045 024	0,88
Нижегородская область	494 136 007	1,92	650 253 873	2,74	555 577 068	2,35	837 164 520	2,73	938 221 607	2,92
Оренбургская область	185 347 955	0,72	190 674 934	0,80	194 415 505	0,78	225 835 931	0,74	266 293 545	0,83
Пензенская область	119 619 961	0,46	159 898 308	0,67	192 540 386	0,82	195 586 910	0,64	231 374 345	1,00
Самарская область	838 372 883	3,26	671 369 394	2,83	507 774 223	2,15	584 414 176	1,91	692 659 771	2,15
Саратовская область	234 987 478	0,91	219 773 254	0,93	222 139 436	0,94	282 993 445	0,92	283 700 347	0,88
Ульяновская область	138 847 658	0,54	170 942 797	0,72	161 303 402	0,68	188 518 068	0,61	252 955 036	0,79
Российская Федерация	25 727 827 983	100,23	246 667 855	100,23	604 943 501	100,30	667 470 380	100,32	170 799 686	100

Отечественные малые предприятия в своей деятельности сталкиваются с большими трудностями. Основная их проблема — недостаток финансовых ресурсов. Даже при желании у основной массы населения нет средств, необходимых для того, чтобы начать собственное дело. Кредитные ресурсы недоступны для многих предпринимателей. У большинства субъектов малого бизнеса нет необходимого залогового обеспечения (недвижимость, депозиты, другие ценные бумаги, личное имущество, драгоценные металлы и др.), нет кредитных историй. Финансовые учреждения не доверяют предпринимателям, не хотят идти на риск потерь вследствие невозврата денег.

Еще одна проблема малых предприятий — их слабая материально-техническая база. Одним из направлений развития материально-технической базы малых предприятий является лизинг. Финансовая аренда позволяет экономить на налоге на прибыль (лизинговые платежи относятся на себестоимость, чем уменьшается налогооблагаемая база), использовать механизм ускоренной амортизации объекта сделки (быстро уменьшается стоимость товара и налогооблагаемая база). В экономически развитых странах значительная часть инвестиций в основной капитал обеспечивается путем лизинговых операций. В России эта форма кредитования малых предприятий только начинает внедряться.

Другая «болезнь» российской экономики, мешающая развитию малого бизнеса, — всевозможные административные ограничения. Важной мерой, способствующей созданию условий для развития предпринимательской инициативы, может стать переход от разрешительных процедур создания малого бизнеса к уведомлениям. Предприниматель, обязуясь соблюдать все действующие правила и нормы, начинает свою деятельность. Введение уведомительного порядка будет означать не только снижение административного бремени для бизнеса, но и снижение стоимости товаров и услуг для потребителей.

Еще одним из факторов, сдерживающих развитие малого предпринимательства в российских регионах, является слабая правовая база. Основы государственной поддержки малых предприятий в России заложены федеральным законодательством. Вместе с тем значительная свобода в регулировании деятельности малых предприятий предоставлена регионам с

тем, чтобы, конкретизировав положения российских законодательных актов, можно было учесть местную специфику, выявить региональные приоритеты. Однако далеко не все российские регионы должным образом используют полномочия в этой сфере. В большинстве субъектов Федерации региональные законы чаще копируют федеральные.

Серьезным недостатком государственной региональной политики в области малого предпринимательства является отсутствие четкого представления о региональных отраслевых приоритетах — сферах деятельности малых предприятий, куда государственная помощь должна быть направлена в первую очередь. Без выделения таких направлений средства на поддержку малого предпринимательства, как правило небольшие, распыляются и ощутимого эффекта не дают. Действительно, приоритетными конкретные сферы деятельности становятся тогда, когда за работающими в этом направлении будут законодательно закреплены определенные льготы, например в части налогов, кредитования, участия в региональных госзаказах и др.

В Приволжском федеральном округе наличием положительного опыта в рассматриваемой сфере выделяются Республика Башкортостан, Пермский край, Саратовская, Кировская, Нижегородская и Ульяновская области. В Пермском крае и Республике Башкортостан дополнительно в числе приоритетов выделены отрасли, не входящие в федеральный перечень. В Саратовской области областным законом установлены специальные зоны, на территории которых субъектам малого предпринимательства предоставляются льготы в части региональных и местных налогов. Такую меру целесообразно применять в районах, где ситуация на местном рынке труда наиболее напряженная. В Кировской, Нижегородской и Ульяновской областях предприятия, осуществляющие приоритетную для области деятельность, платят налоги по пониженным ставкам.

Другая сложная проблема малого бизнеса — невозможность для многих участвовать в государственных заказах. Привлечение малых предприятий к участию в государственных и региональных заказах позволило бы стимулировать инвестиционные процессы в этой сфере в пределах имеющихся бюджетных средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Липатова Л.Н., Еремкина Т.В. Занятость населения региона в условиях экономических реформ // Регионология. 2011. № 4. С. 234—240.

² Сост. по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 21; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 28.

³ Сост. по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 211; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 213.

⁴ Сост. по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 214; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 218.

⁵ Сост. по: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 213; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 216.

⁶ Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2013. С. 444.

Поступила 12.01.2015.

**I. A. Sakov. Main Tendencies and Problems
of Development of Small Business in a Region**

In comparison with the Volga Region, small business in the Republic of Mordovia is poorly developed. In the beginning of 2013, 18,219 individual entrepreneurs were registered in the Republic of Mordovia, which is 25 % more than in 2008. The number of small businesses in the Republic increased nearly 3 times in 2005—2012. The structure of small business in Mordovia is dominated by trading enterprises. In 2005—2012, the turnover of small enterprises in the Republic of Mordovia increased by 6.7 times. The biggest turnover of the entire period in question was provided by wholesale and retail trade.

The main problem of development of small forms of entrepreneurship is the insufficient resource base. Besides, high taxes, lack of proper regulation, administrative barriers, and unreadiness of the population for entrepreneurial activity constrain development of small businesses.

An important shortcoming of common regional policy in the sphere of small business is the lack of clear understanding of regional sectoral priorities. The experience of such regions as the Republic of Bashkortostan, the Perm, Saratov, Kirov, Nizhny Novgorod, and Ulyanovsk regions can be useful in terms of strengthening the state support for subjects of small business.

Н. С. САВКИН

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД
В. Я. ЕЛЬМЕЕВА**

Ключевые слова: метод, методология, субстанция, историзм, параллелизм, воспроизводство, распределение, социальное планирование

Key words: method, methodology, substance, historicism, concurrency, reproduction, objectivation, social planning

В статье анализируется методология научных исследований профессора В. Я. Ельмеева в области социологии как разработчика теории социального планирования, воспроизводства общества и человека, методологии прикладных социологических исследований, теории экономики науки и научных разработок, потребительно-стоимостной концепции экономической теории как основы бескризисного гуманного общества.

The paper analyzes the methodology of the scientific research in the field of sociology by Professor Vasily Elmeev, a developer of the theory of social planning, of reproduction of society and individuals, of the methodology of applied sociological research, of the theory of Science and Research Economics, of the consumer price concept of economic theory as the basis of a crisis-free humane society.

Образ России и ее региона Республики Мордовия в отечественной социальной мысли предстает наиболее объемно, разносторонне, если в ее историю включить не только традиционно принятые XIX—XX вв., но и более поздние периоды, где она продолжала развиваться, ставила и решала актуальные теоретические и идеологические проблемы. В современных условиях необходимо обращать внимание, анализировать, популяризировать выдающихся современных ученых, внесших значительный вклад в развитие отечественного общество-

САВКИН Николай Степанович, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

SAVKIN Nikolai Stepanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Department of Philosophy, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

знания. К ним относится уроженец с. Сузгарье Рузаевского района Республики Мордовия заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор **Василий Яковлевич Ельмеев** (1928—2010). Он был разработчиком теории социального планирования, воспроизводства общества и человека, методологии прикладных социологических исследований, теории экономики науки и научных разработок, потребительственно-стоимостной концепции.

В последние годы жизни В. Я. Ельмеев занимался созданием трудовой теории потребительной стоимости в противовес стоимостной концепции. В теории потребительной стоимости затраты труда ставятся в зависимость от потребностей общества в тех или иных благах. Условием эффективности экономической деятельности рассматривается не прибыль (прибавочные стоимости), а экономия труда и рабочего времени. В экономической науке утверждалось, что разницу между уровнем полезности (потребительной стоимости) нельзя выразить количественно¹.

Профессор В. Я. Ельмеев доказал, что потребительная стоимость экономических благ объективна, следовательно, количественно измерима. Это составляет основу справедливого распределения по условиям потребления. Потребительно-стоимостная концепция экономической теории может стать основой обновленного социализма — бескризисного, справедливого, гуманного общества устойчивого развития.

Сделаем попытку осмыслить и проанализировать методологию исследований В. Я. Ельмеева, а также приемы, способы, подходы к объектам научного поиска. Основные идеи, концепция его методологии изложены в книге «Социологический метод: теория, онтология, логика» (1995), в которой он ставил задачу рассмотреть метод анализа общества в его единстве и целостности с точки зрения гносеологии, онтологии и логики, а также в отличие от антропологического, феноменологического, психологического, исторического и других методов социальных наук².

В ходе познания человек вырабатывает некоторые общие правила, приемы, которые помогают решать задачи, поставленные жизнью, т. е. формирует способы и методы изучения явлений и процессов. В науке это путь нахождения истины, определенным образом упорядоченная познавательная

деятельность для достижения объективной истины, система принципов, приемов, которыми руководствуются в процессе познания. Социологический метод исходит из единства и взаимосвязи теории и метода, когда метод понимается не как обыденный прием, способ получения информации, а как система теоретических постулатов, исходных позиций. Таким исходным постулатом, теорией, принимаемой самоочевидной истиной, является для профессора В. Я. Ельмеева материалистическая диалектика, опираясь на которую он выводит при изучении общества в качестве предмета исследования реальное существование общества вообще и конкретное общество. Категория «общества вообще» фиксирует

Профессор В. Я. Ельмеев

специфику общества в отличие от природы (хотя общество есть обособившаяся часть природы в ее предельно широком смысле), а также от всех особенных обществ или сфер.

В качестве конкретного общества выступает особая форма реального существования общего применительно к обществу. Основными собственными требованиями при изучении конкретного общества В. Я. Ельмеев называл следующие: а) все исследуемые объекты рассматриваются через призму общества в целом, фокусируя ее на общественные (социальные) отношения; б) каждое социальное явление изучается с позиций того, как оно производится и воспроизводится, как оказывается результатом человеческой деятельности, направленной на создание средств производства и жизни; в) состояние и результаты развития общества оцениваются объективной мерой — превалированием результатов социальной деятель-

ности над затратами, выраженным в категориях социальной экономии, социального «капитала» и в других подобных социальных показателях³.

Важным пунктом методологии исследования общества профессора В. Я. Ельмеева является обоснование его онтологической основы как результата совместной деятельности людей, способа его существования. «Подобно тому, как движение составляет главный атрибут материи, способ его существования, так и трудовая деятельность выступает атрибутом социальной субстанции, делает ее субстанцией — субъектом, то есть активным началом, причиной и источником собственных модификаций и изменений»⁴.

Будучи последовательным сторонником марксистской философии, ученый отмечал, что о признании особо важного значения деятельности и труда как средств социального познания свидетельствует принятие способа производства материальной жизни в качестве основы общественной жизни, главного инструмента научного анализа, нахождение в истории развития труда ключа к пониманию всей истории общества. «Вывести знание о тех или иных свойствах социальных явлений из экономики, из материального производства — таково основное требование материалистического метода в социологии»⁵. При этом особо подчеркивается, что в марксизме под производством понимается не просто производство вещей, но и выстраивание производственных и всей системы общественных отношений. Процесс производства выступает как единый во взаимосвязи процесс создания материальных средств жизни, одновременно (через распределение и потребление) процесс производства самого человека в его общественных связях. К. Маркс на этот счет сделал вывод о том, что «если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства выступает само общество, то есть сам человек в его общественных отношениях»⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс, защищая свою позицию, отмечали, что материальное производство имеет двойственную природу и выступает в двоякой форме: как экономическое производство (материальных средств к жизни, орудий труда и др.) и как социальное (производство самого человека как социального субъекта, его социальных связей и отношений — рождение, воспитание, обучение, формирование

профессиональных навыков и др.). Ф. Энгельс писал, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни... с другой — производство самого человека...»⁷. Если кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является, будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»⁸.

В процессе непосредственного производства появляется не только продукт, но и косвенным образом сам человек как рабочая сила (расходуя свои силы, энергию, способности в акте производства, он в то же время развивает их — так токарь, наладчик, хирург в процессе длительной работы становится опытным профессионалом), одновременно непрерывно воспроизводится его социальный статус, положение в системе общественных отношений.

В методологии социального познания В. Я. Ельмеева важное место занимает принцип историзма, под которым он понимает требование рассмотрения социального организма с точки зрения не только строения, генезиса и функционирования (структурно-функциональный анализ), но и развития. В своей сущности историзм означает исследование явлений в их возникновении, становлении и преобразовании. Вместе с тем изучение явления в развитии предполагает и знание его структуры, взаимосвязи его составляющих элементов и их функционирования. Историзм как метод не предполагает описания истории явления в обычной временной последовательности, но он требует «не забывать, что настоящее социального явления имеет свое прошлое и будущее»⁹. Следовательно, историзм имплицитно содержит идею развития, поэтому обязателен не только в собственно исторических исследованиях, в изучении самой истории общества, но и в любых других — технических, медицинских анализах.

Вместе с тем историзм как метод предполагает исследование не только единичных, уникальных социальных явлений, но и общего, повторяющегося. В марксизме на основе существования общего в истории, единства этапов исторического процесса создана теория общественно-эко-

номических формаций, которая исходит из признания не только неповторимых развитий, но и сходства, единства, общего в историческом процессе. Можно привести пример анализа этнических культур разных народов Л. Н. Гумилева, который свидетельствует, что «все разобранные нами “культуры”, несмотря на локальные особенности, развивались и гибли настолько единообразно, что здесь нельзя не усмотреть общего диалектического процесса»¹⁰.

Признание развития как естественно-исторического процесса не противоречит идее деятельностного подхода к истории. Это обусловлено тем, что сам этот процесс есть не что иное, как сознательная практическая деятельность людей. Он складывается из деятельности людей, их действий, поэтому они не могут быть выведены за его пределы. Сами «социальные законы (необходимость, причинность) не есть параллельно с деятельностью существующая необходимость, это законы самой человеческой деятельности и складывающихся в ней социальных (общественных) отношений»¹¹. Поэтому люди не могут игнорировать свои объективные законы, ибо они являются законами их собственных действий и отношений. Если пришлось «отклониться» от закона собственной деятельности, нарушив «нормы», то это будет новый закон новой деятельности, закон «отклонений».

Некоторые социологи, желая особо подчеркнуть объективность общественных законов, отмечают, что последние не зависят не только от общественного сознания, но и от самих людей. Исторический процесс представляется состоящим из совокупности обстоятельств, условий, объективных отношений и процессов, выступающих как внешняя среда, а также из сознательной человеческой деятельности, воздействующей на объективные процессы. Получается своеобразный параллелизм: объективная историческая закономерность и сознательная человеческая деятельность ставятся рядом, будто существует некий естественный исторический процесс и, наряду с этим, люди, творящие историю. Сознательная человеческая деятельность оказывается за пределами объективных законов. На самом деле объективная логика исторического развития объективна не в том смысле, что может реализоваться независимо от существования сознательных человеческих индивидов. Она не подчинена их общественному сознанию, желаниям, произволу, но существует и функци-

онирует не иначе как через сознательную практическую деятельность людей. Объективные законы общества и есть законы собственных общественных действий и отношений людей, законы их сознательной практической деятельности. Это единый процесс «формирования закономерности в деятельности людей»¹².

Особое внимание в методологии изучения общества профессор В. Я. Ельмеев уделял проблеме установления начала его исследования. Он ссылается на Гегеля, который писал, что если начинать не с «начала», а прямо с самой сути, то эта суть окажется пустым бытием, ибо суть может быть выяснена только в результате познания¹³.

После анализа этой проблемы с учетом позиций Д. Лукача, К. Маркса, С. Л. Франка, П. А. Сорокина и др. ученый пришел к выводу, что с точки зрения исторического материализма преодоление дуализма общего и единичного (общества и индивида) возможно, если в качестве отправного пункта анализа общества и его базиса иметь в виду человека (индивида), а также если сущность человека раскрывать через социальные формы его существования. «Ни обществу в целом, ни социальной группе не следует приписывать самостоятельное, независимое от составляющих их личностей существование. Действительным субъектом общества и всех социальных образований остается человек, индивид. В той мере, в какой социология при анализе общества отправляется от реального человека (а не от социального действия или взаимодействия и т. п.), она принимает антропологический метод, делает его и своим методом»¹⁴.

Таким образом, в качестве начала исследования общества следует рассматривать не производство, живой труд, товар, социальную среду, социальную структуру, обособленного индивида («социальный атом»), не «взаимодействие людей» (П. А. Сорокин), не «группу» (Э. Дюркгейм), а человека как «клеточку» бытия общества, как совокупность социальных отношений. «К анализу единичного с точки зрения общего и сводится основная задача теоретического анализа всеобщего»¹⁵.

Социологический метод профессора В. Я. Ельмеева в качестве внутреннего стержня пронизан стремлением прикладного применения научных достижений. Он был убежден, что научная глубина теории должна сочетаться с ее

практическим применением. Прикладное значение науки всегда интересовало ученого. «Особенность моей научной деятельности — сочетание теоретических принципов разных общественных наук при исследовании тех или иных проблем, доведение теоретических положений до практически приложимого вида и участие в их практической реализации», — признавался он¹⁶.

В научной деятельности В. Я. Ельмеев исходил из творческого содружества науки и производства, искал в экономике первопричины происходящих процессов, обосновывал идею превращения науки в непосредственную производительную силу. Одним из первых в стране он разрабатывал методологические основы планирования социального развития, исследовал способы приложения фундаментальных принципов социологической теории к решению конкретных вопросов развития общества, проблемы определения экономической эффективности науки и научных разработок, развил теорию воспроизводства общества и человека. В. Я. Ельмеев совместно с Б. Р. Рященком, В. Р. Полозовым, В. И. Кателкиным обосновал необходимость планирования социального развития трудовых коллективов и территориальных образований, предложил еще в 1965 г. правительству страны дополнить планирование экономического развития социальным. Одна из основных идей, над которой ученый работал много лет, — трудовая теория потребительной стоимости в противовес стоимостной. «Благодаря открывшейся возможности количественного измерения и планирования прироста потребительных стоимостей может быть преодолена роковая неэффективность “ничейной” общественной собственности»¹⁷.

Профессор В. Я. Ельмеев полагал, что проблемы превращения фундаментальных положений науки (в частности, социологии, экономики) в практически приложимую форму требуют специального исследования для обеспечения эффективности результатов теоретических открытий¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Словарь современной экономической теории Макмиллана / под общ. ред. Д.У. Пирса; пер. с англ. А.Г. Пивовара. М.: ИНФРА-М., 2003. С. 71.

² См.: Ельмеев В.Я. Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб.: Петрополис, 1995. 142 с.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 222.

⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 25—26.

⁸ Его же. Йозефу Блоху в Кенигсберг. 21 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394.

⁹ Ельмеев В.Я. Социологический метод. С. 80.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 166.

¹¹ Ельмеев В.Я. Социологический метод. С. 88.

¹² См.: Мишин В.И. Социальная закономерность. Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1970. С. 16.

¹³ См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 132.

¹⁴ Ельмеев В.Я. Социологический метод. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Козловский В.В. Интервью с профессором В.Я. Ельмеевым // Журн. социологии и соц. антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 7.

¹⁷ Байнев В.Ф. Потребительностоимостная парадигма экономической науки — теоретическая основа устойчивого развития в третьем тысячелетии // Новая экономика. 2010. № 2. С. 6.

¹⁸ См.: Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г. Прикладная социология: очерки методологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 252.

Поступила 10.02.2015.

• Фото В. Я. Ельмеева взято с интернет-страницы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (<http://soc.spbu.ru/fakultet/departments/econ>).

N. S. Savkin. The Vasily Elmeev Sociological Method

The paper analyzes the research methodology proposed by a famous scientist, sociologist, and economist Vasily Elmeev, doctor of philosophical and economic sciences, born in Mordovia. He described the main points of his sociological method in the book “Sociological method: theory, ontology, logic” (1995) where he set the task to consider the method of analyzing the society in its unity and integrity in terms of epistemology, ontology, and logic. Materialistic dialectics is the original postulate, the theory he considered the obvious truth, basing on which he studied the real existence of society in general and a certain society as the object of his research. Elmeev believed that all objects under study are examined through the prism of society as a whole; each social phenomenon is studied in terms of how it is produced and reproduced; the status and results of development of a society are assessed by an objective measure — the prevalence of outcomes of social activities over the costs.

Being a consistent supporter of Marxism, Elmeev in the study of society proceeded from recognition of the mode of production of material life as the basis of social life, the main instrument of scientific analysis. Thus he proceeded from recognition of the dual character of production as production of things (economic production) and that of the human being (social reproduction). In the Elmeev sociological method, historicism was the critical principle, which he understood as the requirement to consider the social organism not only in terms of the structure, genesis, and functioning, but also in terms of development.

In his methodology of studying society, Elmeev laid special emphasis on the issue of beginning to study it. After a thorough analysis of this issue, taking into account the points of G. Lukacs, K. Marx, S. L. Frank, P. A. Sorokin and others, he came to the conclusion that it was not labor, not goods, not “interaction of people” (P. Sorokin) that had to be the beginning of the study of the society, not a group (E. Durkheim), but a man as a “cell” of social being as a totality of social relations. The Vasily Elmeev sociological method as an inner core is permeated by the desire to apply scientific achievements. He believed that the scientific depth of the theory must be combined with its practical application. One of his fundamental ideas, which he worked on for many years — the labour use value theory as opposed to the value theory — could be the basis of forming a new society, the crisis-free, humane society of sustainable development.

**А. А. ГОЛИКОВА, ИНОСТРАННАЯ ТРУДОВАЯ
А. Н. БОЛЬНИЦКАЯ, МИГРАЦИЯ В РЕСПУБЛИКУ
А. Б. НЕУСТРОЕВА САХА (ЯКУТИЯ)**

Ключевые слова: трудовая миграция, мигранты, иностранная рабочая сила, миграционная политика, рынок труда, безработица

Key words: labour migration, migrants, foreign work force, migration policy, labour market, unemployment

В статье на основе результатов социологического опроса мигрантов, местных безработных, экспертного опроса работодателей и данных статистической информации анализируются социальные и экономические факторы трудовой миграции в Республику Саха (Якутия).

The paper analyzes the social and economic factors of labour migration in the Republic of Sakha (Yakutia) basing on the results of a sociological survey of migrants, the local unemployed, the expert survey of employers, and on the statistical information data.

Миграция иностранных рабочих — одна из наиболее сложных социальных проблем современного мира. Это, безусловно, позитивный процесс, отражающий глобальные процессы, международную интеграцию в сфере трудовых отношений — возникновение глобального рынка рабочей силы. Иностранная трудовая миграция позволяет сгладить дисбалансы национальных рынков труда, приводит к уве-

ГОЛИКОВА Анна Алексеевна, научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия).

БОЛЬНИЦКАЯ Айтилина Николаевна, ведущий научный сотрудник Академии наук Республики Саха (Якутия), кандидат социологических наук.

НЕУСТРОЕВА Аиза Борисовна, ведущий научный сотрудник Центра социальных проблем труда Академии наук Республики Саха (Якутия), кандидат социологических наук.

GOLIKOVA Anna Alekseyevna, Research Officer at the Center for Social Problems of Labour, Academy of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russian Federation).

BOLNITSKAYA Aitalina Nikolaevna, Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Officer, Academy of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russian Federation).

NEUSTROEVA Aiza Borisovna, Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Officer at the Center for Social Problems of Labour, Academy of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russian Federation).

© Голикова А. А., Больницкая А. Н., Неустроева А. Б., 2015

личению совокупного объема производства принимающей стороны, дает возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников. Однако, помимо положительного эффекта, есть множество социальных, экономических и культурных проблем, в том числе распространение нелегальных форм трудовой деятельности.

Анализу указанных проблем было посвящено проведенное нами в конце 2013 г. исследование в Республике Саха (Якутия). Фактологической основой социологического исследования выступили: официальные данные по трудовой миграции; данные экспертного опроса работодателей, использующих рабочую силу ($n = 295$, опрос проводился во всей республике); результаты опроса иностранных трудовых мигрантов ($n = 372$, опрос проводился в г. Якутске, пос. Нижний Бестях, с. Намцы); результаты опроса местных безработных и ищущих работу ($n = 200$, опрос проводился в г. Якутске).

Экономическое развитие республики в последние годы определяется принятой в 2006 г. Схемой комплексного развития производственных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г. Меры по реализации программы обеспечивают динамичное и устойчивое экономическое развитие региона, а также требуют привлечения значительного количества трудовых ресурсов. Если в 2007 г. в Республике Саха (Якутия) удельный вес заявок на иностранных работников составлял 33,4 % от общего числа заявленных вакансий (18 698 заявок), то в 2013 г. он достиг уже 41,3 % (39 267 заявок). Наибольшее количество заявок на иностранную рабочую силу в 2013 г. поступило от работодателей строительных организаций (79,6 %, или 31 256 заявок). Увеличивается количество заявок от организаций торговли, в 2013 г. оно составило 10,1 % от общего количества заявленной численности на иностранных работников. Наиболее востребованными являются работники среднего уровня квалификации, имеющие такие профессии, как каменщик, штукатур, бетонщик, арматурщик, машинист различной строительной техники.

Анализ данных экспертного опроса 295 руководителей предприятий и организаций, использующих труд иностранных мигрантов, показал, что основными причинами

предпочтения работодателями работников из других государств являются отсутствие в республике организованных ответственных комплексных бригад большой численности, способных выполнить объемные строительные работы на строительных объектах за определенный период времени; недостаток необходимых для нормальной деятельности предприятия востребованных специалистов в Республике Саха (Якутия) и в других регионах России; дешевизна иностранной рабочей силы, нетребовательность к бытовым условиям, возможность снижения затрат предприятия за счет налоговых и других платежей; работа с большей продолжительностью рабочего времени и меньшим временем отдыха, высокая производительность труда.

Важную роль в предпочтении работодателями иностранных работников играли землячества и родственные связи. Опрос выявил, что более 51,0 % иностранных граждан устраивались на работу с помощью родственников, знакомых и земляков. В отдельных отраслях экономики были сформированы бригады-общины, где работали только граждане определенной страны. Эти этнические бригады выполняли функцию социализации, адаптации и профессиональной подготовки вновь прибывших мигрантов, помогали в трудоустройстве, оказывали поддержку и помощь в трудных ситуациях. Такие бригады были заняты на сезонных работах под руководством опытных земляков, умеющих заранее обеспечить контракт на подрядные работы, в основном в строительстве, ремонте различных объектов или дорог.

Большинство иностранных мигрантов при трудоустройстве в России сталкивались со многими проблемами, которые можно разделить на экономические (условия труда, режим работы, низкая заработная плата); социальные (медицинское и социальное обслуживание, гарантии при временной нетрудоспособности, отпуск и др.); культурные (языковой барьер, нетерпимость со стороны местного населения, конфликты с местным населением, отчуждение); правовые (низкая правовая грамотность, проблемы с законом, нелегальность трудовой деятельности и статуса пребывания на территории Российской Федерации и др.). Наиболее распространенной неправомерной практикой привлечения иностранной рабочей силы является трудоустройство без заключения трудового договора (контракта) с мигрантами. Согласно действующему

законодательству, работодатель, принявший на работу легального иностранного работника из стран СНГ, обязан уведомить об этом органы Федеральной миграционной службы. Однако довольно часто работодатели не делают этого, чтобы сохранить теневой характер найма и избежать выплаты налогов. Ежегодно Управлением Федеральной миграционной службы по Республике Саха (Якутия) у 180—190 работодателей выявлен найм иностранных граждан без договора и до 1,4 тыс. иностранных граждан, незаконно осуществляющих трудовую деятельность¹.

О размерах нелегального трудоустройства иностранцев также можно судить по результатам нашего опроса. На вопрос «Заключал ли работодатель с Вами трудовой договор?» лишь 49,7 % иностранных мигрантов дали положительный ответ, еще 3,8 % подписали гражданско-правовой договор, 18,7 % работали на основе устной договоренности, 27,7 % ответили, что не имеют никакого договора и являются незаконными трудовыми мигрантами. Таким образом, каждый второй иностранный мигрант был трудоустроен без заключения договора (контакта) с работодателем. Даже наличие условий для легальной занятости (получение разрешения на работу либо патента) не гарантирует мигрантам официальных трудовых отношений. Трудовые контракты имели только 63,0 % опрошенных мигрантов. В результате нелегальной трудовой миграции увеличиваются потери для бюджета региона из-за уклонения от платы за использование иностранной рабочей силы и невыплаты налогов и отчислений в социальные фонды.

Неофициальный характер взаимоотношений с мигрантами дает работодателям возможность нарушать их права. Одна из распространенных форм ущемления прав мигрантов в сфере трудовых отношений — низкая оплата труда. Средняя заработная плата иностранных трудовых мигрантов в Республике Саха (Якутия), по данным налоговых органов, за 2013 г. в среднем составила 28,8 тыс. руб., при средней по Республике Саха (Якутия) — 46,5 тыс. руб.² По результатам экспертного опроса работодателей, в крупных постоянно действующих производствах существенного различия в оплате труда в зависимости от гражданства нет, а ее размер зависит в большей степени от занимаемой должности (профессии), уровня квалификации. Самый низкий уровень оплаты

труда мигрантов наблюдается в торговле и общественном питании, где она не превышала установленный в регионе минимальный размер. Многие работодатели для облегчения налогового бремени выплачивали мигрантам две заработные платы — заниженную официальную и «серую». В целом, по результатам анкетного опроса, 40,0 % мигрантов получали «серую» заработную плату. Почти половину (47,0 %) от заработанных в Якутии денег мигранты отправляют домой, что вынуждает их жить в условиях жесточайшей экономии. По расчетам, только мигранты, работающие по квоте, за год вывозят из республики 1,7 млрд руб. Соотношение денежных средств, оставленных на личное потребление, с прожиточным минимумом Республики Саха (Якутия) составило 69,0 %. Основными статьями расходов иностранных работников были питание и аренда жилья.

Кроме низкой оплаты труда, многие приезжие сталкиваются с несоблюдением работодателем техники безопасности, неправильной организацией производственно-технологического процесса, высокой продолжительностью рабочего дня (до 12 ч в сутки), плохими жилищно-бытовыми условиями, отсутствием социальных гарантий и т. д. По данным нашего опроса, более 80,0 % иностранных работников работают по 10—12 ч без выходных. При этом большинство иностранных мигрантов, работающих в Якутии, были довольны своим пребыванием в республике и в целом оценивали свое трудовое положение довольно оптимистично. На вопрос «Как Вы считаете, нарушаются ли Ваши права в Якутии?» многие такие работники (80,9 %) заявили, что их права в Якутии «не нарушаются» и «скорее не нарушаются»; только 8,2 % ответили «да, нарушаются» и «скорее нарушаются». Частично такое положение объясняется низкой правовой грамотностью мигрантов, а также осознанием того факта, что они сами часто вынужденно и (или) намеренно являются нарушителями прав, поэтому не в состоянии адекватно и честно ответить на этот вопрос.

Важную роль играет всевозрастающий языковой барьер. Относительно молодой возрастной состав мигрантов и преобладание титульных этнических групп в странах выхода определяют значимую долю мигрантов, испытывающих проблемы с владением русским языком. Согласно опросу, примерно каждый четвертый мигрант родился после рас-

пада СССР, в период роста национального самосознания и ухода русского языка из коммуникативного пространства постсоветских стран. Эта группа будет стремительно расти по мере достижения молодым поколением трудоспособного возраста. Сейчас на недостаточное знание языка указывает каждый четвертый мигрант (27,4 %).

Для выяснения совокупности трудностей, с которыми иностранные мигранты сталкиваются в Якутии был задан вопрос «С какими проблемами Вы лично сталкивались в Якутии?». Подавляющее большинство респондентов (55,2 %) ответили, что не сталкивались ни с какими проблемами, 10,9 % респондентов отметили жилищные проблемы, 10,2 % — низкую заработную плату, 7,0 % мигрантов указали, что имели проблемы с законом. Оптимистичный характер ответа большинства иностранных мигрантов на данный вопрос говорит о не критическом восприятии ими реальности. Это можно объяснить тем, что многие морально готовы к этим проблемам и часто воспринимают их не как проблемы, а как естественные сопутствующие факторы жизнедеятельности в условиях миграции. Исследование показало, что 75,0 % опрошенных мигрантов-иностранцев хотели бы еще раз приехать в Якутию на заработки, 22,8 % затруднились ответить, 2,2 % мигрантов больше не приедут в республику.

Есть мнение, что в условиях безработицы нецелесообразно использовать иностранную рабочую силу, не предоставив рабочие места местному населению. Однако прямой зависимости между уровнем безработицы и численностью мигрантов как рабочей силы нет. Уменьшение квоты на работу иностранных граждан, наблюдавшееся с 2010 г., не повлекло за собой сокращения численности безработных, несмотря на то что количество рабочих мест, занятых работниками из других государств и совпадающих по структуре со структурой безработных в отношении к общей численности иностранной рабочей силы, составляет 24,0 %. В этом контексте интересно отношение местного населения, особенно безработных, к конкуренции со стороны иностранной рабочей силы, желание трудоустроиться на вакансии, на которых трудятся мигранты, а также выявление основных причин отказов местных безработных от этих вакансий. Согласно результатам социологического опроса безработных и лиц, ищущих работу, было выявлено, что большинство из тех,

кто имел рабочие профессии, не ощущают конкуренции со стороны иностранных работников (57,5 %). Конкуренцией наиболее сильно были обеспокоены местные работники старших возрастных групп и работники с низким уровнем образования. Анализ причин, по которым местные безработные не хотели трудиться на вакансиях, на которых чаще всего были заняты иностранные рабочие, показал, что в первую очередь их не устраивает размер заработной платы (41,8 %), отсутствие социальных гарантий (25,4), плохие условия труда (13,6 %). Часть опрошенных безработных (13,0 %) указала на то, что она желала бы трудиться, но работодатели предпочли ей иностранных работников. В основном предпочтение предпринимателей нанимать иностранную рабочую силу продиктовано сравнительно более низкой притязательностью мигрантов, готовностью работать на низкооплачиваемых, низкоквалифицированных, грязных или тяжелых видах работ, на которые местные жители при существующем уровне оплаты труда не идут.

Потребность экономики республики в иностранной рабочей силе, несмотря на удаленность от центра России, экстремальные природные условия зимой, высокие цены на аренду жилья, скорее всего, будет удовлетворена благодаря высокой заработной плате относительно других регионов России, лояльности населения, поддержке диаспор. При этом для привлечения и использования иностранной рабочей силы на принципах экономической и социальной эффективности, а также улучшения социальной обстановки, связанной с пребыванием на территории республики такой силы, необходимо проводить согласованную миграционную политику с учетом интересов республики, местных трудовых ресурсов и работодателей.

Привлекать иностранную рабочую силу следует в тех областях и сферах деятельности, где эффективность ее применения существенно выше эффективности использования местной рабочей силы, например на временных и сезонных работах, строительных работах вне населенных пунктов. Необходимо принять решение об ограничении разрешений, для иностранных граждан на отдельные профессии, например водителей, электрогазосварщиков, трактористов, работников торговли, автосервиса, поваров и т. д. (при приобретении патента, с учетом имеющегося спроса на эти места среди

местного населения). Следует проводить мероприятия по пропаганде рабочих профессий для привлечения местной молодежи в строительство и промышленность, решать жилищные проблемы молодых специалистов и выпускников ПТУ, развивать социально-бытовую сферу в местах промышленной деятельности и интенсивных строительных работ. Кроме того, нужно также изыскивать средства на обучение востребованным рабочим профессиям и переподготовку местных рабочих кадров в соответствии с современными технологиями ведения производственных и строительных работ. Требуется активизация работы профсоюзных организаций (закрепление в отраслевых соглашениях гарантии по оплате труда, в частности часовой тарифной ставки для основных рабочих профессий (общих для большинства организаций отрасли)) и другие социальные гарантии для рабочих, а также исполнение обязательств работодателями малых и индивидуальных предприятий отраслевых соглашений и вовлечение работников в профсоюзное движение, включая иностранных граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аналитический отчет об итогах деятельности Управления Федеральной миграционной службы по Республике Саха (Якутия) за январь 2014 года. URL: http://ufms14.ru/wp-content/uploads/2014/05/analitika_january_2014.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

² См.: Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): стат. сб. / ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2014.

Поступила 14.07.2015.

A. A. Golikova, A. N. Bolnitskaya, A. B. Neustroeva.
Foreign Labour Migration to the Republic of Sakha (Yakutia)

The paper highlights the processes of foreign labor migration to the Republic of Sakha (Yakutia) basing on the results of official data on labour migration, data of the expert survey of employers (n = 295, the survey was conducted throughout the Republic), the results of a survey of foreign labour migrants (n = 372, the survey was conducted in Yakutsk, in the settlement of Nizhny Bestyakh, in the village of Namtsy), the results of a survey of local unemployed and job seekers (n = 200, the survey was conducted in Yakutsk). The paper analyzes social and economic factors of labour migration, it explores the social and labour characteristics, the standard

of living and the problems faced by foreign migrants, the attitude of the local unemployed and job seekers towards competition with foreign workers, as well as the spread of illegal labour practices that have a negative impact on the regional economy.

The authors recommend the following: to use foreign labour force in areas and occupations where the efficiency is significantly higher than the effectiveness of the local workforce, e. g. temporary and seasonal work, construction work outside the settlements; to limit licenses to foreign nationals for certain jobs, such as drivers, electric and gas welders, tractor drivers, trade workers, car service specialists, cooks, etc. (at the stage of issuing patents, taking into account the existing demand for these jobs among the local population); to develop measures for promotion of working professions in order to attract local young people to construction and industries.

Д. М. БОРИСОВ

К. В. ФОФАНОВА

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: территориальная мобильность, миграция, регион, иностранный трудовой мигрант, возвратная миграция

Key words: territorial mobility, migration, region, foreign migrant worker, return migration

В статье рассматривается территориальная мобильность на примере Республики Мордовия, дается демографическая характеристика региона, анализируется миграционный оборот во второй половине XX в., рассматриваются особенности возвратной миграции и феномена отходничества, показаны общие тенденции по обмену населением со странами ближнего зарубежья.

The paper examines the Republic of Mordovia as a case study of territorial mobility; it presents the demographic characteristics of the region and analyzes the migration turnover in the second half of the 20th century;

БОРИСОВ Дмитрий Михайлович, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

BORISOV Dmitry Mikhailovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

FOFANOVA Katerina Vladislavovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Борисов Д. М., Фофанова К. В., 2015

it also discusses the features of return migration and the phenomenon of seasonal work; it shows the general trends of the population exchange with the former Soviet republics.

Территориальная мобильность — одно из знаковых явлений жизни современного человека. Процессы информатизации и глобализации, развитие транспортной инфраструктуры, новые формы экономического и социального неравенства способствуют росту территориальной мобильности. Социологи 70-х гг. XX в. пытались осмыслить текучесть современности посредством понятий «мобильность» и «территория». Дж. Урри одну из своих работ начал словами: «Порой кажется, что весь мир движется»². В такой характеристике современной жизни территориальная мобильность становится одним из центральных понятий. Появление понятия «мобильность» в социологии связано с пространственным подходом, социальным взаимодействием и передвижением населения в границах одной территории и одного региона. Новые подходы, основанные на идеях Р. Парка, Г. Зиммеля, Дж. Урри, максимально расширили понятие «мобильность», включив в него не только социальную мобильность, но и изменения движения, перемещения населения. Опираясь на эти подходы, к числу показателей территориальной мобильности можно отнести, во-первых, смену постоянного места жительства, т. е. миграцию, во-вторых, временные перемещения, нашедшие отражение в маятниковой миграции и ее подвидах и феномене отходничества. Однако для объективного анализа территориальной мобильности есть существенные барьеры, связанные со статистическими ограничениями и административно-территориальным делением³. Однако имеющиеся данные позволяют выявить основные тенденции и направления территориальной мобильности в рамках конкретной территории, в частности на примере Республики Мордовия как одного из типичных регионов Приволжского федерального округа.

Численность населения Республики Мордовия в течение последних десятилетий постоянно уменьшается. В 2014 г. по сравнению с данными 2013 г. население республики уменьшилось на 3,3 тыс. чел. и к началу 2015 г. составило 808,9 тыс. чел. Возрастная структура населения на январь 2014 г. составляла 59,8 % людей трудоспособного возраста, 14,6 % — моложе этого возраста, 25,3 % — старше этого

возраста⁴. Согласно прогнозу, численность населения Мордовии будет уменьшаться и к концу прогнозного периода (до 2026 г.) составит 674,6 тыс. чел. За 18 лет население республики сократится на 172,9 тыс. чел., или на 20,4 %. Миграционный отток за этот период составит 49,8 тыс. чел., а число умерших на 123,2 тыс. чел. превысит число родившихся⁵. Процесс депопуляции населения в Мордовии наблюдается с 1930-х гг., что не было характерным для России в целом.

Специалисты в области внутренней миграции считают, что «нет однозначного ответа на вопрос, насколько миграционная мобильность в России в советский период поддерживалась или сдерживалась государством»⁶. Действовали два механизма, влияющих на территориальную мобильность внутри страны. Первый — активная кампания по переселению населения в восточные районы страны, за счет чего осуществлялась ускоренная индустриализация этих территорий. Второй — система паспортизации и институт прописки. Влияние этих механизмов на миграцию можно отметить на территории Мордовии. Так, вторая половина XX в. характеризуется замедлением миграционного оборота в регионе. Сальдо миграции по территории республики за этот период изменялось волнообразно.

В 1940—1950-х гг. население прибывало больше, чем убывало, что отчасти было связано с массовой эвакуацией людей и промышленности СССР в восточные районы страны. В 1980—1985 гг. население больше убывало (35—46 тыс. чел. в год), чем прибывало (32—43 тыс. чел. в год), сальдо миграции в этот период составляло 3,6—4,0 тыс. чел. в год. Отрицательный коэффициент миграционного прироста по Республике Мордовия в этот период был максимальным по всему Волго-Вятскому экономическому району и составлял 75 чел. на 10 тыс. жителей, что было сопоставимо с аналогичным показателем по Башкортостану (70) и Дагестану (105). Во второй половине XX в. Москва и Московская область стали «территориями, куда направлен постоянный и наибольший отток населения Мордовии. Доля Москвы и Московской области составляет 2/3 отрицательного сальдо Республики Мордовия»⁷. Внутренняя миграция ориентирована на регионы с более высоким уровнем жизни, предоставляющие более широкие возможности для трудоустройства и самореализации человека.

В 1986—1994 гг. зафиксировано положительное сальдо миграции (+2, +3 тыс. чел. в год), но миграционная подвижность к концу периода значительно снизилась. В. А. Нежданов при анализе миграции населения в республике конца 1980-х гг. указывает на интенсивный процесс возвратной миграции в Мордовию русского населения из республик бывшего СССР. Первая волна вынужденных переселенцев (беженцев) хлынула из Азербайджана после Сумгаитских событий и состояла из русских, армян и смешанных армяно-азербайджанских семей. Следующую волну составили беженцы из Ферганской долины Узбекистана. Официальная регистрация вынужденных переселенцев (беженцев) с предоставлением соответствующего статуса началась с июля 1992 г.⁸

Новая волна вынужденных переселенцев связана с событиями на Украине⁹. Этот вектор территориальной мобильности в республике институционально поддерживается реализацией Целевой программы Республики Мордовия «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013—2015 годы» (Программа)¹⁰. В процессе ее реализации и под влиянием событий на Украине в 2015 г. впервые с начала 1990-х гг. отмечен прирост населения в регионе.

По данным Госкомстата региона, с 1992 по 1996 г. в республике сальдо миграции было положительным и составляло 2,2 тыс. чел. Ускорение процесса депопуляции в 1999—2001 гг. стало результатом одновременного увеличения естественной убыли населения и заметного уменьшения его миграционного прироста. С 1997 г. количество выбывшего населения из республики стало превышать количество прибывшего. Причем в Мордовии наблюдается гендерное смещение: в 2001 г. выбыло 7 032 женщины и 5 406 мужчин, в 2003 г. — 7 174 женщины и 5 853 мужчины, что составило -1 427 и -1 031 миграционной убыли соответственно. В последнее десятилетие в регионах Поволжья наметилась тенденция, характерная для Республики Мордовия, — высокая трудовая миграция мужчин¹¹.

Территориальная мобильность в целях занятости — распространенное явление во всем мире, но российская специфика отягощена отсутствием адаптационных технологий к трудовой мобильности, дороговизной и недоступностью для большинства населения рынка жилья, что не позволяет

семье поменять место жительства. Это приводит к формированию феномена отходничества мужчин на заработки в региональные центры, увеличивает риск социальной незащищенности в силу частого отсутствия официальных документов на проживание и выполняемую работу. С 1995 г. сальдо миграции населения в республике остается отрицательным. Данные исследований по проблемам внутренней миграции показывают, что с конца 90-х гг. XX в. вместо миграции, предусматривающей смену постоянного места жительства, приходит такая ее форма, как отходничество. Стоит отметить, что временная трудовая миграция способствует формированию миграционных намерений, т. е. в перспективе ведет к миграции, уже связанной с изменением постоянного места жительства. Как показали данные обследования «Миграционная мобильность населения России», опрошенные, сменившие место постоянного жительства в прошлом, имеют и более высокие миграционные установки на будущее, причем максимальные миграционные намерения у тех, кто переезжал 4 раза¹².

С 1995 г. в республике наблюдается отрицательное сальдо миграции населения. Минимальная отметка в миграционном обороте была достигнута в 2002 г. — 20 014 чел., отрицательное сальдо миграции сократилось до 2 458 чел., т. е. произошли увеличение миграционной подвижности населения и уменьшение численности безвозвратно мигрировавших. В 2003 г. среди регионов Приволжского федерального округа республика имела самый низкий коэффициент миграционного прироста — 29 чел. на 10 тыс. постоянного населения¹³. Если в 2003 г. из республики выбыло 13 207 чел., то через десять лет этот показатель вырос в 1,7 раза и составил 22 632 чел. Миграционный прирост населения на протяжении всего периода с 2010 по 2013 г. имел отрицательное значение. Данные официальных источников отражают только учтенную миграцию, оставляя в стороне значительную долю неучтенной миграционной мобильности населения, идущей в основном в Москву и Московскую область. По данным специалистов, Москва и Московская область в 2001—2005 гг. аккумулировали 85 % чистой миграции в Центральный округ, в 2007 г. — 73 %. Это только данные статистического учета. К ним стоит добавить временную и маятниковую миграцию¹⁴.

Усилилось отрицательное сальдо в 2008—2010 гг. в результате международного экономического кризиса. Межрегиональная миграция возросла почти в два раза. Противоположная тенденция, связанная с приростом, зафиксирована в 2013—2014 гг. (+2 791). За I квартал 2015 г. на территорию Республики Мордовия прибыли 2 502 чел., выбыло за ее пределы 3 378 чел., миграционная убыль населения составила 876 чел. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. число прибывших увеличилось на 164 чел., число выбывших — на 963 чел. Миграционная убыль увеличилась на 799 чел. В 2013 г. на территорию региона прибыло 20,1 тыс. чел., выбыло за ее пределы 22,6 тыс. чел. Миграционная убыль населения снизилась по сравнению с цифрами 2012 г. на 572 чел. (18,2 %) и составила 2 571 чел. (за 2012 г. — 3 143 чел.). За I полугодие 2014 г. миграционная убыль снизилась по сравнению с соответствующим периодом 2013 г. на 1 185 чел. (в 4,3 раза) и составила 360 чел.¹⁵

Структурно-содержательные составляющие миграционного потока показывают тенденцию к увеличению численности иностранных граждан на территории Мордовии. В республике складывается положительное сальдо миграции по обмену населением со странами ближнего зарубежья. Так, за период 2003—2010 гг. миграционный прирост со 135 чел. увеличился до 2 206 чел. С 2006 по 2010 г. в Мордовии было зарегистрировано 55 847 иностранных граждан. Численность официально зарегистрированных иностранных граждан на территории региона в 2006 г. составила 7 560 чел., в 2007 г. — 10 861 чел., в 2008 г. — 12 621 чел., в 2009 г. — 11 220 чел., в 2010 г. — 13 585 чел.¹⁶ Отметим, что резкий рост показателей на 43 % в 2007 г. связан с изменениями в федеральном законодательстве, предусматривающими упрощение процедуры регистрации иностранных граждан, в том числе и трудовых мигрантов. Представленные данные включают как трудовых мигрантов, так и иностранных граждан, приехавших в республику с другими целями. Но социальный контекст, связанный с принятием мер по привлечению иностранных трудовых мигрантов, позволяет предположить, что динамика обусловлена именно притоком трудовых мигрантов.

Согласно имеющимся данным, наиболее распространенной целью въезда в республику остается трудовая деятель-

ность: в 2009 г. — 3 993 чел., в 2010 г. — 4 490 чел., что составляет 40 % от общего числа въехавших на территорию Мордовии¹⁷. С 2007 по 2010 г. приток иностранных трудовых граждан с целью трудоустройства увеличился на 12,4 %. В подавляющем большинстве для осуществления трудовой деятельности приезжают граждане из стран СНГ. В основном это жители Узбекистана, Украины, Армении, Таджикистана.

Новые правила и законы в области миграционной политики, которые начали действовать с 1 января 2015 г., привели к сокращению количества иностранных трудовых мигрантов на территории региона. Можно предположить, что иностранные трудовые мигранты в связи с новым законодательством, требующим предварительных денежных вложений (покупка патента, подтверждение знаний в области русского языка и культуры, наличие медицинской страховки и т. д.), будут стараться найти работу в больших городах с более высоким уровнем оплаты труда, чтобы компенсировать свои затраты на поездку.

В Республике Мордовия с целью регулирования территориальной миграции реализуется ряд мероприятий, объединенных названием «Дорожная карта». Она предусматривает ряд мероприятий, направленных на обеспечение организаций республики кадрами, повышение трудовой мобильности граждан и улучшение демографической ситуации. Задача по привлечению населения из других регионов решается в рамках целевой программы переселения в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом. Программой предусмотрено вселение на территорию республики 1 140 соотечественников (в 2013 г. — 300 чел., в 2014 г. — 480 чел., в 2015 г. — 360 чел.). В рамках мероприятий, направленных на регулирование территориальной мобильности, предусмотрены процедуры по сдерживанию миграции молодежи в республике, особенно выпускников вузов, и по созданию условий совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью. В регионе реализуются мероприятия, направленные на обеспечение занятости выпускников организаций профессионального образования, организуются ярмарки вакансий для выпускников всех уровней образования, заключаются договоры между абитуриентами, работодателями и организациями профессионального образования в рамках целевой

подготовки кадров, организуются стажировки для выпускников образовательных учреждений в целях приобретения ими опыта работы. Эти мероприятия в принципе показывают, что в повестке дня региональных властей остро стоит вопрос сохранения населения и трудовых ресурсов региона, вместе с тем действующие механизмы и технологии работают неэффективно. Анализ официальных данных отражает только часть проблемы, масштабность и активность территориальной мобильности остается за кадром, так как многообразные формы временной мобильности не учитываются статистикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-13008 «Особенности трудовой миграции в регионе (на примере Республики Мордовия)».

² Урри Дж. Мобильности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5. С. 197.

³ См.: Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. 2009. № 11. С. 149—164.

⁴ См.: Изменение численности населения за 2014 год. URL: http://mrd.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/mrd/ru/statistics/population (дата обращения: 28.05.2015).

⁵ См.: Прогноз численности населения Республики Мордовия до 2030 года: стат. сб. Территор. органа Федер. службы гос. статистики по Республике Мордовия. Саранск, 2010. 83 с.

⁶ Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа. С. 151.

⁷ См.: Борисов Д.М., Шувалова В.В., Нежданов В.А. Механизмы регулирования трудовой миграции и сельскохозяйственного переселения в Республике Мордовия. URL: <http://dogend.ru/docs/index-396764.html> (дата обращения: 28.05.2015).

⁸ См.: Нежданов В.А. Миграция населения в Республике Мордовия // Миграционная ситуация в регионах России: материалы регион. семинара, 10—11 апр. / под общ. ред. Ж. Зайончковской. Чебоксары, 2003. Вып. 2: Приволжский федеральный округ. С. 132—150.

⁹ См.: Оперативный штаб по оказанию помощи гражданам Украины начал свою работу. URL: <http://www.e-mordovia.ru/news/view/21025> (дата обращения: 28.04.2015).

¹⁰ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Целевой программы Республики Мордовия «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Мордовия соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013—2015 годы» от 19 августа 2013 г. № 344 // Справ.-прав. система «Гарант».

¹¹ См.: Фофанова К.В. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). Саратов: Науч. книга, 2005. 216 с.

¹² См.: Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа. С. 158.

¹³ См.: Административно-территориальное деление и численность Республики Мордовия на 1 января 2011 года: стат. бюл. Территор. органа Федер. службы гос. статистики по Республике Мордовия № 912. Саранск, 2011. 20 с.

¹⁴ Внутренняя миграция в России: правовая практика. М., 2007. С. 12.

¹⁵ См.: Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Мордовия по реализации государственной политики в сфере миграции в Республике Мордовия за 2013 год. Саранск: Упр. Федер. миграц. службы по Республике Мордовия, 2014. 40 с.

¹⁶ Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС России по Республике Мордовия по реализации государственной политики в сфере миграции в Республике Мордовия за 2010 год. Саранск: Упр. Федер. миграц. службы по Республике Мордовия, 2011. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 8.

Поступила 17.06.2015.

**D. M. Borisov, K. V. Fofanova. Territorial
Mobility of the Population of a Region**

The processes of informatization and globalization, development of transport infrastructure, new forms of economic and social inequality contribute to the growth of territorial mobility. The emergence of the concept of "mobility" in sociology is directly connected with the spatial approach, with social interaction and movement of the population within the boundaries of one territory and one region. Territorial mobility is considered within the case study of the Republic of Mordovia. Description of the demographic situation in the region shows that in Mordovia the process of depopulation began in the 1930s.

The migration turnover in the second half of the 20th century is characterized by internal migration focusing on the regions with a higher standard of living. Another vector of territorial mobility is associated with the return migration. This type of territorial mobility at the institutional level is supported by the Program for voluntary resettlement of compatriots living abroad to Mordovia. The phenomenon of seasonal work has become very widespread in the region. The minimum point in the migration turnover of the region was achieved in 2002; i. e. there was an increase in migration mobility of the population and reduction in the number of those migrating irretrievably.

Analysis of the structural components of the migratory flow shows a tendency to increase the number of foreign citizens on the territory of Mordovia. The Republic has a positive migration balance for the population exchange with the CIS states. In the region, a number of measures named "The road map" are being implemented aimed at regulation of territorial migration.

М. А. КАЗАКОВ

А. А. ЗУБКЕВИЧ

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИДЕРСТВА
В ПРАКТИКАХ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Ключевые слова: гендерный подход, гендерная асимметрия, гендерное равенство, государственная молодежная политика, гуманитарная безопасность, инновационная направленность управления, лидерство

Key words: gender approach, gender asymmetry, gender equality, state youth policy, humanitarian security, innovative management, leadership

В статье рассматриваются гендерные проблемы лидерства в молодежной политике современной России, а также его роль в решении задач политической социализации молодых поколений с учетом оценки социокультурных различий мужчин и женщин.

КАЗАКОВ Михаил Анатольевич, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета, доктор политических наук.

ЗУБКЕВИЧ Анна Александровна, аспирант кафедры прикладного политического анализа и моделирования Нижегородского государственного университета.

KAZAKOV Mikhail Anatolievich, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

ZUBKEVICH Anna Aleksandrovna, Postgraduate at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

© Казаков М. А., Зубкевич А. А., 2015

The paper discusses the gender issues of leadership in the modern Russian youth policy and its role in solving the problems of political socialization of younger generations taking into account the assessment of the socio-cultural differences between men and women.

На саммите в г. Нью-Йорке в сентябре 2005 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин вместе с руководителями ведущих стран мира подтвердил взятое на себя обязательство содействовать вопросам сокращения бедности и достижению Целей развития тысячелетия к 2015 г.¹ Среди них — *поощрение равенства мужчин и женщин во всех сферах жизни социума посредством развития и закрепления условий действительности данного взаимодействия*, что является не только проблемой времени, отражающей один из способов социальной стратификации общества, но и курсом, *специфическим измерением системы неравенства по признаку пола*.

«Пол — источник бытия; половая солидарность — основа творения», — писал Н. Бердяев². Но если половая функция есть продукт дифференциации половой жизни, то *гендер*, наряду с такими социально-демографическими факторами, как национальность, возраст, группа и др., образует систему социальной иерархии, являясь одновременно и элементом публичной политической жизни. Игнорирование гендерного подхода при анализе социально-политических процессов приводит к усилению дискриминации женщин в этих сферах, росту конфликтов в профессиональной деятельности, их мифологизации, оправдывающей негативные явления во власти.

Проблема лидерства, таким образом, во всем ее комплексе, включая то, как и с каким эффектом текущая стадия развития снимает причинную зависимость между природой мужчин и женщин в их социальных ролях, — базовый вопрос при изучении гендерной асимметрии в политических практиках современной России. Ответ на него определяют как традиции, поскольку возможности быть «первым» (или «вторым») различны от среды и ситуации, так и стратегии исследования. На «входе» они фиксируют используемые подходы, «на выходе» — важные тенденции в изменении данных практик.

Следует различать и оценивать средовые и субъективные факторы, которые сами и в композиции их производных

детерминируют *лидерство в сфере молодежной политики*, что и является предметом статьи.

В отечественных реалиях актуальность изучения поведения политических лидеров с учетом оценки социокультурных различий мужчин и женщин имеет свою предысторию. Она связана с гендерными исследованиями, опирающимися на феминистскую идеологию, структурный подход в марксистском и функциональном вариантах, социально-конструктивистскую методологию. Более опасны для социума неофеминистские концепции. Их представители видят причины дискриминации женщин в разделении полов на биологические классы, в основе которых лежит репродуктивная функция. Мужчина, по их мнению, становится орудием власти в силу определенных культурных символов. Одновременно с этим провозглашаются полная сексуальная свобода, отказ от брака, материнства и создание альтернативных семей «матрифокального типа» — матерей- и отцов-одиночек, что ведет, по сути, к исчезновению нормального современного общества.

Прогресс в решении вопросов женщин есть прогресс общества, а достижение равноправия полов во всех областях его жизни является важным показателем социального развития любого государства. В современной России, где именно регионы представляют собой условия, в которых идут эти процессы, практика гендерного равенства предполагает *реальную трансформацию* систем жизнедеятельности на базе *всеобъемлющего партнерства*, соответствующего постиндустриальному обществу (не только как формы социального взаимодействия, но и как политического инструмента интеграции его субъектов).

Пока неким результатом указанной трансформации является причудливый симбиоз мужского и женского начал в авторитарно-демократических элементах политических институтов, придающих оригинальные штрихи политическому процессу России, а общей чертой — манипулирование демократическими процедурами при недостатке такого всеобъемлющего партнерства не только в государстве, но и в гражданском обществе.

В перспективе (при соответствии прежде всего правилительственной программе реформирования и возможностям финансирования) гендерное равенство позволит достичь баланса интересов мужчин и женщин, сформировать единую

стратегию и тактику их действий, организовать совместный социальный контроль над реализацией в стране молодежной политики (МП), от дальновидности которой зависит жизнеспособность общества. Этот комплекс мер и механизмов, их взаимосвязь с культурой, идеологией, сегодняшним достижением мира на границах федерации и согласия (патриотизма) внутри нее, требуют самого серьезного внимания к деятельности лидеров в сфере молодежной политики.

Понимание и поддержка вносимых изменений — основной компонент антикризисной программы. Ее реализация в молодежной среде еще более критична. Позитивное отношение и включенность этой социально-возрастной группы (с влиянием биологических особенностей пола на поведение и сознание мужского и женского сегментов лидерства) означает совпадение целей с мотивами самореализации ее членов как носителей особых функций в процессе общественного воспроизводства. С этой точки зрения молодежь рассматривается как объект молодежной политики. Ее цель — компенсация воздействий неблагоприятных социальных условий, ликвидация препятствий, затрудняющих нормальную социализацию молодежи, ее полноценное вступление во взрослую жизнь в качестве реально действующего субъекта общественных отношений.

Российский дискурс по совокупности отмеченных аспектов имеет ярко выраженный когнитивный характер. Он раскрывается в сосуществовании и наложении друг на друга теоретических моделей и категорий, выросших в разных контекстах, средах, что небезобидно при употреблении и для методологии, и для практики, речевым элементом которой является сам дискурс. Поэтому корректным будет, отстранившись от марксистской парадигмы, использовать в статье наработки гендерных исследований, базирующихся на социально-конструктивистской методологии. К ним, опираясь на полоролевой подход структурного функционализма, надо «подключить» анализ когнитивной сферы личности в политике и новых механизмов социализации молодежных лидеров.

Если применительно к молодежи рассматриваемый процесс формирует прежде всего осознание общественных ценностей, то «политическая социализация готовит к пониманию любых опасностей и угроз, которые исходят из существования в

нашей жизни и свойственной человеку борьбы за власть, желаний достичь успеха не только праведным путем»³. Такой методологический ракурс позволяет глубже проникнуть в повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в практиках, где лидерство (как и гендер) — системная характеристика социального порядка.

Обозначаемая характеристика воспроизводится в структурах сознания и действия обоих полов, включая исполнение творческих функций в политике, что является прерогативой политических элит и лидеров. Их отношения носят характер взаимовыгодных связей, поэтому обстоятельства, в силу которых женщина конструирует себя в качестве лидера, такого же рода, как и у мужчин. Проблема того, как в этой миссии ее воспринимают другие и что в ней в связи с этим *неженского*, — объект изучения гендерной социологии и политологии.

Соответственно, предметом исследования могут стать как поведение женщин-лидеров с точки зрения выбранного подхода (или их синтеза) в сферах политической ответственности, в проблемных для них зонах на стыке с другими сферами общества и мира, так и разнообразные внутренние грани феномена (структурные компоненты, отношения, механизмы и т. д.), видоизменяющиеся в ходе определенных практик.

При рассмотрении сущности лидерства в молодежной политике, учитывая особую роль государства в нашем обществе, в основу классификации последней могут быть положены два критерия. Первый — принадлежность тех или иных акторов к государству как ее основному субъекту. Второй — принадлежность участников молодежной политики к тому или иному сектору гражданского общества. Опираясь на эти критерии, молодежную политику, проводимую в России, подразделяют на государственную (ГМП) и негосударственную (НГМП), отмечается процесс интеграции гендерного подхода в их практики, включая лидерские, а также восприятие и оценку их молодежью. Остановимся на этом подробнее.

«Работающее», по нашему мнению, определение индивидуального политического лидерства как «деятельностного начала власти, реализующего себя в сфере общественных отношений посредством конкуренции за политическое пер-

венство»⁴, характеризует включенность женщин в эти процессы в условиях гибридной системы отбора. Она хорошо уживается с динамикой современной жизни постсоветских стран, так как в числе ее сильных сторон — уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии, большая предсказуемость политики.

Но есть ли у женщин здесь должные полномочия в процессе принятия решений в масштабах партий, регионов, государства и авторитет проводить линию на обновление, модернизацию данной сферы? Фактически нет, и эта ситуация сохранится до тех пор, пока они не займут, по мнению социологов, 33 % мест в органах власти, а их действия, в отличие от действий коллег мужчин, будут оцениваться не по двойным стандартам. Это лишь дополнительная причина обращения к МП, которая в реальности может быть квалифицирована по ее субъектам и к государству, и к конкретным секторам общества, способным оказывать влияние на «мужскую» элиту.

Место молодежи и ее лидеров в МП тесно связано с основными мотивами социализации и наиболее социально значимыми формами партнерства между органами государственного и муниципального управления, подведомственными им учреждениями, осуществляющими работу с молодыми поколениями граждан. В первом случае акцент делается на актуальные им мировоззренческие проблемы, приоритеты политической идеологии, отношение к молодежи как стратегическому ресурсу общества и государства. Во втором случае основными практиками выступают:

«— реализация государственных и муниципальных заказов на выполнение молодежными общественными объединениями работ, оказание услуг по осуществлению программ для детей и молодежи;

— поддержка и развитие студенческих отрядов и других молодежных организаций воспитательной направленности;

— содействие деятельности молодежных жилищных комплексов;

— участие молодежи в волонтерских движениях;

— деятельность структур молодежного, студенческого и ученического общественного управления, в том числе развитие молодежного парламентаризма»⁵ и др.

В настоящее время преобладают различные молодежные образовательные форумы. Помимо общероссийских, проходящих в знаковых точках страны, таковые проводятся и в субъектах Федерации. Так, с 16 по 19 июля 2015 г. в Павловском районе Нижегородской области прошел МОФ «Сердце Поволжья», в котором приняли участие делегации сопредельных регионов. Однако сравнительно равное членство в них юношей и девушек не подтверждает широкую представленность феноменов женского лидерства даже в молодежном сообществе.

Хотя лидерство в сфере ГМП, скорее, обусловлено не столько статусом, сколько способностью влиять на других. Причем конкретный ведущий чаще выступает носителем функций общности и образцом политического поведения группы. Лишь по мере восхождения по иерархии в своей субъективной деятельности, связанной с выполнением возложенной роли, все больше опирается на организацию, формализованную систему отношений, СМИ. Личностные качества и реальные достижения на выбранном поприще служат здесь основанием для его оценки экспертами как эффективного, перспективного и наоборот.

Представленная интерпретация политического лидерства уместна, но применима к определенным формам и сферам политики, в частности *молодежной как разновидности социальной политики*. Она более открыта для всех субъектов общественных отношений к установлению партнерских связей между ними на базе сходного с нормативно-закрепленными интересами государства отношения к молодежи (женщинам, детям, пожилым людям). Еще со времен Февральской революции в России 1917 г. эта интерпретация входит в сферу политической ответственности женщин, совпадающей с их традиционными обязанностями.

Современная международная нестабильность, сопровождающаяся разного рода конфликтами, разрешение последствий которых внутри страны предполагает использование арсенала молодежной деятельности, демонстрирует трансформацию его параметров в сторону диверсификации субъектов и практик. По нашему мнению, она должна включать и *легитимацию практик гендерного равенства, придающих феноменам женского лидерства законодательно закрепленный социально-позитивный характер*. В целом это присуще ГМП

и может достигаться за счет адаптированного в системе управления потенциала социального партнерства.

С 2001 г. ведется активный поиск эффективных проектов и механизмов (как инноваций) реализации ГМП. За прошедшее десятилетие, отмеченное событиями 2011—2012 гг., уровень политического участия молодежи в общественной жизни отчетливо вырос. Но если период 2005—2010 гг. можно условно считать временем продвижения новых ценностей, ориентированных на интересы, права молодого россиянина и их адаптации, то череда кризисов разной природы обуславливает прочтение 2010—2015 гг. как периода затянувшейся неопределенности в обществе, усугубившего проблему социализированного дефицита в воспитании молодых поколений, одновременно — нахождения интегратора «волевых импульсов в области политики»⁶ в виде института лидерства.

Сегодня общей антикризисной программе действий для ее безусловного исполнения нужны усилия всех половозрастных социальных групп и их лидеров. С учетом этого в основополагающих федеральных нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность в сфере работы с молодежью, заложены не только субъект-объектный, но и субъект-субъектный, или партнерский, подход, предполагающий рассмотрение молодого поколения как полноценного партнера органов власти, субъектов бизнеса, гражданского общества в осуществлении такой социально значимой деятельности, как реализация и защита национальных интересов.

Однако прагматизм указанного процесса — это одно, а появление уже первого целиком виртуального поколения молодежи — это другое. Любой институт — это прежде всего специфический социальный фиксатор. Данная когорта молодых людей является «на поверку» как возможным носителем защитных функций национальных интересов России, так и источником новых конфликтов, что противоречит ему как равному партнеру. Вопросы в том, какие социализационные механизмы сыграют на опережение, что обнажает нераскрытый до конца политический эффект, который может проявиться в первую очередь в электоральной практике, где женский избиратель, как известно, более устойчив по сравнению с мужским, пока остаются без ответа.

Любая демократия способна выживать, а избирательный процесс это обеспечивать в условиях «умно управляемого» социального порядка. Нынешняя организация выборов вновь несовершенна. Она удобна для управленческих структур, но не несет молодежи серьезного понимания принципов демократии и политического выбора. Задача правильного воздействия на электоральное сознание растущего поколения, отходящего от благополучия семейной, образовательной, духовной и иных сред, не может сбрасываться со счетов ни под каким предлогом, тем более в условиях институционализации политической конкуренции посредством выборов.

По существу, общество с появлением самодостаточной в центре и на местах элиты, способной переизбираться («менять кресла») без выборов, получает не лучшую институциональную модель для молодежи. Это пока не подрывает несущей конструкции ее политики — синтеза общечеловеческих и общественных ценностей, но ставит соблюдение свойственного им поведения в зависимость от рефлексии индивида, выработки им системы значений, не оставляющей места альтернативным институциональным программам⁷.

Здесь воплощается не только механизм социализации, но и элемент гуманитарной безопасности⁸. Имеется в виду сам тип выпускника средней/высшей школы, включающий при планомерном формировании модель гражданского поведения и участия молодого россиянина в общественной жизни, в том числе благодаря гендерному образованию, которое у нас вопреки конъюнктурным причинам направлено на развитие рефлексии и социальной ответственности человека. На теоретическом уровне общий подход к решению гендерных проблем в России, возможно, сформулирован и состоит в политике, обеспечивающей заинтересованность граждан всех возрастов и пола активно и на равных участвовать в созидательных процессах государства и общества.

Тогда полноценное национальное лидерство становится тем звеном, усиление роли которого на всех этапах политической системы служит важным фактором сохранения социальной целостности, легитимации режима правления. Роль молодежных лидеров как особой составляющей этих процессов проявляется в собственном структурировании, самоорганизации, выработке и трансляции в молодежное сообщество определенной системы знаний и правил, со-

гласовании интересов, соответствующих конституционному порядку страны.

Переломная ситуация в стране, адаптация системы управления к меняющимся реалиям, субъективные факторы диктата мужской власти тормозят развитие гендерных процессов, но не могут отрицать их значения. Гендерные аспекты каждого из компонентов структуры политического лидерства (личностные, организационные, социокультурные, коммуникационные и др.) способны оказывать автономное, неравнозначное воздействие на осуществление им функций в зависимости от условий их реализации. В конечном счете они сплав различных характеристик и «сам результат — социальный конструкт гендера»⁹, работающий на уровне проблем идентичности, межличностного общения, отношений, придающий тем самым феномену лидерства специфический облик и колорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Женщины и развитие: реальность и перспективы (оценка осуществления конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, пекинской платформы действий и целей развития тысячелетия ООН): стенограмма семинара. Москва, 9 дек. 2005 г. М.: Вариант: Невский проспект, 2006. С. 15.

² Бердяев Н.А. Проблемы человека // Бердяев Н.А. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1977. С. 400.

³ Усманов Б.Ф. Молодежь и перспективы политического процесса в России // Государство и гражд. об-во. 2012. № 2. С. 79.

⁴ Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1993. С. 11.

⁵ Ховрин А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2010. С. 33.

⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 313.

⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С. 105.

⁸ См.: Казаков М.А., Левина Е.С. Гуманитарная безопасность в дискурсе теории безопасности, политологии и политической регионалистики России // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2015. № 1. С. 5—17.

⁹ См.: Женщины в политике и обществе: материалы заоч. науч.-практ. конф. / под ред. И.И. Черновой. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2004. С. 8.

Поступила 26.08.2015.

M. A. Kazakov, A. A. Zubkevich. Gender Aspects of Leadership in the Practice of the Youth Policy in Modern Russia

The paper discusses the gender issues of leadership in the youth policy in modern Russia; it highlights the theoretical and practical levels of their analysis. The environmental and subjective factors are the subject of this paper; they determine leadership in the sphere of youth policy. The study is conducted using best practices for gender studies based on socio-constructivist methodology and on the gender-role approach of structural functionalism, using the analysis of the cognitive sphere of personality in politics and new mechanisms of socialization of youth leaders.

Youth policy is divided into state and non-state and is considered in the context of individual political leadership, its role in the solution of problems of political socialization of younger generations based on an assessment of the socio-cultural differences between men and women.

The paper draws conclusions about the importance of leadership whose consolidation is crucial for maintaining the integrity, constitutional order, and legitimacy of the system of government in modern Russia, as well as about the significance of the role of youth leaders as a special component of these processes.

Leadership appears to be a multifaceted phenomenon in a specific form and particular flavor in connection with the range of its constituent components, such as personal, organizational, socio-cultural, communicative, etc., and their gender perspective, exerting autonomous and disparate impact on leadership manifested at the level of identity problems and at that of interpersonal communication and relationships.

А. Э. УШАМИРСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ ДИСПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

Ключевые слова: диспозиции молодежи, социальный конфликт, «атомизация» молодежи, межпоколенческие различия

Key words: dispositions of the youth, social conflict, "atomization" of young people, generational differences

В статье рассматривается специфика диспозиций современной молодежи в социальных конфликтах на основе анализа результатов исследования, проведенного в Белгородской и Волгоградской областях в 2014 г., объясняются причины сравнительно редкого участия молодых людей в региональных конфликтах, связанные с «атомизацией» молодежи, низким уровнем рефлексии, усилением социального конформизма.

The paper examines the specificity of disposition of today's youth in social conflicts on the basis of the analysis of the results of a research held in the Belgorod and Volgograd regions in 2014; it explains the reasons for the relatively rare involvement of young people in regional conflicts associated with the "atomization" of young people, low level of reflection, and increased social conformism.

В научной литературе и публицистике прочно утвердилось мнение о том, что современная Россия представляет собой общество-трансформер, которое характеризуется социальной энтропией, т. е. тотальной десолидацией и неспособностью к реализации общенациональных интересов, а также суррогатной идеологией, выражающейся в перманентном кризисе идентичности и неспособности различных групп населения сохранить свои базовые ценности¹.

Крайне негативными чертами общественной жизни в стране являются: дискредитация ценностей, которые были

УШАМИРСКИЙ Алексей Эдуардович, декан юридического факультета Волжского института экономики, педагогики и права, кандидат юридических наук, доцент.

USHAMIRSKY Aleksey Eduardovich, Candidate of Juridical Sciences, Docent, Dean of the Law Department, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law (Volzhsky, Russian Federation).

© Ушамировский А. Э., 2015

бы общими, по меньшей мере, для большинства людей, ориентация граждан на свою «особую правду» и готовность отстаивать ее даже с нарушением правил и норм; социальное дезертирство, т. е. отказ выполнять роли, которые предписаны обществом (многие отцы не хотят заботиться о детях, а женщины этих детей рожать); унижение собственной истории, культуры, презрение к прошлому; общественная апатия и равнодушие; потенциальная готовность стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием; социальная сервильность (раболепность), главным признаком которой является готовность человека услужить «сильным мира сего», даже если подобное служение противоречит нормам права и морали, не соответствует общественному интересу.

В нестабильном обществе крайне востребованными являются механизмы защиты прав личности и группы, особенно если речь идет о критических ситуациях социального взаимодействия. К таким ситуациям относятся социальные конфликты, представляющие собой латентное или явное противостояние отдельных граждан или социальных групп, локализованных в рамках социального пространства, претендующих на значимые для них ресурсы и препятствующих друг другу при их приобретении и использовании. Востребованность защитных механизмов особенно наглядно проявляется среди маргинальных групп, одной из которых является молодежь, которая, согласно К. Манхейму, «ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе, она потенциально готова к любому начинанию... У молодежи еще нет закрепленных законом интересов, ни экономических, ни ценностных, имеющих у большинства взрослых людей... Эта позиция аутсайдера представляет собой, конечно, лишь возможность, которую правящие круги могут либо подавить, либо мобилизовать и интегрировать в движение»².

Сталкиваясь по мере своего взросления с множеством «антагонистических оценок», молодые люди объективно нуждаются в формировании собственной стратегии поведения в конфликтных ситуациях, в основе которой лежит их восприятие конфликта.

Исследование, проведенное нами в Белгородской и Волгоградской областях России в 2014 г. ($n = 1\ 500$), выявило, что для большинства молодых людей характерна относитель-

но низкая частота участия в конфликтах с большинством референтов. В частности, в конфликтах с соседями, по их мнению, практически ежедневно участвуют 6 % респондентов, один-два раза в месяц — 12 %; с коллегами по работе соответственно 7 и 19 %; с руководителями — 7 и 14 %; с посторонними людьми — 5 и 15 %; с представителями власти — 4 и 6 %; с работниками правоохранительных органов — 4 и 6 %. Исключение составляют конфликты со сверстниками (10 и 36 %) и особенно с родителями и родственниками (19 и 31 %), т. е. с самыми, казалось бы, близкими людьми, в ходе взаимодействия с которыми преимущественно формируется социальный капитал личности.

Ситуация только на первый взгляд представляется парадоксальной. Относительная редкость конфликтов за пределами круга сверстников и особенно семейно-родственной среды связана с тем, что большая часть молодежи сознательно или неосознанно сокращает контакты с референтами, если только они не обусловлены профессиональной деятельностью, в том числе учебной. Происходит «атомизация» молодежи. Под этим следует понимать сосредоточенность сознания молодого человека на узко эгоистических, максимально упрощенных интересах, акцент в жизнедеятельности на утилитарные стереотипные практики и, как следствие, сведение межличностных контактов к чисто формальным взаимоотношениям и связям. «Атомизация» в качестве необходимой предпосылки предполагает упрощение, примитивизацию поведенческих реакций. Сознание и поведение молодых людей отныне становятся не просто утилитарно-практическими, а, если использовать терминологию эпохи современных информационно-компьютерных технологий, отформатированным по одному образцу³.

Огромную роль в этом играют электронные средства массовой информации и социальные сети, целенаправленно формирующие человека-потребителя с доведенными до примитивизма реакциями и несформированными навыками саморефлексии. А. С. Запесоцкий, в частности, пишет: «Телевидение не информирует зрителя о реальности, а дает ее собственную интерпретацию, более того, создает в сознании аудитории иную реальность — это производство, фабрика смыслов»⁴. Он особенно подчеркивает в связи с этим негативное влияние рекламы, под воздействием которой понятие

«уметь жить» начинает сводиться для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой»⁵.

Одним из следствий подобного упрощения является стремление избегать конфликтов в ситуациях, когда не затронуты личные потребности молодого человека, особенно в тех случаях, когда дело касается отвлеченных (по его мнению) понятий, таких как общественный интерес, социальный порядок, общественный прогресс, общественные обязанности, ответственность. В этом случае позиция большей части молодых людей точно определяется сленговой формулой «все фиолетово». Следовательно, нет смысла вступать в противоборство с теми, кто занимает и отстаивает противоположные взгляды. Противоборство возможно и даже желательно только в том случае, когда затронуты материальные интересы, вероятен вред своему здоровью либо существует возможность упустить шанс на повышение собственного статуса.

Диспозиция радикально меняется лишь применительно к относительно узкому социальному пространству, ограниченному семьей и сверстниками. Здесь убеждения приобретают атрибут ценности и становятся значимыми для того, чтобы за них бороться. В этом случае начинает играть роль то обстоятельство, что в развитии молодежи, как и большинства других групп российского общества, важны семейные, родственные и дружеские связи, которые конвертируются в ресурсы личности. Все, что остается за их рамками, становится относительно малоценным в содержательном отношении. В результате в молодежной среде утверждается модель формирования социального капитала, основанная на принципе групповой сплоченности, одним из значимых негативных следствий которой является противопоставление «своих» и «чужих». Утверждается контрастное восприятие реальности, лишенное полутонов и нюансов. При этом главными источниками конфликтов, по мнению респондентов, становятся: противоположность убеждений (46 %), борьба за справедливость (40 %), защита прав личности (32 %). Заметно реже конфликты возникают по поводу раздела ресурсов (19 %), распределения ролей (19 %), отстаивания идеалов (18 %), защиты слабых (17 %), защиты чести и достоинства (11 %).

Полученные результаты дают основание предполагать, что в последнее время актуализируется проблема межпоколенных противоречий, так называемого «конфликта поколений». Так, Л. Н. Цой считает, что «в последние годы развития российского общества мы имеем дело с трансформацией отношений молодого поколения к старшему: из традиционно почтительного в нетрадиционное осуждающее, порицающее, отвергающее, в лучшем случае абсолютно безразличное. Эта проблема особенно актуальна сегодня в России»⁶. П. И. Бабочкин писал, что «межпоколенческие взаимоотношения в современной российской действительности проявляются как противоречивый и динамичный процесс, неравномерно протекающий в различных сферах жизнедеятельности общества в целом и на уровне разных социальных общностей и групп»⁷. Однако межпоколенные различия в России не переросли (и не могли перерасти) в массовые открытые конфликты. Но они трансформировались в отношения отчуждения и конфликтные ситуации на микроуровне — в семье, соседской общине.

Если опираться на полученные нами данные, то становится очевидным, что большинство конфликтов, в которые включена молодежь, носит социокультурный характер. Но, как правило, такие столкновения ограничиваются семейно-родственным и соседским окружением. Именно здесь реализуется конфликтный потенциал молодежи, что, с одной стороны, может оцениваться весьма позитивно, поскольку микросоциальные конфликты существенно не угрожают стабильности социума в целом. С другой стороны, разногласия на этом уровне далеко не всегда способны вести к решению проблем, тем более тех, причины которых затрагивают некоторые фундаментальные устои общества. Молодые люди в конкретной ситуации могут не представлять себе зависимости вопросов, по которым они вступают в противоборство с окружающими, от хода развития макросоциальных процессов. Но неполное решение личных жизненных проблем в перспективе способно привести к глубоким социальным кризисам, значительно более разрушительным, чем негативные последствия локальных конфликтов.

Подобную возможность нельзя переоценивать, поскольку современная молодежь в российских регионах в конфликтах ориентирована на стратегию достижения компромисса. При-

зная конфликты в целом нормальным явлением (только 25 % опрошенных молодых людей считают их нежелательными), 49 % в ходе конфликта предпочитают договариваться с оппонентами. Только 24 % готовы любой ценой добиваться своего; 11 % предпочитают стратегию уступок. Следовательно, молодежь в основной своей массе не склонна к радикальным решениям. Однако она способна быть весьма последовательной и, как полагают ее представители, успешной в отстаивании своих интересов. В ходе нашего исследования 61 % молодых людей заявили, что им обычно удается достичь в конфликтах желаемых результатов, при этом они обычно не склонны прибегать к чьей-либо помощи; 46 % участников опроса в конфликтных ситуациях старались отстаивать свои интересы сами. Только 24 % обращались к помощи друзей и знакомых. Примечательно, что уверенность в себе рассматривают в качестве главного средства защиты личных прав в конфликте 59 % респондентов.

Поведение молодых людей в ходе конфликта является вполне адекватным доминирующим в их среде индивидуалистическим и одновременно прагматическим установкам, что не раз отмечалось в научной литературе. Распространение индивидуализма и прагматизма вполне логично ведет к «акцентированию ориентации преимущественно на собственные силы... пониманию и личных достижений как результата собственных усилий»⁸.

В результате конкретный молодой человек в конфликтных ситуациях все более оформляется как автономный, предельно самостоятельный субъект. Однако при этом он, как правило, недостаточно владеет технологиями разрешения конфликтов, что существенно снижает его шансы на реализацию успешной стратегии. В свою очередь данное обстоятельство нередко становится поводом для отказа от рационально выстроенных моделей поведения, стимулирует обращение к аффективным и довольно часто агрессивным действиям, оправдание которым молодые люди находят в экстремистских идеях. Утверждается иррациональная модель поведения, не основывающаяся на учете возможных потерь и выгод, на анализе следствий. Иррациональное поведение крайне негативно влияет на способности молодых людей к рефлексивному освоению действительности и делает их подверженными манипуляциям в ситуациях противоборства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Локосов В.В., Шульц В.Л. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты). М., 2008. 165 с.; Ильин М.В., Коневец А.С., Шишковец М.А. Управление: государство, политика, безопасность. М., 2006. 336 с.; Возьмитель А.А. Духовная безопасность: социологический анализ // Мир России. 2006. Т. XV. № 2. С. 147—159.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. С. 444—446.

³ См.: Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС. 2010. № 1. С. 109—115.

⁴ Запесоцкий А.С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. 2011. № 11. С. 11.

⁵ Там же. 2011. С. 12.

⁶ Цой Л.Н. В контексте конфликтологии: конфликт поколений. URL: <http://conflictmanagement.ru/spetsifika-konflikta-pokoleniy-v-rossii> (дата обращения: 16.01.2015).

⁷ Молодежь-97: надежды и разочарования. М.: НИЦ при Ин-те молодежи, 1997. С. 38.

⁸ Петров А.В. Социальные практики молодежи: механизмы структурирования и идентификации // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2006. № 3. С. 129.

Поступила 31.08.2015.

**A. E. Ushamirsky. Features of Disposition
of the Youth in Social Conflicts**

Modern Russia is an unstable society. An unstable society urgently needs mechanisms to protect the rights of an individual and a group, especially when it comes to critical situations of social interaction. Such situations include social conflicts, representing a latent or an apparent confrontation of individual citizens or social groups, localized in social space and competing for resources significant for them trying to prevent each other from acquiring and using such resources.

The youth is among the groups with significant conflict potential due to their status. However, in modern Russia, young people rarely come into conflict. The reasons for this lie in the specificity of the dispositions of young people. These include the “atomization” of the youth environment, focus on simplified forms of world perception and behavior, lack of reflection, pragmatism and uncertainty in the capacity to defend their interests due to lack of ability to resolve conflicts, set on the transfer of conflict situations to the microenvironment level.

**Я. М. АХМЕТОВА,
Л. К. МУХАМЕТЗЯНОВА,
Р. Р. ХИЗБУЛЛИНА**

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
И САМООЦЕНКА
МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА¹**

Ключевые слова: выбор профессии, профессиональная самооценка, самоопределение, молодежь, образование

Key words: career choice, professional self-esteem, self-determination, youth, education

В статье рассмотрены особенности профессионального самоопределения и самооценки молодежи Республики Татарстан в современных условиях. На эмпирическом уровне выявлена оценка учащейся молодежью выбранного учебного заведения, определены причины выбора вуза, оценена удовлетворенность респондентов качеством образования. Предложен вектор совершенствования профессионального самоопределения и самооценки учащейся молодежи в Республике Татарстан.

The paper discusses the peculiarities of professional self-determination and self-esteem of the youth in the Republic of Tatarstan in modern circumstances. At the empirical level, the students' assessment of the educational institution they chose is identified, as well as the reasons for choosing a particular university. Respondents' satisfaction with the quality of education is also assessed. The paper proposes a vector for perfecting

АХМЕТОВА Язглем Мубаракшевна, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета, кандидат филологических наук.

МУХАМЕТЗЯНОВА Лилия Касымовна, главный специалист научно-организационного отдела Академии наук Республики Татарстан, кандидат биологических наук.

ХИЗБУЛЛИНА Радмила Радиковна, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета, кандидат социологических наук.

АХМЕТОВА Yazglem Mubarakshевна, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation).

МУХАМЕТЗЯНОВА Liliya Kasymovna, Candidate of Biological Sciences, Chief Specialist at the Scientific and Organizational Department, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation).

KHIZBULLINA Radmila Radikovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russian Federation).

© Ахметова Я. М., Мухаметзянова Л. К., Хизбуллина Р. Р., 2015

professional self-determination and self-esteem of students in the Republic of Tatarstan.

В современных условиях развития социума молодежь является важным стратегическим ресурсом, который играет одну из ведущих ролей в развитии института экономики, политики, образования и т. д. Представляя собой объект и субъект социализации, современная молодежь активно инициирует инновационные векторы развития социума в целом и социальных систем в частности.

Рассматривая институт образования как системную единицу в процессе профессионального становления молодежи, стоит отметить, что его функции уникальны. Известно, что процесс профессионального самоопределения интегрирует компоненты профессионального самосознания: формирование системы социально-профессиональных установок и ценностей, развитие навыков моделирования собственного будущего, а также удовлетворение от выбранной профессии и ее положительная оценка в структуре самосознания личности. Здесь следует обратить внимание на следующее. Во-первых, учащаяся молодежь уже сегодня формирует для себя образ профессионального будущего и несет функцию социально-профессионального воспроизводства. Во-вторых, как и любая социальная группа, молодежь имеет собственные оценки и установки, которые не всегда совпадают с фактическим состоянием образовательных реалий высшей школы.

В рамках понимания учащейся молодежи как стратегического социального ресурса проблема ее профессионального самоопределения становится наиболее актуальной. Особый интерес представляет вопрос о самооценке в системе подготовки молодежи к особенностям и образу будущей профессии. По мере развития социума проблема профессионального становления и самоопределения молодежи все более усложнялась. Р. С. Немов, Д. А. Яценко профессиональное самоопределение и самооценку молодежи обозначают как сознательный выбор человеком профессии, т. е. считают его однократным явлением², в то время как В. Б. Шапарь полагает, что профессиональное самоопределение является процессом, охватывающим весь период профессиональной деятельности личности: от возникновения профессиональных намерений, профессионального обучения до выхода из трудовой деятельности³.

Особенности высшей школы как социализирующего пространства изучают Ю. Р. Хайруллина, Р. Р. Хизбуллина, актуализируя необходимость рассмотрения конкурентоспособной среды на основе знаний⁴. Сущность профессионального выбора и оценки как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения рассматривает Н. С. Пряжников⁵.

Несмотря на наличие в отечественной социологии и социальной психологии работ, связанных с выявлением профессионального самоопределения и установок молодежи, важно изучить особенности проектирования собственного профессионального будущего с точки зрения оценки образа выбранной профессии (специальности) современной молодежью на региональном уровне⁶.

В рамках определения особенностей самооценки к профессиональной подготовке выбранной профессии учащейся молодежи в Республике Татарстан авторским коллективом в 2014—2015 гг. было проведено социологическое исследование «Проблема выбора профессии и отношение к образованию у молодежи (на примере Республики Татарстан)» с участием 1 тыс. чел. из числа студентов вузов Татарстана в возрасте от 17 до 23 лет.

В целом исследование позволило определить, что выбранное учебное заведение полностью соответствует ожиданиям большей части учащейся молодежи (46 %). Частично оно удовлетворяет 41 % опрошенных. Однако стоит обратить внимание, что при положительных оценках учащихся выбранного ими образовательного учреждения 12 % дают оценку несколько ниже ожидаемой («частично соответствует» — 8 %, «совершенное не соответствует ожиданиям» — 4 %) (рис. 1).

В результате опроса были также определены причины выбора респондентами получаемой профессии. Большая часть молодежи сделала свой выбор в пользу желаемой профессии самостоятельно (53 %), 24 % указали на совместное решение с родителями, 14 % последовали выбору родителей, 5 % руководствовались при выборе профессии мнениями знакомых и друзей. Ответ «Другое» дали 10 % опрошенных (рис. 2).

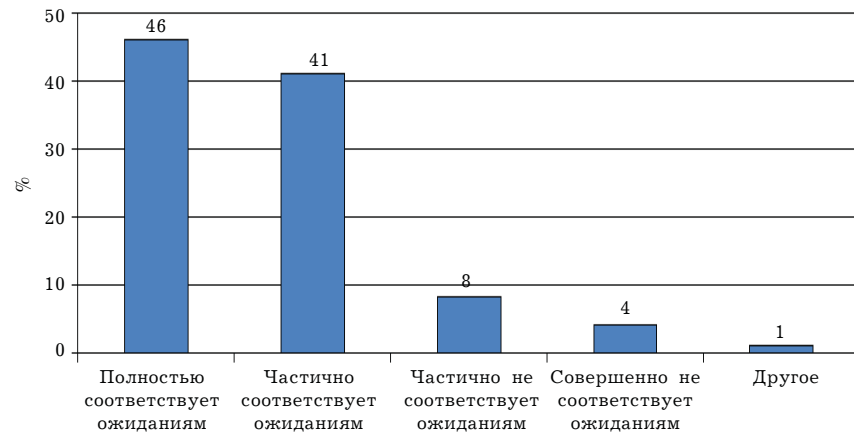

Рис. 1. Оценка респондентами выбранного учебного заведения, % к опрошенным респондентам

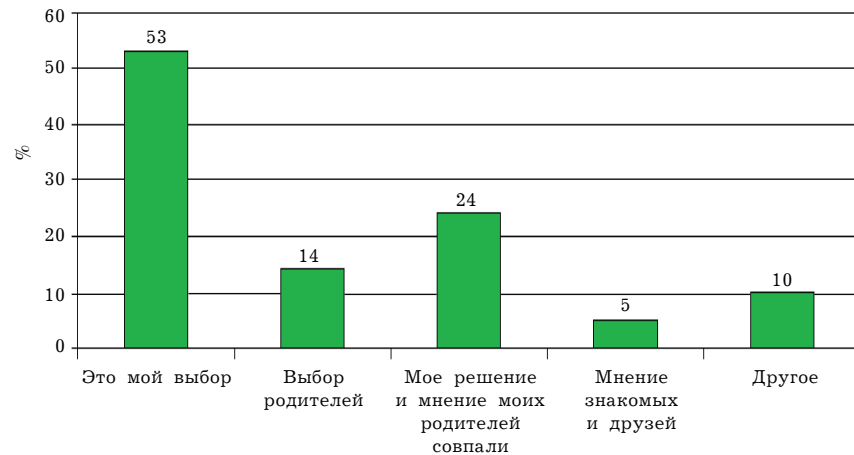

Рис. 2. Причины выбора респондентами получаемой профессии, % к опрошенным респондентам

В результате опроса учащихся выявлено, что большая часть («да» — 53 %, «скорее да, чем нет» — 32 %) удовлетворена качеством образования в своем учебном заведении. Недовольство высказали 13 % учащихся. Только 2 % затруднились с ответом (рис. 3).

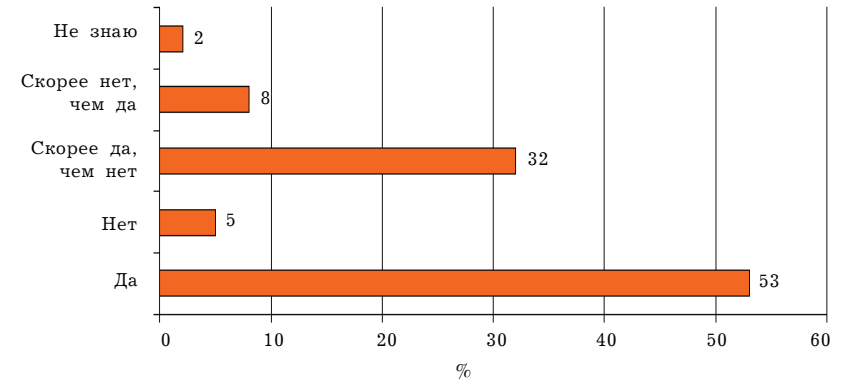

Рис. 3. Удовлетворенность респондентов качеством образования в своем учебном заведении, % к опрошенным респондентам

Помимо общей удовлетворенности учебным процессом в системе профессионального самоопределения и самооценки, учащиеся должны осознавать связь дисциплин и их содержание с будущей выбранной профессией. Выявлено, что лишь в некоторых учебных заведениях (УЗ) опрошенные студенты полностью понимают связь содержания дисциплин с профессией и уверены в своем выборе (УЗ № 1 — 78 %, УЗ № 2 — 62 %, УЗ № 3 — 58 %). Студенты из числа опрошенных в УЗ № 4 (55 %), УЗ № 5 (47 %) и УЗ № 6 (47 %) в большей степени имеют общее представление о связи дисциплин с сущностью профессии. Существенное внимание обращают на себя цифры, связанные с сомнениями студентов в правильности своего выбора относительно профессии. В результате опроса определено, что более всего сомневаются в правильности профессионального выбора (21 %) студенты УЗ № 1, УЗ № 2 (11 %). Меньше всего высказывают сомнения в своем выборе студенты УЗ № 3 (5 %).

Образовательный процесс в вузе помогает оценить свои индивидуальные способности и раскрывать их в учебном процессе, по мнению большей части респондентов (45 %). Около трети респондентов (27 %) считают, что индивидуальные способности могут быть раскрыты только в практической деятельности после окончания вуза. Несмотря на высокую удовлетворенность респондентов качеством образования,

12 % молодежи трудно раскрыть индивидуальные способности при существующей организации учебного процесса, что приводит их к мнению о том, что раскрытие способностей во время обучения не определяет успех профессиональной деятельности в будущем (12 %) (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы, что образовательный процесс способствует раскрытию и реализации Ваших индивидуальных способностей?», % к опрошенным респондентам

Многие учащиеся (80 %) считают, что выбранная профессия (по получаемому образованию) соответствует их интересам и способностям («полностью соответствует» — 46 %, «скорее соответствует» — 34 %). Отрицательную оценку тому, что будущая профессия (по получаемому образованию) не соответствует интересам и способностям респондентов, дали 12 % («нет, совершенно не соответствует» — 6 %, «скорее не соответствует» — 6 %). Менее 10 % опрошенных полагают, что это соответствие оценить сложно (7 %) (рис. 5).

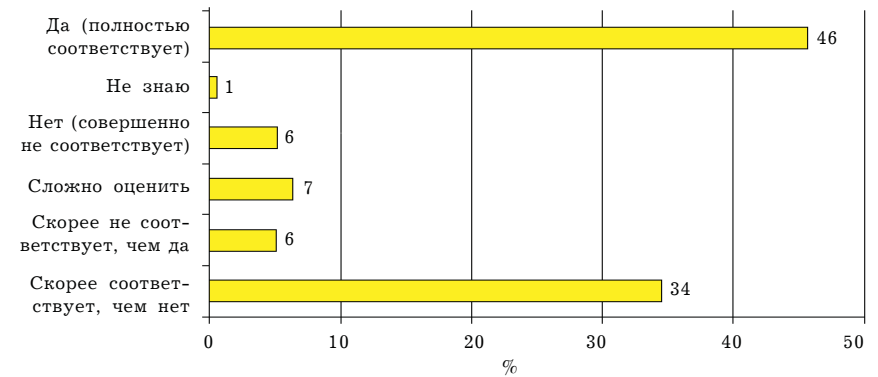

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, Ваша будущая профессия (по получаемому образованию) соответствует Вашим интересам и способностям?», % к опрошенным респондентам

Отвечая на вопрос «Ваши действия, если была бы возможность изменить выбор профессии», значительная часть учащейся молодежи (68 %) отметила, что ничего бы не изменила; существенно меньший процент опрошенных (17 %) указал, что сделал бы выбор в пользу другой профессии; выбрали бы другое учебное заведение 11 %. Всего 3 % предпочли вариант ответа «Другое» (рис. 6).

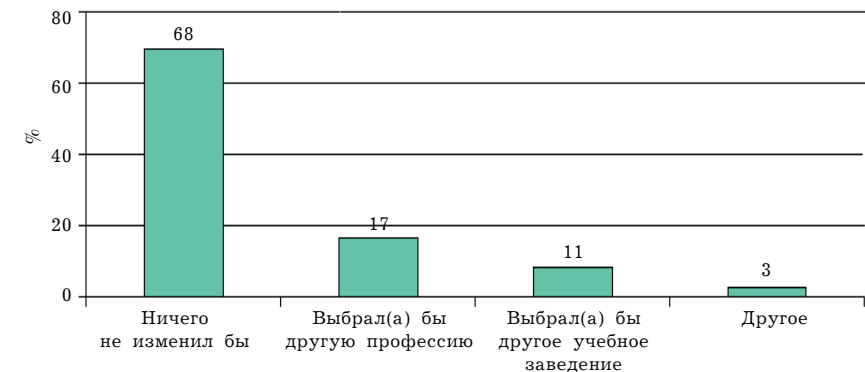

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Ваши действия, если была бы возможность изменить выбор»

Таким образом, рассмотрев аспекты особенностей профессионального самоопределения на эмпирическом уровне, можно сделать некоторые выводы.

На основании оценки профессионального самоопределения, престижа профессии и содержания ее освоения учащаяся молодежь в целом положительно оценивает выбранную профессию. Установлено, что на профессиональное самоопределение молодежи оказывают влияние социальные условия и содержание профессионального обучения в вузе. Направлениями совершенствования самореализации в рамках образовательного процесса можно назвать увеличение количества студенческих конкурсов, олимпиад, форумов и др.

Проблемный характер носят присущие профессиональной сфере сложность и динамичность, которые, как показывает исследование, вызывают у учащейся молодежи неточные представления о содержании профессии и связи с ним преподаваемых дисциплин, что обуславливает проблему получения работодателем «на выходе» молодого специалиста с другим вектором ожиданий. Знания о ситуации и обстоятельствах, с которыми придется столкнуться выпускникам вузов на рынке труда, в настоящее время также весьма расплывчаты. На этом этапе необходимо проводить дополнительную работу по профессиональной ориентации и самоопределению, которая должна носить систематизированный характер.

В целом ожидания и представления молодежи о будущей профессии, самостоятельная оценка ими качества обучения могут быть повышены путем проведения локальных и региональных мероприятий по увеличению престижа выбранной профессии и детального знакомства с ее сущностью и содержанием в рамках практической подготовки и интеграции с производством. В будущем для получения уточненных данных о профессиональной оценке и самоопределения учащейся молодежи необходимы: проведение цикла исследований в регионе, формулировка методических и реализация практико-ориентированных мероприятий для молодежи Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено в рамках поддержанного РГНФ и Правительства Республики Татарстан научного проекта № 14-13-16003 «Проблема

выбора профессии и отношение к образованию у молодежи (на примере Республики Татарстан)».

² См.: Немов Р.С., Яценко Д.А. Пути методологического анализа современных теорий личности // *Совр. соц. психология: теор. подходы и приклад. исслед.* 2012. № 4. С. 5—14.

³ См.: Шапарь В.Б. *Новейший психологический словарь.* Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 395.

⁴ См.: Хайруллина Ю.Р., Хизбуллина Р.Р. Социализация личности молодого специалиста в современном образовательном пространстве // *Регионология.* 2010. № 1. С. 149—154.

⁵ См.: Пряжников Н.С. *Профессиональное самоопределение. Теория и практика.* М.: Академия, 2008. 320 с.

⁶ См.: Ахметова Я.М., Мухаметзянова Л.К. Факторы влияния на выбор профессии у старшеклассников (на примере Республики Татарстан) // *Теория и практика общественного развития.* 2014. № 19. С. 28—30.

Поступила 23.11.2015.

Ya. M. Akhmetova, L. K. Mukhametzyanova, R. R. Khizbullina. Professional Self-Determination and Self-Esteem of the Youth in a Region

The paper discusses the peculiarities of professional self-determination and self-esteem of the youth in the Republic of Tatarstan in modern circumstances. At the empirical level, the students' assessment of the educational institution they chose is identified, as well as the reasons for choosing a particular university. Respondents' satisfaction with the quality of education is also assessed. The paper proposes a vector for perfecting professional self-determination and self-esteem of students in the Republic of Tatarstan.

The study determined that professional self-determination of the youth is influenced by social conditions and the content of professional learning in the university therefore the increase in the number of student contests, competitions, forums, etc. can be the means of perfecting self-fulfillment within the educational process.

Complexity and dynamism inherent in the professional field is of problematic nature which, as the research shows, evokes inaccurate conceptions of the content of a job and its connections with disciplines from students. This leads to the problem that the employer gets a young graduate with a different direction of expectations.

Currently, rather vague is knowledge about the situation and circumstances that graduates will face when entering the labour market. Further work on vocational guidance and determination is needed, which must be systematic rather than occasional.

Т. М. ДАДАЕВА

КОНФЛИКТЫ В МОЛОДЫХ ГОРОДСКИХ СЕМЬЯХ

Ключевые слова: молодая семья, конфликт, уровень конфликтности, источники и факторы конфликтности, молодые супруги, мужчины, женщины
Key words: young family, conflict, level of proneness to conflict, sources and factors of proneness to conflict, young spouses, men, women

На основе эмпирических данных социологических исследований анализируются источники и причины конфликтов в молодых семьях г. Саранска, формы разрешения спорных ситуаций, устанавливаются факторы, оказывающие влияние на уровень конфликтности молодых супругов, выявляются показатели (пол, этничность, уровень образования), определяющие ответы респондентов.

Basing on the empirical data of sociological research, the paper analyzes the sources and causes of conflicts in young families in the city of Saransk as well as the forms of conflict resolution. The paper identifies the factors influencing the level of proneness to conflict among young couples it identifies the indicators (gender, ethnicity, level of education) that determine the respondents' answers.

Молодая семья выступает социальным институтом, в котором происходит становление супружеских отношений, распределение гендерных ролей и их усвоение супругами. Характер внутрисемейных отношений зависит от социального статуса семьи, ее состава и жизненного цикла, уровня образования и возраста членов семьи, степени их эмоциональности, уровня интеллекта и способности к открытому общению и т. д. В условиях демографического кризиса, падения рождаемости, увеличения количества разводов и

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

DADAIEVA Tatiana Mikhailovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Дадаева Т. М., 2015

сознательств актуальным представляется исследование конфликтов в молодых семьях.

Семью как социальный институт и его трансформацию, этапы развития семьи изучали А. И. Антонов, М. Ю. Арутюнян, Т. А. Гурко, Е. А. Здравомыслова, Т. Б. Карцева, О. В. Кучмаева, Е. А. Марыганова, М. С. Мацковский, Л. И. Савинов, П. А. Сорокин, А. А. Темкина, А. Г. Харчев, Ж. В. Чернова и др. Особенности гендерного разделения труда в современной семье отражены в работах Е. С. Балабановой, Л. П. Богдановой, Т. М. Дадаевой, С. Н. Варамова, С. И. Голода, Н. М. Давыдовой, И. Ф. Дементьева, Л. В. Карцевой, Т. С. Лыткиной. Аспекты семейных конфликтов представлены в трудах А. Я. Анцупова, С. М. Емельянова, Н. В. Казариновой, А. Ф. Мустаевой, А. И. Шипилова, В. А. Сысенко и др.

Как правило, наиболее кризисный период в жизни семей — это первый год супружеской жизни, когда происходит адаптация супругов друг к другу. Т. Б. Карцева, оценивая брак как «одно из поворотных событий в жизни человека», указывает на изменение всей ситуации развития личности, что ведет к смене ролей, которые человеку приходится играть, изменению круга лиц, включенных во взаимодействие с ним, спектра решаемых проблем и образа его жизни¹. Именно в этот период велика вероятность разводов.

Второй кризисный период связан с появлением детей, так как их рождение для многих молодых семей является серьезным испытанием. Здесь возможны столкновения взглядов супругов и их родителей по вопросам воспитания. Молодая семья как раз формируется на этих двух этапах, поскольку в качестве основания для определения молодой семьи выступает семейный стаж (количество прожитых совместно лет) и возраст супругов.

Молодая семья — это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей — без ограничения продолжительности брака), в которой оба супруга не достигли 35-летнего возраста².

Под *супружеским семейным конфликтом* понимают столкновение противоположно направленных взглядов, мотивов и интересов супругов. Необходимо отметить, что не всякий супружеский конфликт имеет отрицательное значение. Есть конфликты, помогающие супругам выработать единые по-

зиции по спорным вопросам, узнать и учесть потребности и интересы друг друга. Конечно, лучший способ разрешения супружеских конфликтов — это предупреждение их возникновения³.

Предлагаемая вниманию читателей статья основана на результатах социологического исследования «Внутрисемейные конфликты в молодых семьях», проведенного нами в марте 2015 г. Было опрошено 114 чел. (50,0 % мужчин и 50,0 % женщин) г. Саранска.

Целями исследования были определение факторов (источников) и причин конфликтов, выявление основных показателей, влияющих на уровень конфликтности в семье.

Структура выборочной совокупности была представлена по:

— национальному составу: русскими (63,2 %), мордвой (23,7 %), татарами (13,2 %);

— уровню образования: имеющими среднее неполное (8—9 классов) (0,9 %), среднее полное (10—11 классов) (4,4 %), среднее профессиональное (техникум, колледж) (36,0 %), неоконченное высшее (16,7 %), высшее (42,1 %) образование;

— семейному статусу: состоящими в браке (81,6 %), живущими гражданским браком (сожительством) (18,4 %);

— длительности брака: состоящими в браке менее 1 года (34,3 %), до трех лет (24,3 %), более трех, но менее пяти лет (20,0 %), до семи лет (11,4 %), более десяти лет (2,9 %);

— числу детей: имеющими одного ребенка (30,0 %), двух (5,7 %) и трех (4,3 %) детей и неимеющими детей (60,0 %).

Особое влияние на состояние семейных отношений оказывает материально-экономический фактор. Одна из гипотез исследования определяла материальный уровень семьи как один из факторов конфликтности. Исследование показало, что в семьях со средним и высоким материальным достатком (более 14 тыс. руб. на члена семьи) конфликты возникают редко, так ответило 77,0 % семей. Соответственно, в семьях со среднедушевым доходом ниже (7 тыс. руб.) конфликтные ситуации случаются часто (56,0 %). Ухудшение материального положения большинства семей, изменение социального статуса ее членов, сдвиги в иерархии ценностей общества и личности и многие другие причины приводят к снижению уровня удовлетворенности семейной жизнью, следовательно, к росту конфликтных ситуаций в семье. Брачно-семейные

отношения отражают как положительные, так и отрицательные аспекты состояния общества⁴.

Среди молодых пар, проживающих с родителями или другими родственниками, 33,0 % отметили, что раздоры возникают часто; 67,0 % высказались, что конфликтуют редко. Такой фактор, как проживание молодой семьи с родителями, не оказывает большого влияния на уровень конфликтности в семье. С другой стороны, данные социологических исследований показали важность материальной помощи родителей в молодых семьях: 11,0 % супругов не смогли бы прожить без нее; 20,0 % стали бы хуже питаться и одеваться; 21,0 % пришлось бы периодически брать деньги, чтобы дожить до следующей заработной платы, стипендии⁵.

Большинство респондентов (62,9 %) ответили, что они редко конфликтуют со своим(-ей) супругом(-ой), часто приходится спорить 34,2 % респондентов. Не конфликтуют лишь 2,9 % опрошенных семей. Гипотеза о том, что в большинстве молодых семей происходят конфликты, но не часто, подтвердилась.

Молодые супруги, мужчины и женщины, выделяют разные причины конфликтов (табл. 1). Они имеют четкую гендерную маркированность, в основе которых лежат гендерные стереотипы, связанные с традиционными ролями мужчины и женщины в обществе: мужчина — добытчик, женщина — хранительница домашнего очага. С одной стороны, структурные перемены, происходящие в российском обществе с 90-х гг. XX в., вызвали усиление гендерной асимметрии — неравенства в социальных статусах мужчин и женщин в обществе, с другой — в России за годы реформ мужчины и женщины демонстрируют новые гендерные практики, отказываясь от условностей и стереотипов⁶. Во многом отказ от традиционных гендерных стереотипов в семье может стать причиной конфликта. Для большинства мужчин наиболее частыми причинами конфликтов выступают неумение вести домашнее хозяйство (20,3 %), бытовые неурядицы (19,3 %), наличие вредных привычек (15,1 %), желание показать «кто в доме хозяин» (9,3 %), вмешательство в семейную жизнь близких родственников (7,7 %). Для женщин главными причинами являются: недостаток внимания со стороны супруга (15,3 %), бытовые неурядицы (14,7 %), наличие у мужа вредных привычек (11,6 %), нежелание помогать в домаш-

них делах (10,9 %), желание показать кто в доме хозяин (8,1 %), низкая материальная обеспеченность семьи (7,3 %). К сожалению, среди молодых семей есть и такие, в которых конфликты возникают из-за рукоприкладства, эту причину отметили 2,2 % респондентов-женщин (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов об основных причинах конфликтов в зависимости от пола респондентов, %

Вариант ответа	Пол респондента	
	мужской	женский
Неумение вести домашнее хозяйство	20,3	2,2
Бытовые неурядицы	19,3	14,7 (2)
Вредные привычки	15,1	11,6 (3)
Желание показать кто в доме хозяин	9,3	8,1 (5)
Вмешательство в семейную жизнь близких родственников	7,7	5,2
Несовпадение взглядов по поводу проведения досуга	7,1	2,8
Низкая материальная обеспеченность семьи	5,4	7,3 (6)
Неумение правильно распоряжаться денежными средствами	5,4	3,8
Разные подходы к воспитанию детей в семье	4,5	5,8 (7)
Религиозный аспект	3,8	3,8
Нежелание помогать в домашних делах	0	10,9 (4)
Недостаток внимания со стороны супруга(-ги)	0,7	15,3 (1)
Неучастие в воспитании детей	0	2,8
Нежелание работать, приносить деньги в дом	0,7	2,8
Рукоприкладство	0	2,2
Другое (напишите)	0	0
Затрудняюсь ответить	0,7	0,7

Е. С. Калмыкова, говоря о проблемах первых лет супружеской жизни, указывает, что первые год-два совместной жизни — это время формирования индивидуальных стереотипов общения, согласование систем ценностей, выработка общей поведенческой линии. В этот период происходят: взаимное приспособление супругов, поиск такого типа взаимоотношений, которые удовлетворяют обоим. На этом этапе формируется структура семьи, распределяются функции (роли) между мужем и женой, вырабатываются общие семейные ценности⁷. Для молодой семьи до рождения детей наиболее характерны трудности выработки своего семейного уклада, разочарование друг в друге как результат более глубокого узнавания, конфликты по поводу распределения функций, проблемы во взаимоотношениях с родственниками, материальные и экономические проблемы.

Частым инициатором конфликтов, по мнению 31,4 % опрошенных, выступает их вторая половинка; 25,7 % молодых людей ответили, что обычно они сами провоцируют конфликт, если им что-то не нравится; 5,7 % затруднились ответить. Большинство опрошенных считают, что конфликт провоцируется обоими супругами в равной степени — 37,1 %, т. е. подтвердилась гипотеза, что инициаторами конфликта в большинстве молодых семей выступают оба супруга.

Мы предположили, что в полиэтнических семьях одной из причин конфликтов могут служить различные религиозные верования супругов. Эту причину возникновения спорной ситуации отметили 71,0 % супругов, состоящих в полиэтническом браке, 29,0 % молодых людей ответили, что у них не возникает конфликтов по этому поводу.

Большинство мужчин и женщин ответили, что конфликты в их семьях не затягиваются на продолжительное время (87,0 и 76,0 % соответственно). Это говорит о том, что молодые супруги умеют конструктивно и быстро разрешать возникающие конфликты. Многие респонденты (78,6 %) (суммарный ответ) не могут долгое время после ссоры не разговаривать со своим(-ей) супругом(-гой). Только небольшая часть молодых супругов допускает возможность долгой размолвки со своей половиной в постконфликтный период (21,4 %). У большинства респондентов (47,1 %) самый длительный период ссоры не составил более одного дня, несколько дней могут ссориться 34,3 % опрошенных, у 7,1 % самый длительный период конфликта составил неделю и месяц, 2,9 % — две недели и только у 1,4 % супругов разлад может продолжаться более месяца.

В ходе опроса мы попытались выяснить факторы, которые в наибольшей степени, по мнению респондентов, влияют на уровень конфликтности в семьях. Женщины выделяют различия в интересах и взглядах (31,0 %), совместное проживание с родителями одного из супругов (16,0 %), низкое материальное положение в семье (14,0 %), психологическую несовместимость (13,0 %), разный уровень образования и воспитания супругов (11,0 %). Среди мужчин и женщин самыми распространенными являются различия в интересах и взглядах супругов (26,0 %), ревность одного из супругов (24,0 %), а также нетерпимость к привычкам и увлечениям супруга(-ги) (18,0 %) и дисгармония в сексуальной жизни

(17,0 %). Менее важным фактором конфликтности мужчины считают низкое материальное положение в семье (6,0 %). Интересно, что материальные трудности, по мнению мужчин, практически не оказывают влияние на конфликтность в молодых семьях. В то же время, по мнению женщин, материальные трудности, являются причиной раздоров в семье.

Как видим, главным фактором конфликтности выступают различия в интересах и взглядах супругов, которые напрямую связаны с тем, что слова, оценки, поступки одного супруга не совпадают с ожиданиями другого, резко расходятся с ними или противоречат им, что неминуемо приводит к внутрисемейному конфликту. Проведенный опрос подтвердил гипотезу о том, что конфликты в молодых семьях редко затягиваются на продолжительное время. Несомненно, положительным для отношений молодых супругов является то, что они способны разрешать конфликты на начальной стадии и не затягивать их на продолжительный срок.

Женщин больше, нежели мужчин, волнует, что муж задерживается на работе или трудится в выходные дни (табл. 2). Это, по их мнению, может быть причиной конфликтной ситуации в их семье, связанной с неудовлетворенностью потребности во внимании, заботе со стороны супруга.

Таблица 2

Распределение ответов о влиянии на уровень конфликтности в семье того, что один из супругов часто перерабатывает, задерживается на рабочем месте, работает в выходные, в зависимости от пола респондентов, %

Пол	Да, влияет	Скорее да	Скорее нет	Нет, у нас не возникало конфликтов по этому поводу
Женский	24,7	36,8	15,7	22,8
Мужской	19,2	22,8	33,3	24,7

В ходе опроса мы узнали мнение респондентов о том, как влияет на уровень конфликтности чувство любви. Большинство молодых супругов считают, что если два человека любят друг друга, то конфликтов в семье будет меньше (41,4 %). Вместе с тем 18,6 % респондентов отметили, что любовь на конфликтность в семье никак не влияет, а 31,4 % сказали, что все зависит от конкретного человека. Затруднились ответить на этот вопрос 8,6 % супругов. Половина респондентов

оценивает свои отношения с супругом(-гой) как хорошие, 41,0 % — как очень хорошие; 2,9 % опрошенных считают свои отношения не очень хорошими, 4,3 % — плохими.

Респондентам был задан вопрос о том, каким образом они чаще всего разрешают конфликтные ситуации в семьях. Большинство женщин (35,0 %) привыкли делать это путем нахождения компромисса, 28,0 % ответили, что часто конфликты в их семьях не находят решения и через некоторое время локализуются сами собой. Чуть меньше четверти женщин (21,0 %) первыми идут мириться с супругом; 10,5 % женщин ответили, что в их семье так поступает супруг. По мнению 5,5 % женщин, в решении конфликтных ситуаций им помогает помощь родных и друзей.

Самым популярным способом разрешения конфликтов в семье у мужчин (33,0 %) также является нахождение компромисса с супругой. Чуть больше четверти (27,0 %) считают, что спорные ситуации в их семье не находят решения, 23,0 % идут мириться со второй половинкой первыми. Еще 7,0 % молодых семей, по мнению мужчин, помогают выйти из конфликта родственники и друзья; 10,0 % мужчин ответили, что во время ссоры их супруга старается помириться первой. Большинство мужчин (50,8 %) и женщин (61,0 %) считают, что если идти на взаимные уступки, конфликтов в семьях будет меньше. Следовательно, молодые супруги привыкли разрешать конфликтные ситуации в семье посредством нахождения компромисса. Это говорит об умении супругов общаться между собой и способности довести конфликт до его разрешения. К сожалению, достаточно большой процент молодых супружеских пар по каким-то причинам не может самостоятельно разрешать конфликт, просто «закрывая на него глаза», — 22,8 %.

Таким образом, основным фактором, влияющим на уровень конфликтности в молодых семьях, выступают разные взгляды и интересы. Этот фактор связан с плохой подготовленностью супругов к семейной жизни. Вероятно, с одной стороны, супруги недостаточно узнали друг друга с точки зрения интересов, привычек, образа жизни, с другой — психологически не готовы уступать и терпимо относиться друг к другу. Иным источником конфликта является борьба за лидерство в семье. Речь идет о противоположности взглядов супругов на ведение домашнего хозяйства и уча-

стие в этом процессе каждого из них, а также о тяжелом материальном положении семьи. Показатель уровня дохода оказывает влияние на уровень конфликтности в семье: чем выше доход, тем реже супруги ссорятся.

В полиэтнических молодых семьях, помимо представленных причин, конфликты могут возникать в связи с несоответствием религиозных взглядов, традиций, обычаев и культур (71,0 %). Мужчины и женщины выделяют разные причины и факторы конфликтности. Для женщин это различия в интересах и взглядах, совместное проживание с родителями одного из супругов, низкое материальное положение в семье, психологическая несовместимость, разный уровень образования и воспитания супругов. Для мужчин самыми распространенными факторами конфликта являются различия в интересах и взглядах супругов, ревность одного из супругов, нетерпимость к привычкам и увлечениям супруга и дисгармония в сексуальной жизни. Инициаторами конфликта, по мнению большинства опрошенных (37,1 %), выступают оба супруга в равной степени, конфликт в редких случаях затягивается на продолжительное время (76,0 % женщин и 87,0 % мужчин), чаще всего разрешается путем переговоров между супругами и поиском компромисса (33,0 % мужчин и 35,0 % женщин), реже с помощью родителей либо других родственников (7,0 % мужчин и 5,5 % женщин).

Не существует брак, свободный от конфликтов. Стабильность любой семьи во многом зависит от умения вовремя распознавать спорную ситуацию и находить пути прекращения раздоров, поскольку удачный выход из конфликта усиливает взаимопонимание супругов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карцева Л.В. Психология и педагогика социальной работы с семьей: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Дашков и К°, 2013. 224 с.

² См.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 671—672.

³ См.: Желдак И.М. Искусство быть семьей: практ. рук.-во. Минск: Язь, 2008. С. 47.

⁴ См.: Ковалев С.В. Психология современной семьи. М.: Просвещение, 2006. 208 с.

⁵ См.: Мустаева Ф.А. Социальные проблемы современной семьи // Социол. исслед. 2009. № 7. С. 109—111.

⁶ См.: Дадаева Т.М. Гендерная структура современного российского общества: реальность и тенденции развития. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. 269 с.

⁷ См.: Калмыкова Е.С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни // Вопр. психологии. 1983. № 3. С. 83—89.

Поступила 10.09.2015.

T. M. Dadaeva. Conflicts in Young City Families

A young family is a social institution, which forms marital relations, gender roles, and spouses adopt them. The nature of family relations depends on the social status of a family, its composition and life cycle, education level and age of the family members, their level of intelligence and capacity for open communication. In the circumstances of a demographic crisis, falling birth rates, increasing number of divorces and extramarital relationships it is very important to study conflicts in young families.

The paper is based on the sociological survey "Intrafamily conflicts in young families" (114 respondents, 50,0 % men and 50,0 % women) in the city of Saransk, held in March 2015. The purpose of the study was to determine the factors (sources) and causes of conflicts, to identify the main factors influencing the level of proneness to conflict in the family.

One of the hypotheses of the study defines the material level of the family as one of the factors of proneness to conflict. The study showed that in families with average and high income (more than 14,000 rubles per family member) conflicts are rare, as 77,0 % of the families responded. And, respectively, in families with lower incomes (7,000 rubles) conflict situations occur often (56,0 %). The majority of respondents answered that they rarely conflict with their spouse (62,9 %), 34,2 % of respondents often have to conflict while only 2,9 % of the households surveyed do not conflict.

The main causes of conflict, in the opinion of the majority of women and men, are the differences in the interests and attitudes of spouses that are directly related to the fact that words, assessment, and actions of a spouse do not match the expectations of the other spouse or contradict with them, which inevitably leads to family conflicts.

The majority of women (35,0 %) and men (33,0 %) are used to resolve conflicts with their spouses by finding compromise, 28,0 % said that conflicts in their families often do not find solutions and after some time settle by themselves.

The main factors influencing the level of conflict in young families are the different views and interests. Another source of conflict is to some extent the struggle for leadership in the family. Opposite views of spouses on the household and participation of each of them in this process, as well as difficult financial situation of the family also were mentioned. Such indicator as the level of income affects the level of proneness to conflict in the family: the higher the income, the less likely spouses are to conflict.

Н. О. КОЛЧИНА

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА В СТРАНАХ ФИННО-УГОРСКОЙ ГРУППЫ

Ключевые слова: историческая ценность, оздоровительный туризм, природная уникальность, страны финно-угорской группы, туризм, туристическая инфраструктура, угрозы, факторы

Key words: historical value, health tourism, natural uniqueness, Finno-Ugric countries, tourism, tourism infrastructure, threats, factors

В статье проанализирована индустрия развития гостеприимства стран финно-угорской группы. Оценка сильных и слабых сторон исследуемой проблемы позволила выявить возможности и угрозы отставания данной отрасли от других европейских стран-конкурентов. Разграничены и конкретизированы внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие туристической отрасли зарубежных стран финно-угорской группы. Внешние факторы представлены как индикаторы состояния развития отрасли, внутренние — как механизм реализации туристической услуги.

The paper analyzes the industry of development of hospitality in the Finno-Ugric countries. It gives an assessment of strengths and weaknesses of the studied issue, which allowed to identify opportunities and threats of the industry's lag from other European competitor countries. The author delineates and specifies the internal and external factors affecting development of the tourism industry in foreign Finno-Ugric countries. The external factors are presented as indicators of the state of development of the industry, and the internal ones — as a mechanism of implementation of tourist services.

Развитие индустрии гостеприимства и туризма любой страны финно-угорской группы, обладающей каким-либо историческим или природным наследием, является одним из инструментов формирования не только ее бюджета, но

КОЛЧИНА Наталья Олеговна, доцент кафедры маркетинга Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук.

KOLCHINA Natalia Olegovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Колчина Н. О., 2015

и становления ее как известного туристического бренда в мировом контексте. Оценка потенциала развития этой отрасли базируется на выявлении перспективных и проблемных аспектов, присущих каждой территории. Целесообразно выделить общие критерии оценки развития индустрии гостеприимства зарубежных стран финно-угорской группы.

Можно выделить сильные и слабые стороны развития индустрии туризма и гостеприимства стран рассматриваемой группы (Эстония, Венгрия, Финляндия), определить возможности и угрозы. К сильным сторонам следует отнести: вступление в Европейский союз (ЕС), выгодное геополитическое положение, благоприятные природные условия, достаточно большой ресурсно-сырьевой потенциал регионов и наличие собственных энергоресурсов, доступность всех транспортных путей (автомобильных, железнодорожных, речных, морских) и хорошую связь с международными морскими портами, аэропортами, удобное воздушное движение и умеренный уровень цен на авиаперевозки, наличие рекреационных зон, лечебно-оздоровительных и санаторно-курортных зон в качестве базы для развития международного туризма, значительные запасы высокоминерализованных термальных вод, единство языка общения, этнических и культурных традиций, наличие квалифицированной рабочей силы и активно развивающейся системы подготовки и переподготовки кадров, большой промышленный потенциал и наличие предприятий-экспортеров, создание благоприятного инвестиционного климата и прогрессивной законодательной базы по привлечению инвестиций.

Слабые стороны — это недостаточный ассортимент предоставляемых туристических услуг, высокая цена туристического продукта на национальном и международном рынках, сезонность туристических услуг, связанная с климатическими условиями, низкая загруженность гостиничного фонда в сезон спада туристической активности, нехватка номерного фонда во время туристического сезона, недостаточный брендинг турпродуктов, отсутствие реконструкции объектов туризма, отсутствие информационной базы о туристической деятельности, недостаток стимулирующих факторов для развития въездного и внутреннего туризма, отсутствие министерства туризма в странах финно-угорской группы, низкий уровень развития инфраструктуры в отдельных регионах.

Слабые стороны и угрозы имеют пролонгированный эффект, т. е. бездействие и их игнорирование могут привести в будущем к увеличению негативных эффектов и еще большему отставанию в развитии отрасли от стран-конкурентов.

Учет сильных и слабых сторон развития индустрии туризма и гостеприимства стран финно-угорской группы открывает перед ними ряд возможностей: растущий интерес к бизнес-возможностям приграничных регионов ЕС и России, использование системного подхода в оказании услуг организациями, поддерживающими развитие туризма, упрощение таможенных формальностей, снижение уровня безработицы за счет создания новых рабочих мест, развитие международного туризма, активное использование передовых IT-технологий, использование возможностей международных, национальных, региональных и местных программ развития туризма, привлечение инвестиций для софинансирования совместных бизнес-проектов, выравнивание уровней жизни в разных регионах, развитие курортного и бальнеологического направления туризма, развитие сети тематических этнических парков развлечений и водных парков, развитие конгрессного туризма, строительство новых крупных конференц-центров, проведение активной информационно-рекламной деятельности за рубежом. Реализация предоставленных туристическим рынком возможностей приведет к нарастанию экономического эффекта от разработанных и реализованных мероприятий в рамках развития туристической отрасли по каждой позиции.

К угрозам следует отнести: несовершенство нормативно-правовой базы; жесткую конкуренцию со стороны других стран; плохо разработанную программу поддержки фирм, занимающихся въездным туризмом; появление новых сильных конкурентов; появление продуктов-заменителей по более низкой цене; использование конкурентами новых технологий, позволяющих снизить себестоимость услуг; нестабильность национальной валюты; климатические сложности (значительные территории, расположенные вдоль Дуная и Тисы, подвергаются наводнению).

Туристы рассматривают страны финно-угорской группы как экономичный вариант отдыха, не связанный только с природной уникальностью территории и исторической ценностью ее архитектуры. Иностранные туристы (в основном немцы и австрийцы) отдадут предпочтение отдыху в этих

странах в связи с невысокой стоимостью проживания и демократичными ценами на услуги. Исключение по некоторым позициям составляет Финляндия.

Природная уникальность рассматриваемых стран финно-угорской группы привлекает туристов наряду с другими составляющими: национальными традициями, обычаями, кухней народностей финно-угорской группы. Однако развиваются туристическая инфраструктура и оздоровительный туризм в этих странах по-разному. Венгрия среди них является аутсайдером и обладает слабыми конкурентными преимуществами, за исключением ценового фактора. Инфраструктура местных городов и коттеджных поселков в своем развитии уступает странам Западной Европы, но цена жилья в среднем на 30—40 % ниже стоимости недвижимого имущества в Чехии, Германии, Австрии и Финляндии.

Выявление проблем в развитии туристической отрасли стран финно-угорской группы является основанием для формирования алгоритма развития индустрии туризма в этих странах на основе использования уникального природного ландшафта и исторического наследия. На развитие индустрии гостеприимства стран финно-угорской группы воздействует совокупность внешних факторов. Их анализ построен на интеграции индикаторов развития той или иной отрасли и расстановке их по приоритетности с точки зрения общества и индивида¹. Группировка индикаторов, характеризующих состояние индустрии гостеприимства, предполагает использование комплексного подхода, объединяющего статистические данные комфортности среды существования человека, «сканирование» его поведения и удовлетворенности в ответ на изменение параметров развития гостиничной услуги. Совокупность внешних факторов определяется воздействием окружающей среды независимо от уровня развития индустрии гостеприимства: правовые факторы, безопасность путешествий, экономические, культурные, инфраструктурно-коммуникационные, социально-демографические, технологические факторы и др.

Говоря о *политико-правовых факторах* следует отметить, что туристический бизнес стран финно-угорской группы активно поддерживается государством при помощи законодательной базы и нормативных актов, стимулирующих и регулирующих развитие туризма и гостиничного хозяйства.

Инвесторам в течение первых 12 месяцев их деятельности предоставляется финансовая помощь в размере от 25 до 60 % от стоимости инвестиционного проекта, направленного на укрепление предприятий туризма и сетей, поддерживающих рост и развитие предприятий, а также улучшение инфраструктуры зон отдыха внутреннего и выездного туризма. Поддержка предпринимательства в туристическом бизнесе способствует росту внутреннего и выездного туризма в странах финно-угорской группы. Например, в Эстонии увеличился внутренний туризм в 2013 г. на 6,1 %, а выездной — на 1,9 %. Однако этот показатель отнюдь не сильно отразился на соотношении внутреннего и выездного туризма в целом. Соотношение внутреннего и выездного туризма в Эстонии, Венгрии и Финляндии составило 1 к 2². Таким образом, влияние политико-правового фактора на развитие внутреннего туризма является приоритетным, требующим дальнейшего вмешательства и целенаправленного регулирования отрасли для достижения европейских показателей развития.

Экономико-финансовые факторы включают макроэкономические и микроэкономические показатели, являющиеся определяющими и влияющие на развитие индустрии гостеприимства. Экономическое состояние стран финно-угорской группы находится на среднем уровне, кроме Финляндии. Например, в Венгрии наблюдается низкий уровень внешнего долга, высокий уровень инфляции; ВВП на душу населения не было стабильным за 2010—2014 гг. (таблица). В 2011 г. Финляндия была названа самой конкурентоспособной из малых стран.

Таблица

Состояние экономики стран финно-угорской группы в 2010—2014 гг.

Ключевой индикатор	Эстония		Венгрия		Финляндия	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
Население по состоянию на 1 января, млн чел.	1,35	1,29	10,1	9,8	4,9	5,1
ВВП в текущих ценах, млрд евро	16,1	17,0	76,0	98,0	140,0	151,0
ВВП на душу населения в текущих ценах, евро	11 977	13 172	11 000	15 000	31 000	38 000
Инфляция	—	—	4,2	5,7	3,4	2,0
Уровень безработицы	5,9	10,2	10,5	9,2	9,4	9,0

В странах, где доходы от туризма составляют значительную долю ВВП, инвестиции направляются на строительство новых гостиниц и улучшение инфраструктуры туризма. В вопросах финансового регулирования для туризма наибольшее значение имеют уровень цен, валютный курс, простота и доступность валютного обмена. Для промышленности характерен динамизм и высокий уровень экспорта, опережающий рост машиностроительной продукции и оценивающийся в ЕС как средний. Современная политика направлена на углубление участия этих стран в евро-атлантическом и общеевропейском интеграционных процессах. Макроэкономическая нестабильность, проявляющаяся в росте безработицы, инфляции и диспропорции других конъюнктурных изменений, оказывает неблагоприятное воздействие на туристическую активность, что приводит к сокращению туристских поездок.

Говоря о *культурных факторах*, следует отметить, что культурная среда оказывает огромное влияние на генерирование массовых туристических потоков. Туристы посещают прежде всего те места, которые имеют мировую культурную ценность. Туристов интересует жизнь и быт других народов, поэтому для них важны программы, ориентированные на соприкосновение с культурным наследием стран финно-угорской группы, которое проявляется также в сувенирной продукции. Наибольшей популярностью пользуются сувениры из Венгрии: паприка, марципановые фигурки, фарфор и хрусталь, керамика, текстиль с вышивкой. Эстония славится изделиями из льна и дерева, янтарем, керамикой³.

Традиция, которая появилась в Венгрии и Эстонии около 2 тыс. лет назад, — культура бань. Территория этих стран представляет собой комфортабельный бальнеологический курорт. Еще в эпоху Римской империи культура бань достигла в Венгрии небывалого расцвета, это было подтверждено раскопками на территории Аквинкума — древнего римского города, находящегося на территории Будапешта. Финские бани — народная традиция, несколько отличная от традиций Венгрии и Эстонии. Баню считают исконно финским явлением, но она не финское изобретение и принадлежит не только финнам.

Народные обычаи отражаются также во многих ремеслах. Особенно характерны для народов Венгрии и Эстонии

ремесла, связанные с древним скотоводческим бытом. Распространены ткачество и гончарство. В Финляндии широко представлен рыболовный промысел.

Влияние *социально-демографических факторов* связано с различиями в возрастном составе путешествующих. Учет этого фактора способствует появлению клиентоориентированных средств размещения. Например, эстонцев отличает большая доля путешествующей молодежи (до 30 лет) (63 %). В Венгрии и Эстонии для них имеется множество отелей эконом класса — около 50, 63 % от общей численности гостиниц⁴. В Финляндии иная ситуация. Гостиничный бизнес здесь рассчитан на более платежеспособного потребителя исходя из внутреннего спроса на туристические услуги и высокого уровня платежеспособности туристов.

К демографическим факторам также относятся: постоянно растущий взаимный интерес народов в разных странах, имеющих единый или родственные язык либо связанных общностью истории и культуры; повышенный спрос на участие в специализированных поездках лиц одной профессии или общественной функции. Для развития индустрии гостеприимства большое значение имеет возрастной, семейный и социальный состав населения. Социальный статус туристов приводит к появлению гостиниц различных ценовых категорий, ориентированных на людей разного достатка. Важным фактором является и семейный отдых, что вызвало появление отелей для семей с детьми, гибкой системы скидок для туристов, путешествующих семьями, и т. д.⁵

Инфраструктурно-коммуникационный фактор отражает состояние инфраструктуры, транспорта, средств размещения и питания. Туристическая инфраструктура стран финно-угорской группы ориентирована на исключение коммуникационных барьеров при налаживании контактов с персоналом отелей и получении необходимой для туристов информации. Попаст в страны финно-угорской группы можно несколькими способами, но самым удобным и быстрым является перелет. Большую часть путешественников принимают международные аэропорты Венгрии, Эстонии и Финляндии. Железные дороги, управляемые национальными предприятиями, соединяют финно-угорские страны с 25 европейскими столицами и открывают доступ из Будапешта, Хельсинки и Таллина во все крупные города. В Эстонии и

Финляндии действует разветвленная сеть железных дорог, соединяющая крупные города и другие страны.

Фактор сезонности неоднозначно влияет на функционирование любого предприятия размещения. Зарубежные страны финно-угорской группы обладают уникальным природным и историческим наследием, что позволяет принимать и обслуживать туристов круглогодично. Например, познавательный туризм в Венгрии и Эстонии ориентирован на ознакомление туристов с памятниками архитектуры, археологии, истории, культуры, природы, а также с традициями и обычаями страны и не подвержен сезонности.

Оздоровительный туризм также обеспечивает постоянный приток туристов в страны финно-угорской группы. Однако термальные источники, озера и уникальные природные условия есть в ряде европейских стран: Италии, Австрии, Чехии. Это связано с географической широтой, на которой расположены эти территории, и природным ландшафтом. Но туристическая инфраструктура и оздоровительный туризм развиваются здесь по-разному. Венгрия в данном случае является аутсайдером и обладает слабыми конкурентными преимуществами, за исключением ценового фактора.

Технологические факторы, т. е. достижения научно-технического прогресса, широко используются в индустрии гостеприимства, в частности в таких областях, как транспортные перевозки, системы дистрибуции и потребительская информация. Развитие телекоммуникационных технологий привело к созданию компьютеризованных систем бронирования, которые позволяют резервировать места в средствах размещения в режиме онлайн. Глобальные системы дистрибуции предоставляют миллионам пользователей интересные возможности: теперь потребитель сам может составить турпакет, провести необходимое бронирование и отправиться в путешествие по разработанному им самим маршруту.

Большое влияние на рост туризма и расширение его социальной базы оказывают материально-технические факторы. Особое место в туристской деятельности занимает индустрия размещения и питания, подверженная колебаниям спроса в течение года, что приводит к увеличению затрат на содержание предприятий размещения и питания и удорожанию их услуг.

Помимо внешних факторов, определяющих развитие международного туризма стран финно-угорской группы, необходимо конкретизировать группу *внутриотраслевых факторов*, рассматриваемую нами как «возможности», к которым относятся: совершенствование гостиничного продукта, развитие сферы гостиничных услуг, создание гостиничных цепей и ассоциаций, развитие систем дистрибуции, развитие тематических этнических парков и т. д.⁶

Качество гостиничного продукта во многом зависит от состояния окружающей среды и инфраструктуры. В этом отношении велика роль туристских организаций: региональных туристских администраций, правительственных структур, профессиональных ассоциаций, которые могут объединить усилия для создания атмосферы гостеприимства, привлечь необходимые инвестиции.

В настоящее время гостиничные услуги все чаще предстают в виде комплексного гостиничного продукта, предоставляющего туристу максимальное количество удобств, помноженное на гостеприимство и радушие персонала. Автономное существование гостиничных предприятий давно сменилось процессом интеграции отелей с предприятиями транспорта, связи, туроператорами и турагентами, экскурсионными и анимационно-досуговыми организациями.

Возникновение и развитие информационных технологий и коммуникаций способствовало созданию гостиничных цепей и ассоциаций: крупнейшие гостиничные предприятия стали объединяться для регулирования развития бизнеса, а также для роста и более равномерного распределения доходов. Широкое распространение получили и гостиничные ассоциации. Наиболее авторитетной является Международная гостиничная ассоциация.

Таким образом, выделенные внешние факторы являются индикаторами, характеризующими состояние индустрии туризма и гостеприимства стран финно-угорской группы. Внутренние факторы способствуют предоставлению качественного туристического продукта, следовательно, выступают в качестве механизма реализации туристической услуги.

Совокупность внутренних и внешних факторов влияет на укрепление сильных позиций и реализацию предоставленных рынком возможностей. Выявление проблемных точек в

развитии туристической отрасли является основанием для формирования дальнейшего алгоритма развития индустрии гостеприимства и туризма стран финно-угорской группы на основе использования не только уникального природного ландшафта и исторического наследия, но и ряда программных мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Колчина Н.О. Факторы качества жизни регионального социума // Регионология. 2010. № 1. С. 155—161.

² См.: Стратегия и программа развития предпринимательской деятельности между компаниями Северо-Востока Эстонии и Северо-Запада России: Междунар. конф. по приграничному сотрудничеству «Бизнес без границ». Нарва, Эстония, 23 июня 2006 г. URL: <http://www.myshared.ru/slide/743696> (дата обращения: 23.04.2015).

³ См.: Сакс К. Положение финно-угорских и самодийских народов. URL: <http://www.fennougria.ee/index.php?id> (дата обращения: 23.02.2015).

⁴ См.: Внешняя и внутренняя политика Финляндии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.01.2015).

⁵ См.: Туризм и гостиничное хозяйство / под ред. А.Д. Чудновского. М.: Юркнига, 2003.

⁶ См.: Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: к проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Книга по Требованию, 2011. 264 с.

Поступила 10.07.2015.

N. O. Kolchina. Development of the Tourism and Hospitality Industry in the Finno-Ugric Countries

Despite the diverse ethnic composition, hospitality is one of the fundamental notions of the Finno-Ugric people. It has always been difficult for the human being as a biological entity to survive on our planet. In order to live, they need to leave home, the place of permanent residence. Sometimes a man is out for several days, weeks, or months. He needs support and help of “strangers” in exchange for a guarantee of the same treatment when they come to his territory. This is nothing but hospitality.

The hospitality industry is driven by several factors, which can be divided into two groups — the external and internal ones. This paper specifies their influence. Assessment of the strengths and weaknesses of the research object resulted in identification of the opportunities and threats of the industry's lag from other European competitor countries.

The hotel product is the core element of the tourism industry. The quality of the hotel product is largely dependent on the environment and

infrastructure, in this respect, great is the role of tourism organizations: regional tourist administrations, governmental agencies, and professional associations which can combine efforts to create an atmosphere of hospitality, to attract the necessary investments.

The level of hotel and restaurant service plays an important role in servicing foreign tourists. But the tourism industry, and especially accommodation and catering industry, is subject to fluctuations of demand for tourist services during the year. This increases the cost of accommodation and catering and makes prices for their services higher.

Hotel services often appear in the form of a complex hotel product providing the maximum number of tourist amenities, coupled with the hospitality and kindness of the staff. Autonomous existence of hotel companies was changed by the process of hotels integration.

with enterprises of transport, communications, tour operators and travel agents, sightseeing, entertainment and leisure organizations.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(V СУХАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ) «РЕГИОНАЛЬНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И КОНСОЛИДАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА РОССИИ: РЕАЛИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ»**

15—16 октября 2015 г. в г. Саранске прошла Всероссийская научно-практическая конференция (V Сухаревские чтения) «Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы». Ее организаторы — ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», ФГБУН «Институт социологии Российской академии наук», Правительство Республики Мордовия, ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Казани, Пензы, Ульяновска, Йошкар-Олы, Саранска и других городов России.

В приветственном слове к участникам конференции ректор Мордовского государственного университета С. М. Вдовин отметил важность обсуждаемой проблемы, противоречивость процессов региональной дифференциации, объективную необходимость консолидации социального пространства России и выразил уверенность в том, что в процессе всестороннего обсуждения проблем, возникших в современном мире и непосредственно затрагивающих Россию, будут даны практические рекомендации, которые станут способствовать нивелированию региональной дифференциации и содействовать консолидации российского общества.

Руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН профес-

сор В. В. Маркин (г. Москва) в докладе «Региональная идентификация и моделирование в социолого-управленческом дискурсе» отметил, что для исследования трансформации российского общества в региональном плане исключительно большое значение имеет социально-пространственная и социально-территориальная идентификация. В отличие от социально-пространственной, социально-территориальная идентификация предполагает выявление и моделирование позиций и диспозиций индивидов и социальных групп как носителей различных практик жизнедеятельности в качестве жителей (групп жителей) конкретного территориального образования, населенного пункта и (или) его части, их социально-территориальные общности (сообщества), а также органы власти, бизнес-структуры, институты гражданского общества, представленные в данных территориальных образованиях, позиции и диспозиции которых складываются по поводу использования территории, ее природного, социально-экономического и социокультурного потенциалов. Это также может быть представлено в качественных и количественных моделях. Ученый отметил важность постоянного мониторинга этих процессов.

Заведующий кафедрой социологии Мордовского государственного университета профессор С. В. Полутин (г. Саранск), говоря о социологической школе профессора А. И. Сухарева, подчеркнул, что,

будучи ректором Мордовского университета, Александр Иванович стремился к тому, чтобы интеллектуальный потенциал вуза был направлен на решение актуальных проблем региона. В связи с этим он выдвинул и всячески реализовывал идею политехнической модели университета. В дальнейшем она стала структурной и содержательной основой НИИ регионологии и Научного центра социально-экономического мониторинга.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. начался процесс интеграции разных направлений региональных исследований, результатом которого стало появление такого научного направления, как *регионология*. Его родоначальником был профессор А. И. Сухарев.

Заведующая кафедрой политологии, социологии и связи с общественностью Ульяновского государственного технического университета О. В. Шиняева (г. Ульяновск) в докладе «Дифференциация состава среднего класса в российских регионах (на примере регионов Поволжья)» отметила, что воспроизводство среднего класса является важным условием развития современной России. Ярко выраженная дифференциация российских регионов актуализирует внимание к такой проблеме, как количественный и качественный состав региональных сегментов среднего класса.

Декан факультета социальных технологий Поволжского государственного технологического университета профессор В. П. Шалаев (г. Йошкар-Ола) в докладе «Российский интеллект и образование под натиском западофикации» заострил внимание участников конферен-

ции на проблеме влияния западной культуры на сознание россиян и отечественное образование. По его мнению, глобализационный мейнстрим стал формообразующим фактором современности. Под унифицирующим воздействием западной цивилизации, западной деловой и массовой культуры мировое сообщество все больше приобретает черты общества колонизованного. Именно так мы можем сегодня назвать состояние многих незападных стран мира, политическая, экономическая и культурная жизнь которых находится в фарватере западного вектора развития мировой истории. Под влиянием западной экономики, политики и культуры резко поменялась в худшую сторону система экономических, политических и культурных статусов западных стран и цивилизаций. Важным фактором формирования этих статусов стало влияние на страны и народы западофицированной формы глобализации как планетарного проекта переделки мира по западным образцам и в западных же интересах и в материальной, и в духовной сферах жизнедеятельности человека и общества. Вместе с «катком» западофикации в мир пришла не только ускоренная динамика практического развития (западофикация стимулировала развитие производства и потребления в мире), но и повышенные риски актуального и перспективного существования. Естественным в этих условиях, по мнению докладчика, становится вывод о судьбе России: или прежняя диффузия воспитания и образования, или ясная и твердая политика в направлении национально ориентированной, патриотической подготовки молодежи, или еще боль-

шая дифференциация и разрушение общества как жизнеспособного и самоорганизующегося целого, т. е. или национально ориентированное образование и воспитание, или энтропия и внешняя колонизация.

Директор ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Пителима Сорокина» доцент О. Ю. Кузванова, рассказывая об опыте мониторинга ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми, отметила, что Министерство национальной политики Республики Коми осуществляет мониторинг межнациональных отношений в регионе с 2008 г. Для оценки ситуации в межнациональных отношениях и выявления основных конфликтогенных факторов министерством используются: сбор информации от муниципальных органов власти, анализ информации от УФМС, МВД, экспертный опрос, социологический (анкетный) опрос по региональной выборке. Важной задачей, необходимой для выработки грамотной политики управления регионом, является получение сведений об оценке населением конфликтоген-

ного потенциала межнациональных отношений на территории его проживания. Подобные оценки можно выявить через полномасштабное социологическое исследование в виде анкетирования по республиканской выборке.

Далее участники конференции продолжили работу в секциях «Социально-экономическая дифференциация пространственного развития российских регионов», «Демографические ситуации и проблемы миграции в регионах России», «Общественно-политические институты в консолидации российского общества», «Этноконфессиональные процессы в российских регионах», «Культурное и информационно-технологическое развитие регионов», «Модернизация регионов и международное сотрудничество».

В конце работы конференции ее участниками были сформулированы, обсуждены и приняты рекомендации.

В. В. Козин,
кандидат социологических наук,
доцент (г. Саранск)

Редакторы *С. В. Денисова, А. А. Парамонов*
Редактор текста на английском языке *А. В. Пузаков*

Журнал распространяется по подписке, которую можно оформить в отделениях почтовой связи (индекс по каталогу ОАО Агентство «Роспечать» — 73335).

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-57331 от 17 марта 2014 г.

Подписано в печать 16.12.2015. Дата выхода в свет 30.12.2015. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,00. Уч.-изд. л. 9,33. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalCTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 300 экз. Заказ № 1495. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а (НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва»).

Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Отпечатано в Издательстве федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.